

смена

№ 7 АПРЕЛЬ 1978

ДЕЛЕГАТ
XVIII СЪЕЗДА
ВЛКСМ
ЕВГЕНИЙ
ЯНКОВИЧ

**НА ВСТРЕЧУ
XVIII СЪЕЗДУ ВЛКСМ**

БЕЛАРУССА

«Завершается третий месяц третьего года пятилетки, месяц вроде бы обычный, но есть в нем и свои приметы», — пишет нам секретарь комитета комсомола Минского тракторного завода, делегат XVIII съезда ВЛКСМ Евгений Янкович. — Мне как комсомольскому работнику эти приметы особенно видны. Я читаю обязательства своих товарищей по организации, и в каждом из них встречаю слова «досрочно», «качественно», «эффективно»... Так, например, все комсомольско-молодежные коллективы кузнеично-прессового корпуса обязались завершить задание трех лет пятилетки к первой годовщине новой Конституции СССР. Это хороший ответ на Письмо ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «О развитии социалистического соревнования за выполнение и перевыполнение плана 1978 года и усиление борьбы за повышение

качества работы», обсуждение которого состоялось во всех комсомольских организациях цехов и отделов нашего завода».

Инициативу молодых кузнецов Минского тракторного, как сообщает Янкович, поддержали многие рабочие коллективы республики.

О кузнецах Женя говорит с особой гордостью. Может быть, потому, что и сам был недавно кузнецом. После службы в армии Евгений Янкович встал к кузнечному прессу. Начинал, естественно, подручным. И одновременно учился в Минском политехническом институте. Когда он получал диплом инженера-конструктора, начальник кузнеочно-прессового корпуса, по собственному признанию, «со слезами отпустил доброго кузнеца Янковича». Он и конструктором стал хорошим. Об этом свидетельствует трактор «МТЗ-82», ставший одним из

главных экспонатов Центральной выставки НТТМ-78, в разработке которой принимал участие и конструктор Янкович. В конце прошлого года комсомольцы тракторного избрали Евгения своим вожаком.

Сообщений, подобных письму Е. Янковича, в редакцию сейчас приходит много.

Тюменские буровики из бригады Геннадия Левина решили в этом году установить мировой рекорд проходки буровых скважин.

Молодые шахтеры из Горловки Василий Кожурин, Василий Левок и другие забойщики комсомольско-молодежного участка шахты имени Гаевого приняли комсомольский встречный, план трех лет пятилетки они обязались выполнить к юбилею Ленинского комсомола и выдать еще 9 тысяч тонн сверхпланового коксующегося угля.

А комсомольско-молодежная бригада из треста «Азовстальстрой», которую воз-

главляет Герой Социалистического Труда М. Бодашевский, решила к 60-летию Ленинского комсомола выполнить плановое задание всей пятилетки.

Николай Литвинов, бригадир Фрунзенского завода электронных вычислительных машин, сообщает, что в бригаде осталось сейчас всего 8 человек, но они успешно справляются с объемом работы, которую недавно выполняли 15 человек. Продуктивность труда в бригаде выросла в первую очередь за счет рационализации и совершенствования технологических процессов. Одновременно значительно улучшилось и качество готовой продукции...

Сегодня в нашей традиционной рубрико «Гиганты советской индустрии» мы расскажем о минских тракторостроителях — крупнейшем предприятии этой отрасли — участии молодежи в его делах в канун XVIII съезда ВЛКСМ.

КАЯ МАРКА

Стальная река

И течет она, медленно преодолевая заторы и мели, вбирая в себя множество ручейков, разрастаясь с каждой секундой. Можно часами наблюдать за её движением завороженно и молча, хотя у этой реки самое обычное название—заводской конвейер. Название общее для множества конвейеров, вдоль которых мне довелось ходить, и все же стальные эти реки не похожи друг на друга. Потому что отличают их скорость движения, растущая на невидимых волнах продукция и, конечно же, люди, обступающие их берега.

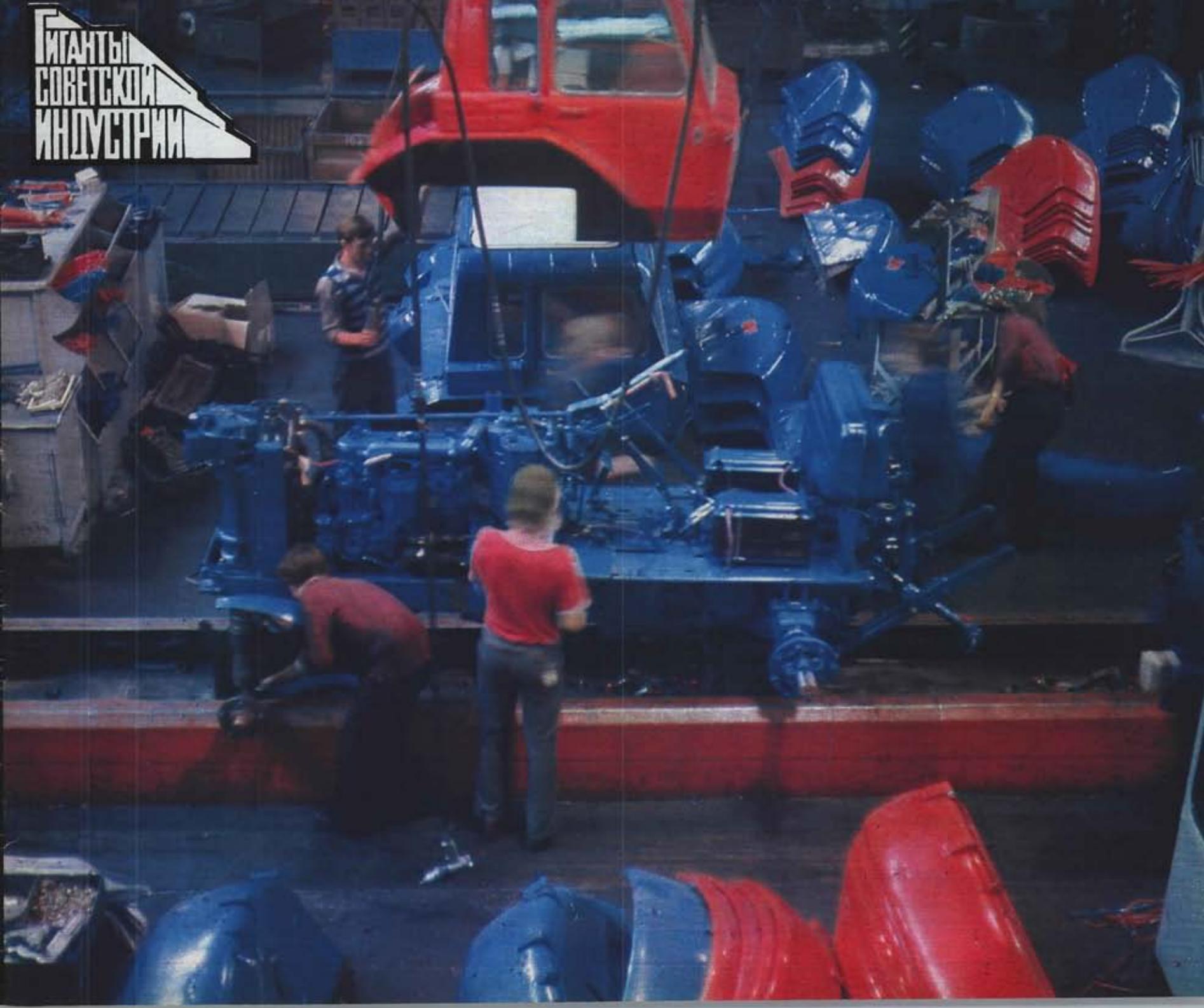
— Мне приходится задавать темп всей карусели,— улыбается слесарь-сборщик Минского трактор-

ного завода Владимир Афанасенко. Он стоит у самого истока, укладывает на конвейер первый узел—переднюю полураму трактора.

А в самом устье водитель-испытатель Владимир Сытько сводит новорожденный трактор на землю, на которой и предстоит ему отныне жить и трудиться. Володя Сытько—20 лет. Это, по словам одного тракторостроителя, «среднесборочный возраст». Володя впервые попал на завод много лет назад со школьной экскурсией и с тех пор «заболел» тракторами. Во время школьных каникул он работал в передвижной механизированной колонне, делал, по собственному выражению, «настоящую землю из болот да кочек», потом окончил с отличием СПТУ (учился, конечно, на тракториста) и, как отличник, получил направление в индустриальный техникум. Но поступать в техникум не стал, помнил о давней экскурсии на прославленный завод и сам хотел прикоснуться к изготовлению тракторов, на которых работал. Начальник сборочного цеха отозвался о Сытько как об одном из лучших водителей-

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ПРОХОДНАЯ.

ГЛАВНЫЙ КОНВЕЙЕР.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 7 (1221) АПРЕЛЬ 1978

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
делегат
XVIII съезда ВЛКСМ,
секретарь комитета
комсомола
Минского
тракторного
завода
Евгений
ЯНКОВИЧ.

Фото Альберта
ЛЕХМУСА.

1 НАВСТРЕЧУ XVIII СЪЕЗДУ ВЛКСМ.
«БЕЛОРУССКАЯ МАРКА». Фотоочерк
Анатолия БАРАНОВА и Альбера ЛЕХМУСА.

6 РЕЙД «СМЕНЫ».
«НУЛЕВОЙ ЭФФЕКТ», или История о том, как в Приморском крае строительство профтехучилищ споткнулось о равнодушие...

8 Рассказ Николая АТАРОВА «ЦАРСКИЙ ВАГОН».

11 НОВОЕ ИМЯ.
Стихи Виктора КЕЛЬДЮШКИНА.

12 «СКОРАЯ» УХОДИТ В НЕБО. Фоторепортаж Владислава ЯНЕЛИСА и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.

16 ФОТОКОНКУРС «СМЕНЫ» «МИР МОЛОДОСТИ СТРАНЫ СОВЕТОВ», ПОСВЯЩЕННЫЙ 60-ЛЕТИЮ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА.

17 ЭКСЛИБРИС «СМЕНЫ».

18 ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА.
«ТОВАРИЩ ВАНАДИЙ». Очерк Леонида ГАРЯЕВА.

20 Братья ВАЙНЕРЫ. «ГОРОД ПРИНЯЛ!...». Повесть.

24 «РУБЕЖ ТИМОШЕНКО».
Рассказ об одном из эпизодов учений «Березина» войск Белорусского военного округа.

26 ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ.
Георгий БАЖЕНОВ. «ИЩУ ДРУГА».

28 ПИСЬМО ЧИТАТЕЛЮ.
Ольга ВОРОНОВА. «ТРУДНОЕ СЧАСТЬЕ ПОЗНАНЬЯ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. АБАШИН, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ,
А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора),
Г. Л. НЕМЧЕНКО, В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь),
Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ,
В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. В. СЕМЕНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник),
Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантрушов.

Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда». «Смена». 1978 г.

испытателей: «Несмотря на молодость, он чувствует машину до последней гайки».

Не разлюбив лесов и пашен, Володя научился понимать и любить металл. И стал, наверное, не вдвоем — втрое богаче.

Водитель-испытатель Владимир Сытко одним из первых тракторостроителей поддержал почин стерженщицы сталелитейного корпуса Тамары Алехно. Накануне 60-летия Октября Тамара вместе с другими победителями предыубийственного социалистического соревнования была сфотографирована на легендарном крейсерсе «Аврора». Возвращившись из Ленинграда, она предложила продлить юбилейную октябрьскую вахту до 60-летия ВЛКСМ. Почин этот подхватили тысячи комсомольцев Минского тракторного завода. А Владимир Сытко первым из водителей-испытателей обязался к тому же выполнить план трех лет десятой пятилетки ко дню открытия XVIII съезда ВЛКСМ.

Между истоком и устьем, между рабочими местами Владимира Афанасенко и Владимира Сытко — две-сти шестьдесят метров стального конвейера, по краям которого, кроме двух Владимиров, стоят еще 158 человек. Над центром конвейера установлено электронное табло, хорошо заметное со всех концов сборочного цеха. На табло почти через каждые три минуты вспыхивает новая цифра, а это значит — родилась еще одна машина. Прямо под этими мелькающими красными цифрами рабочее место бригады Михаила Федюковича. В бригаде 19 человек, все они «среднесборочного» возраста, и на двадцатипятилетнего бригадира смотрят с почтением — у него уже семилетний стаж.

— Миша, встречаемся в фойе Дворца культуры, — бросает на ходу слесарь Владимир Грудович. — Чтобы все при галстуках были.

— Да мы же, комсорг, и без галстуков красивые, — смеется вдогонку Федюкович и, ловко «играя» на кнопках выносного пульта управления кран-балки, несет навстречу очередному трактору сверкающую свежей красной краской кабину.

Начало

Улицы Минска были засыпаны битым кирпичом, обгоревшей бумагой и пылью, еще дымились пожарища, и, словно снег, падал с июльского неба легкий серый пепел. Над городом туманом стоял дым, и слабый ветерок разносил тошнотворно-сладкий запах горевшей взрывчатки. Среди руин высился одинокими небоскребами лишь многогранник Дома правительства да острые иглы костела — в самый последний момент партизаны предотвратили взрыв этих зданий.

На следующий день после освобождения столицы Белоруссии партизанышли строем по разрушенным улицам Минска, стараясь не глядеть по сторонам. Многие им пришло вынести, перекинуть, но убитый город они видели впервые. Партизаны крепче скимали оружие, обещая мстить, мстить и мстить.

Но большинство участников партизанского парада, посвященного освобождению Минска, в тот же день сдали автоматы и карабины, пистолеты и гранаты, получили взамен лопаты да топоры, пилы да мастерки — их направили на стройки белорусской столицы.

Город должен был восстать из пепла!

Петр Антипов, Алексей Кудрявцев, Василий Онуфрийчук, Виктор Сушкиевич и другие партизаны пришли на стройплощадку завода, который начали возводить еще до войны на далекой окраине Минска. От большинства заводских корпусов остались только глыбы бетона, переплетенные искореженным металлом. Под развалинами обнаружили кое-какие инструменты, электродвигатели и целое богатство — два станка: токарно-винторезный и вертикально-сверлильный. В большом овраге наткнулись на кладбище разбитых немецких грузовиков, собрали из них один. За руль усился улыбающийся Онуфрийчук, обещавший со временем создать из разбитых машин целую колонну.

— Что это ты фашистскому железу радуешься? — спросил Павел Борин, бывший разведчик из «отряда Чапаева», только что прибывший на стройку.

— Машина нашими пулями мечена — значит, наша, — за растерявшегося Васю ответил Федор Аксенов. — А ты бы посмотрел, как мы тут каждой ржавой кувалде, каждому ломаному резцу радуемся.

Федор пользовался среди партизан большим авторитетом. И за собственную смелость, граничащую с дерзостью, и за точный расчет, и за умение командовать, и за партийную справедливость.

Родился он 22 июня, командир роты обещал на день рождения увольнительную. Но он не успел ее получить — дивизию подняли по тревоге. Двадцать дней 61-я стрелковая занимала оборону на реке Другой, а когда пришел приказ отходить, фашисты были уже в тылу дивизии. Окружены и составили ядро гомельского городского партизанского отряда «Большевик». Член бюро подпольного горкома комсомола Федор Аксенов командовал взводом «Комсомолец», состоявшим из разведчиков и подрывников. За успешные

операции в «рельсовой войне» награжден орденом Красной Звезды. Федор Иванович и в последний свой бой вступил там же, где встретился с фашистами впервые,—в треугольнике Днепра и Друти, в лесах, неподалеку от Рогачева. Там же партизаны-коммунисты приняли комбиводу в партию.

— Теперь, Паша, ты будешь взводом командовать,—пообещал Аксенов Борину. На стройке бригады привычно именовались «взводами», а участки—«отрядами». Борин поначалу командовал «взводом», работавшим на разгрузке стройматериалов, потом возглавил «отряд» по ремонту и обслуживанию железнодорожных путей.

К концу войны завод начал выпускать нехитрые, но очень необходимые в то время изделия ширпотреба: дверные навесы, кровати, чугуны...

В марте 1946 года сессия Верховного Совета СССР приняла закон о пятилетнем плане восстановления народного хозяйства на 1946—1950 годы. К концу пятилетки выпуск тракторов намечалось довести до 112 тысяч. В связи с этим Совет Министров СССР 29 мая 1946 года принял постановление о строительстве Минского тракторного завода, который должен был срочно наладить выпуск гусеничного трактора «КД-35».

Завод начинался там, куда почти две тысячи бывших партизан пришли в памятном июле сорок четвертого года. И сегодня более двухсот из них работают на тракторном Порой им приходится объяснять своим ученикам и слушателям, почему у них стаж работы на МТЗ превосходит официальный возраст самого завода.

Биография у меня самая обычная—биография моего поколения,—рассказывает ветеран завода, фрезеровщик Федор Иванович Аксенов, недавно награжденный орденом Октябрьской Революции.—Юность, конечно, нам трудная выпала, но радоваться мы не разучились. Приходите сегодня во Дворец культуры, увидите, не хуже нынешней молодежи веселиться умеем. Быть может, еще и потому, что мы молодым немножко завидуем, но виду такого показать не желаем.

Испытание

В классификации тракторов, как в спорте, существуют различные весовые категории. Здесь их имеют классом. Класс трактора характеризуется тяговым усилием, которое развивает машина при рабочей скорости. Помимо класса, для любого трактора очень важны такие показатели, как экономичность, техническая оправданность, металлоемкость... Создание нового трактора похоже на уравнение со многими неизвестными. Трактор, даже простой, сложнее автомобиля. И конструкторам надо думать не только о том, как надежнее создать узлы и поудобнее их смыкать. Нужно изучать агрономию, учитывать запросы овощеводов и животноводов, думать о том, что удельное сопротивление почвы в отличие от асфальта неодинаково порой даже в одной местности.

Обычно над проектом трактора работают мощные КБ и целевые институты. На МТЗ поначалу конструкторам выделили небольшую темную комнату—бывшую бытовку. Да большего они и требовать не могли, в их обязанности входило несложное задание—копировать чертежи уже сконструированного трактора и передавать их технологам. Ядро небольшого КБ составляли выпускники Уфимского авиационного института Петр Бойков, Виктор Войтиков и Петр Прицкер. Им, готовившимся строить самолеты, трактор в то время казался машиной несложной. Они-то и задумали сделать трактор наиболее универсальным, пригодным для всех видов сельскохозяйственных работ и для всех зон страны. Сами они называли его «всепогодным». Но задумать оказалось легче, чем сделать. Они копались в литературе, встречались с агрономами, изучали технико-экономические данные лучших советских и зарубежных тракторов, спорили между собой долго и безрезультатно. Бойков в конце концов предложил идти за советом к главному конструктору. Петра поддержали не слишком охотно, боялись, что острый на языке Иван Иосифович Дронг высмеет их мальчишество. Но они уже понимали, что отказаться от своей идеи у них не хватит сил. Главный долго и молча разбирал их чертежи, спотыкался на колонках цифр, сам что-то пересчитывал и, наконец, поставил «диагноз»: «Кое-что интересное намечается, но я удивляюсь вашей несмелости! Стоит ли исправлять вчерашний день, давайте думать о завтрашнем, даже о послезавтрашнем». Дронг тогда оказался гораздо смелее молодых конструкторов, уже хотя бы потому, что знал больше их и видел дальше. В первую очередь он «вырезал» гусеницы—трактор должен быть колесным и обязательно на резиновом ходу, с большим диапазоном скоростей, он обязан «стыковаться» не только с прицепными, но и навесными и полунавесными сельскохозяйственными орудиями...

Снова в «конструкторской коммуне» закипела ра-

бота, напряженная, шумная, многочасовая. Они работали и жили вместе и уже в силу этого не могли оставить свой поиск ни на минуту, бывало, спорили по какому-то узлу целыми неделями, но пусть не истину, а стоящее решение все-таки находили.

Первые наброски и расчеты будущего трактора они сделали в начале сорок восьмого, а уже в конце года научно-технический совет Министерства автотракторной промышленности под председательством академика Е. А. Чудакова рассмотрел и одобрил технический проект универсального колесного сельскохозяйственного трактора, у которого были добрые родители, но еще не было собственного имени. Впрочем, и самого трактора в натуре еще не существовало.

Всякое изображение на бумаге плоскостно. Чтобы оживить пространство, к длине и ширине необходимо добавить высоту и глубину, создать, одним словом, объем. Это важно не только в живописи.

Завод тем временем работал и продолжал строиться. Кроме механических, вступил в строй цех пусковых двигателей, готовился к пуску и первый главный конвейер, требовавший от конструкторов времени для подготовки к производству «КД-35».

Молодых авторов освободили от работы по гусеничным машинам, конструкторское бюро расширилось, появился отдел нового проектирования, переселившийся в комнату получше и попроще. Но работали по-прежнему коллективно, с минимальным перерывом на сон. Они довольно быстро закончили технический чертеж, учтя все замечания и пожелания ученых, сотрудников министерства, потом принялись за рабочий проект и почти одновременно за выпуск рабочих чертежей, по которым тут же, в крохотном тогда экспериментальном цехе, изготавливались узлы и детали будущей машины.

18 июня 1949 года на залитый солнцем заводской двор выкатился первый колесный трактор, положивший начало большому прославленному семейству «Беларусей». Полюбоваться на него собрался весь завод, конструкторы радостно отвечали на поздравления и тоже смотрели на свое детище с обожанием. В тот же день трактор выехал в поле, испытывали его с самыми разными орудиями, давали немыслимые нагрузки. И когда он задыхался от непосильной ноши, молодые инженеры, казалось, сами готовы были тащить тяжелые плуги или борона...

14 октября 1953 года с конвейера сошел первый колесный трактор «МТЗ-2». Первый так же, как и все последующие машины, отправился сразу на колхозные поля. Семнадцать лет работал на «Беларуси» под первым заводским номером механизатор колхоза «Большевик» Савелий Сергеевич Мироненко. Работал и был доволен машиной. Но все же обрадовался, когда заводчане предложили обменять его латаный перелатанный трактор на новенький именной «МТЗ-50». Первена торжественно поставили на пьедестал в день 25-летия Минского тракторного. Он стоит как памятник труду и научной дерзости минских тракторостроителей, но готов, если понадобится, тут же сойти с пьедестала и провести свою борозду.

За памятником первому трактору—шеренга увеличенных золотых медалей, полученных его собратьями на различных международных выставках.

Вот что сообщал английский журнал «Еженедельник фермера» об экзамене, устроенном нашему «МТЗ-52» фирмой «Бекселл тракторз лимитед»: «Фирма избрала суровые испытания для первого показа этих тракторов у нас в Англии: в соревнованиях по вспашке в Лонг Сэттон «Беларуси» пришлось конкурировать с 14 другими моделями, представляющими большую часть конкурентов на английском рынке. Соревнования проходили около Уоша, на известном болоте, в очень тяжелых условиях. Тем не менее русский трактор проявил недюжинную силу тяги и оказался одним из победителей, достигшим производительности более одного акра в час... «Беларусь» работает без устали... Он подвижен, экономичен, универсален и вынослив».

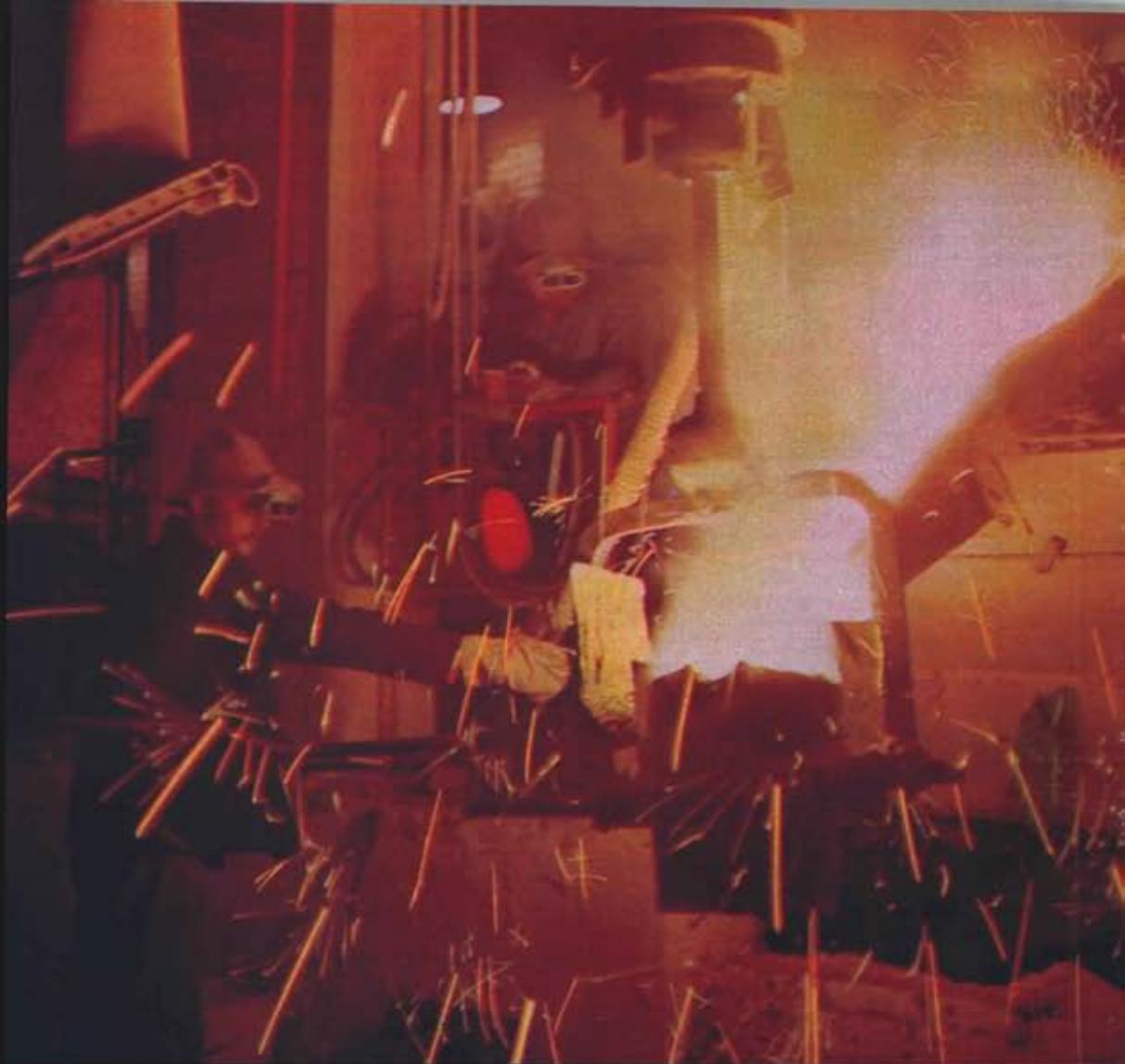
Еще более суровый экзамен ожидал советский трактор «МТЗ-80» на международных состязаниях в штате Небраска (США), организуемых местным университетом с 1920 года. С тех пор во всем мире было изготовлено свыше 15 тысяч моделей тракторов, и только 1138 из них выдержали экзамен в Небраске. Трактор «МТЗ-80» стал 1139-й моделью. На всех этапах испытаний он показал отличные результаты. Протокол испытаний вошел в так называемую «Красную книгу» и был тут же разослан всем фермерам мира. Тем самым «МТЗ-80» признан лучшим среди тракторов мира в настоящее время.

5 ноября 1972 года с конвейера завода сошел трактор под номером 1000000. Сборщикам в тот день работалось и трудно и легко—им мешали тысячи зрителей, стоявших за спиной, им помогали сотни добровольных помощников, горевших желанием прокрутить на юбилейной машине хоть какую-нибудь гайку. На митинге, посвященном выпуску миллионного трактора, вспоминали, что в 1924 году, когда Республика обрабатывала свои поля сохой и деревянной бороной, газета «Звезда» сообщила: «В текущем году

В ЦЕХЕ ТОЧНОГО ЛИТЬЯ ОСНОВНУЮ РАБОТУ ВЫПОЛНЯЮТ АВТОМАТЫ.

планируется закупить для Белоруссии 40 тракторов «Фордзон». Их так и не закупили. Продавцы в Америке оказались несговорчивыми. 40 тракторов в двадцать четвертом оказались несбыточной мечтой, а сейчас с конвейера завода ежедневно сходит выше трехсот машин. И отправляются они на поля всех континентов, в 80 стран мира, в том числе и в США.

А на опытном полигоне завода и в экспериментальном цехе я видел уже новые модели машин, еще

ЗАВОДСКИЕ ДИЗАЙНЕРЫ.

ОТСЮДА ТРАКТОРЫ ОТПРАВЛЯЮТСЯ ВО ВСЕ КОНЦЫ ПЛАНЕТЫ.

более мощные, еще более комфортабельные и надежные в эксплуатации.

— В конструкцию самой первой своей машины мы заложили идею агрегатов, отдельных функционально законченных узлов,—говорит генеральный директор МТЗ, лауреат Государственной премии Петр Иванович Бойков.—Тот же принцип сохранился и при создании всего семейства машин с маркой нашего завода. По техническому уровню, например, «МТЗ-80» на голову выше предыдущей модели, не говоря уже о первой, но идея-то осталась прежней—агрегатная система.

Наш первый трактор имел всего пять скоростей переднего хода и лишь одну—заднего, нынешний—18 переднего и 4—заднего. Но этого уже мало. Например, на посадке рассады хорошо бы иметь скорость меньше километра, а на автодороге—почти автомобильную. Скорость связана с мощностью, тормозами. Наш трактор единственный в мире имеет пневмогидравлические тормоза, а для работы с прицепами—независимый вал отбора мощности. Увеличение мощности позволяет нам сделать трактор еще универсальнее. «МТЗ-2» мог работать в агрегате с 10 наименованиями сельскохозяйственных машин, а у нынешнего таких машин уже более 200, но и это число мы вовсе не считаем окончательным.

Наши новые тракторы столь же удобны в управлении и комфортабельны, как легковые автомобили. Качество, надежность и удобство заложены в конструкции. Требуется с таким же высоким качеством изготавливать детали, собирать узлы. Над этим работают наши ведущие отделы: главного технолога, главного энергетика, главного металлурга... Над этим же, только в перспективном направлении, работает наш заводской научно-исследовательский центр. Умение увидеть перспективу—это в конечном итоге умение отыскать наиболее рациональные пути быстрейшего внедрения в производство достижений науки и техники.

Именно в расчете на перспективу мы готовим и новые кадры рабочих. Главный заводской цех—всегда не конвейер, а наше базовое профтехучилище. Оно готовит рабочих не только для сегодняшнего, но и для завтрашнего дня. Пойдете сегодня во Дворец культуры—увидите сами.—И Бойков протянул мне красивый глянцевый билет, приглашавший на торжественное собрание, посвященное 30-летию ГПТУ-94.

Молодые юбиляры

30 лет назад нынешний юбиляр носил название ремесленного училища и размещался на территории завода. У пятнадцатилетнего Михаила Будая лежало в кармане направление в училище, но входить в заводские ворота все равно было страшновато. Добрый час бродил он рядом с проходной, потом все-таки решился, вытащил аккуратно сложенную бумагу и протянул ее вахтеру. А вахтер тотчас открыл перед Михаилом дверь—он-то давно увидел и понял мальчишку. Но Будай не торопился входить в распахнутую дверь: как повелось в его родной деревне Павловко, входя в дом надолго, полагалось не перешагивать через порог, а постоять на нем хоть немного. «Проходи, проходи, не бойся»,—не понял его вахтер. И Михаил смело шагнул на заводской двор и стал первым учащимся заводского училища. Первым не только по списку. И учился он, и строителям доводилось помогать— завод-то рос. Гордится Будай особенно тем, чтостроил цех, в котором работает до сих пор. Назывался он тогда цехом пусковых двигателей. Михаил, окончив училище, попал в бригаду Николая Стародубова. В бригаде 11 человек, каждому 16—17 лет, только бригадир к тому времени 18 стукнуло. Поручили им делать поршень для пускача— деталь несложная, но внимательности и точности требует.

Бригада обслуживала 15 станков— токарных, фрезерных, шлифовальных, сверлильных. Каждый знал только свой станок, свою операцию. Молодые станочники решили изучить смежные профессии, понять смысл операции, которую выполняют товарищи, и быть контролерами и самим себе и другим. Не сразу, конечно, добились стопроцентной сдачи продукции с первого представления, но месяцев через пять в бригаде о браке не вспоминали. (Кстати, о почине этой бригады вспоминали и на последней заводской комсомольской конференции. Сейчас свыше половины молодых рабочих сдают всю продукцию с первого представления, каждый третий имеет личное клеммо, в школах качества, созданных по инициативе комитета комсомола, обучается девяносто процентов комсомольцев и молодых рабочих завода.)

Стародубов ушел в армию, сменил его Будай. Он-то

вскоре и предложил сократить бригаду вдвое. В пятнадцатом они обслуживали те же 15 станков и в первый месяц выполнили программу полностью. Потом выработка стала расти, достигая почти фантастических 500 процентов...

В апреле 1959 года комсомольско-молодежной бригаде Михаила Будая первой на заводе присвоили звание коллектива коммунистического труда.

Слесаря Михаила Петровича Будая я увидел первым, едва вошел в наполненное шумом голосов фойе заводского Дворца культуры. Он разговаривал с токарем Раисой Корабань. Они из одного цеха, и «родом» из одного училища, и рабочие места их рядом. И хотя депутат Партизанского райсовета Раиса Корабань никогда не училась непосредственно у Будая, она считает Михаила Петровича своим наставником. Может быть, потому, что это с его легкой руки появились на заводе многостаночники. Раиса работает сразу на трех станках— двух токарных и шлифовальном. Даже наблюдать за ее работой интересно, кажется, она одновременно ухитряется совмещать десяток операций, и рождается на глазах из невзрачной заготовки сверкающая деталь—бронзовая втулка для коробки передач. За три года работы контролеры не вернули Раисе Корабань ни единой детали.

На Минском тракторном я бываю часто, поэтому и в заводском Дворце культуры встречаю знакомых буквально на каждом шагу. Вот лауреат премии Ленинского комсомола Николай Неверко. На пиджаке у него сверкает новенский «Знак Почета». Токарь Неверко был победителем многих конкурсов мастерства. Однажды на всесоюзном конкурсе для него даже установили специальный приз за лучшее знание теории. У тридцатилетнего токаря свыше ста учеников. И каждый из них исповедует «формулу мастерства», выведенную Николаем: «Мастерство есть квалификация, способности и творческое отношение к порученной работе».

Герой Социалистического Труда электросварщица Галина Павловна Мягкова, кажется, и сама была недавно ученицей. За первые десять лет работы на заводе в ее трудовой книжке почти десяток записей: сверловщица, фрезеровщица, расточница, токарь... Меняла профессии вовсе не потому, что искала, где полегче, просто так нужно было производству. Чуть

где узкое место намечалось, Мягкову туда. Но однажды она сама попросила о переводе, когда услышала, что на участке не хватает сварщиков. Тут-то ее принялись отговаривать и даже пугать: «Не женская это работа». Действительно, женщин среди электросварщиков на участке тогда еще не было, но там работал ее муж Григорий, и Галине нравилось наблюдать, как из нескольких кусков металла рождается единая деталь. «Что там удивительного,—отмахивался Григорий Мягков,—проще простого, как будто карандашом рисуешь». Он надеялся таким ответом остыть интерес жены, а получилось наоборот—только разжег ее. Сварщик ей и впрямь стал казаться художником... И она стала сварщиком, лучшим сварщиком завода.

Комсомольско-молодежный участок, на котором работает Галина Павловна Мягкова, как и десятки других комсомольско-молодежных коллективов на Минском тракторном заводе, принял обязательства выполнить план трех лет пятилетки к XVIII съезду ВЛКСМ.

Свыше семи тысяч рабочих подготовило за тридцать лет профтехучилище. Большинство из них и сейчас на родном заводе. И почти все пришли на этот день рождения.

— А все-таки настоящие именинники не мы, а они,—показал Будай на группу нынешних учащихся, серьезных, торжественных, одетых в белоснежные рубашки с синими галстуками.—Честное слово, за висть берет!

В зале неожиданно взорвалась медь труб и взлетела песня. Рядом со мной несколько почетных ветеранов завода с алыми лентами через плечо сразу же подхватили. «Мы—молодая гвардия рабочих и крестьян!—пели ветераны. Теперь их все чаще называют старой гвардией, но это только дань возрасту, опыта, а душой они, как прежде, молоды.

Раздался звонок, и фойе начало медленно пустеть, все потянулись в зал. Звонок напоминал тот, что звучит на главном конвейере, отмечая рождение нового трактора. Он сходит с конвейера, обегает вокруг сборочного, совершая своеобразный круг почета, и становится в тесный строй, ожидая приказа отправиться в ближние края или в дальние страны.

Главный конвейер завода ни днем ни ночью не останавливается.

После выступлений «Смены»

«НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ТРЕХ ДОРОГ»

Под таким заголовком в «Смене» № 1, 1978 г., в рубрике «Молодые города» был опубликован материал В. Евсеева о столице БАМА — Тынде.

Министерство путей сообщения внимательно рассмотрело вопросы, поставленные в статье «На перекрестке трех дорог», опубликованной в журнале «Смена» № 1 за текущий год и рассказывающей о строительстве, проблемах и перспективах развития города Тынды. Автор статьи делает правильный вывод о необходимости комплексного подхода к решению вопросов, связанных с застройкой города.

Как известно, сооружение магистрали широким фронтом началось во второй половине 1974 года, когда в массовом количестве стали прибывать кадры строителей, машины, механизмы, оборудование. Для создания необходимых жилищных и культурно-бытовых условий строителям БАМА в кратчайшие сроки были построены дома, школы, клубы, больницы, аптеки, магазины и другие объекты, в основном из дерева. Часть из них намечается использовать и при постоянной эксплуатации магистрали.

В настоящем время создается мощная производственная база и возведение объектов в деревянном исполнении резко сокращено, а в пунктах, куда возможен подвоз строительных материалов по железной дороге, как правило, прекращено.

Город Тында на трассе БАМ является узловым, опорным пунктом, который уже в настоящее время связан с сетью железных дорог страны. Генеральный проект города утвержден Амурским областным Советом народных депутатов в апреле 1977 года. Дирекция строительства БАМ при решении вопросов, связанных с застройкой города, руководствуется указанным проектом. В Тынде введен в эксплуатацию свыше 55 тысяч квадратных метров общей площади в жилых домах постоянного типа, построены детские дошкольные учреждения на 380 мест, школа на 1000 учащихся, поликлиника на 750 посещений в смену и ряд

других объектов. В текущем году ведется строительство больницы на 300 коек, пяти 9-этажных домов, детского сада на 240 мест, районной конторской, инженерных сетей, очистных и других сооружений.

В городе Тынде к 1985 году намечается построить более 200 тысяч квадратных метров общей площади в жилых домах, детских дошкольных учреждений на 1,5—2 тысячи мест, общеобразовательных школ на 3—4 тысячи мест, два общежития при школах на 400 мест, гостиницу. К услугам населения города Тынды будут вокзал на 400 пассажиров и хлебозавод, которые должны быть введены до 1980 года, комбинат бытового обслуживания, баня с прачечной самообслуживания, торговый центр, пионерский лагерь, Дом молодежи и ряд других объектов культурно-бытового назначения. Учащиеся, окончившие школу, смогут приобрести специальность в профессионально-техническом училище, в железнодорожном и строительном техникумах. Возведение объектов жилищного, культурно-бытового назначения будет осуществляться и в последующие годы.

Госгражданстрой Госстроя СССР с учетом предложений МПС и других министерств и ведомств, заинтересованных в размещении объектов в городе Тынде, разрабатывает мероприятия, в которых будет предусмотрена перечень объектов жилищного, культурно-бытового, коммунального, транспортного строительства, сооружение которых намечается осуществить в 1978—1985 годах. Их реализация позволит комплексно решить проблему застройки города Тынды на высоком градостроительном уровне и создать все необходимые условия для проживания в нем.

И. Г. ПАВЛОВСКИЙ,
министр путей сообщения СССР.

В Минтрансстрое рассмотрена статья «На перекрестке трех дорог», опубликованная в 1-м номере журнала «Смена» за 1978 год.

В статье в основном правильно освещаются недостатки в осуществлении застройки города Тынды, связанные с планированием, финансированием, организацией жилищного, культурно-бытового и коммунального строительства и отсутствием подготовительного этапа строительства.

В настоящее время Госстроем СССР, Советом Министров РСФСР, Министерством путей сообщения и Министерством транспортного строительства подготовлены мероприятия по обеспечению комплексной застройки жилыми домами, объектами культурно-бытового назначения и коммунального хозяйства г. Тынды Амурской области в 1978—1985 годах.

Указанными мероприятиями возлагаются обязанности единого заказчика на период 1978—1985 годов на дирекцию строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали МПС, в обязанности генерального подрядчика — на Главбамстрой Минтрансстроя;

установлен генеральный проектировщик, порядок согласования строительства объектов в городе Тынде и отвода участков для строительства; предусматривается усилить постоянный авторский надзор за осуществлением проектов;

определен объемы строительства жилых домов, объектов культурно-бытового назначения и коммунального хозяйства для обеспечения комплексного жилищного строительства с долевым участием различных министерств и ведомств и обеспечением опережающего выполнения работ по строительству объектов водоснабжения, канализации, теплоснабжения, газификации, энергоснабжения и связи;

предусматривается обеспечение высокого архитектурного уровня застройки, благоустройства и

озделения города, в связи с чем разрабатываются проекты застройки центра города, цветового решения застройки города, применения малых архитектурных форм, элементов наружного освещения и рекламы. Помимо применяемых в настоящее время 9-этажных жилых домов серии П-49Д, поставляемых Главбамством, будут применяться жилые дома серии 122 БАМ, которые в настоящее время начали выпускать комбинат «Шимановскстroiиндустрия» Минтрансстроя;

предусматривается создание специализированного подразделения по строительству жилых домов, зданий культурно-бытового назначения и коммунального обслуживания, а также служебно-технических зданий, кроме того, будет создана специализированная организация по озеленению города;

намечено в III квартале 1978 года провести в городе Тынде выездное заседание Государственного комитета по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР и Госстрое РСФСР, на котором будут рассмотрены вопросы качества строительства и практики застройки города Тынды и принять соответствующие решения и рекомендации.

Осуществление намеченных мероприятий позволит обеспечить улучшение планировки и организацию комплексной застройки жилыми домами, объектами культурно-бытового назначения и коммунального хозяйства города Тынды.

К. В. МОХОРТОВ,
заместитель министра
транспортного строительства СССР,
начальник Главного управления
по строительству Байкало-Амурской
железнодорожной магистрали.

Сначала — несколько документов.

СПРАВКА. «Дана администрации ГПТУ-13 города Находка в том, что, по данным бюро технической инвентаризации, общежитие по улице Дзержинского, 9, принадлежащее ГПТУ-13, имеет следующее физическое состояние: общий процент износа — 62 процента; состояние ветхое; состояние конструктивных элементов аварийное.

Инженер Елина.

Старший инженер Соловьева».

ЗАЯВЛЕНИЕ. Директору ГПТУ-13 от учащихся... В общежитии температура очень низкая, спим в пальто, а тепло нам пообещали только весной. У нас появляется сомнение: есть ли забота о нас? Если что от нас зависит, можем помочь, но ждать тепла до весны мы не станем. Если решение не будет вынесено, мы разъедемся по домам».

68 подписей.

ПИСЬМО. «Первому секретарю горкома КПСС гор. Находка тов. Куксову Н. А., председателю горисполкома тов. Романюку В. А., начальнику Приморского краевого управления профтехобразования тов. Ткаличу А. П.

Довожу до вашего сведения, что предписанием городской санэпидстанции ГПТУ-13 закрыто. Основание: не произведен ремонт отопительной системы в общежитии и учебном корпусе.

Директор ГПТУ-13 А. Успаков».

... Специалисты с санэпидстанции сказали: вас надо судить. Они правы. А что можно сделать?

Успаков разводит руками.

Стоим во дворе училища. Из-под снега торчат бетонные плиты. Грустный монумент бесхозяйственности... Несостоявшийся учебный корпус. Разрушается с 1975 года. Нелепость, гротеск: училище готовят... строителей! Самая дефицитная специальность в Приморье.

— Задыхаемся от нехватки учебных помещений, — говорит Успаков. — Нужны как крайний минимум еще пять кабинетов и лабораторий: по металловедению, по химии, по электротехнике... Базовое предприятие — трест Дальнморгидрострой. Но училище на его баланс не поставлено. Никак этот вопрос не можем решить. В итоге — питаемся подаяниями. 10 лет не было капитального ремонта. Трубы прогнили, идет вода, гниют полы... Общежитие в плачевном состоянии. Подкрасить, побелить — это мы можем сделать своими силами. Но сантехников мы не готовим. Просили у треста: дайте материалы и инструкторов, ребята все сами сделают. Трест обещал, но так никого и ничего не выделил. Для треста, ворочающего миллионами, помочь нам — пустяковое дело. Но вот вам пример: я выпросил у них компрессор на три дня — для срочного ремонта, который мы своими силами проводили. И что вы думаете? Они нам счет представили: на 26 рублей 40 копеек. И это — базовое предприятие!

Вспомним строчки из постановления Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 30 августа 1977 года «О дальнейшем совершенствовании процесса обучения и воспитания учащихся — системы профессионально-технического образования»:

«На некоторых министерствах и ведомствах, в партийных и советских органах ряда республик, краев и областей имеют место проявления формального, невнимательного отношения к деятельности системы профтехобразования, строительству училищ, укреплению их учебно-материальной базы, организации производственной практики. Не обеспечивается выполнение планов строительства учебных заведений, что отрицательно сказывается на расширении и повышении качества подготовки рабочих...»

Учитывая задачи социально-экономического развития страны, ЦК КПСС и Совет Министров СССР в своем постановлении ясно и недвусмысленно обозначили всех тех, кто отвечает за обеспечение страны: молодыми, рабочими кадрами, устранить имеющиеся недостатки на важнейшем участке политической и народнохозяйственной работы.

Горько об этом писать, но равнодушным, мягко говоря, отношением к подготавливаемым рабочим завтрашнего дня заражено, увы, немало хозяйственных руководителей Приморского края. Когда листаешь пурпурные папки с деловой перепиской профтехучилищ с базовыми предприятиями, удручают однообразие схемы «диалога»: училище просит—базовое предприятие обещает и не выполняет. Или другая, еще более прямолинейная модификация той же безотрадной схемы: училище просит—базовое предприятие отказывает, порой ссылаясь на объективные обстоятельства, а иной раз и просто так, без какой-либо мотивировки.

В Приморском крае сейчас 55 профессионально-технических училищ, в том числе 31 среднее, где вместе со свиде-

— Мы готовим каменщиков, штукатуров, маляров, монтажников стальных и железобетонных конструкций, газоэлектросварщиков... Практически у нас представлены все профессии, которых требует современная стройка,—говорит директор училища Павел Иванович Кравченко. — Наше базовое предприятие — Владивостокский домостроительный комбинат. В городе нет, наверное, ни одного нового здания, к которому не приложили бы руку наши питомцы. Когда у нас выпуск, кадровики из строитељств и управлений разут здесь друг друга на части. Весь год звонки: мол, «горят» объекты, пришли своих учащихся... «Дай, дай...» А о наших проблемах в трестах и управлениях задуматься не хотят.

Директор рассказывает о случаях, которые иначе, как возмутительными, не назовешь.

— В 1976 году фабрика «Заря» строила для своих работников новое общежитие. Нам предложили: дайте ваших ребят, отдадим вам старое общежитие. С сентября начали работать отделочки. Им помогали другие группы. Два раза в полном составе все мастера и препо-

венные. Неблагоприятная ситуация с трудовыми ресурсами отнюдь не облегчит работу строительных министерств и ведомств. Было бы непростительной близорукостью уже сегодня не задуматься над проблемой квалифицированных кадров для завтрашних великих и малых строек. Строительные же ПТУ в Приморье — в числе самых бедствующих...

Какая мать из деревни отпустит дочь учиться в ГПТУ на маляра или штукатура, если девочке придется снимать угол в большом городе? — ответил вопросом на наш вопрос начальник Приморского краевого управления профтехобразования Андрей Петрович Ткалич. И привел такие данные: в крае 14 строительных ПТУ, на Главвладивостокстрой «замыкаются» 9 училищ. Только для них недостает 2500 мест в общежитиях.

— В работе краевого управления профтехобразования, — продолжал А. П. Ткалич, — безусловно, есть недостатки. За них нас справедливо критиковали, и мы сейчас стараемся исправить положение дел. Но, к сожалению, не все от нас зависит. За последние пять лет, к примеру, Главвладивостокстрой, если выражаться без дипломатии, гвоздя не вбил для своих ПТУ. Ни одного фундамента не заложено, землю даже не

выменили. Неблагоприятная ситуация с трудовыми ресурсами отнюдь не облегчит работу строительных министерств и ведомств. Было бы непростительной близорукостью уже сегодня не задуматься над проблемой квалифицированных кадров для завтрашних великих и малых строек. Строительные же ПТУ в Приморье — в числе самых бедствующих...

Наши собеседники из строительных трестов и управлений сетовали, что в результате плохо поставленной работы по профориентации профессия строителя не пользуется тем авторитетом, каким должна пользоваться. Но разве школьник, заглянув туда, где в тесноте и обиде живут и набираются знаний, мастерства, ума-разума сегодняшние «пэтзушки» — будущие строители, преисполнится уважения и симпатии к самой, вероятно, необходимой профессии нашего времени?

Что может сделать комсомол Приморья для ПТУ?

В постановлении Бюро ЦК ВЛКСМ «О задачах комитетов ВЛКСМ в свете постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем совершенствовании процесса обучения и воспитания учащихся системы профессионально-технического образования» предлагается объявлять строящиеся объекты профтехобразования местными ударными комсомольскими стройками, шире привлекать к их сооружению студенческие строительные отряды, осуществлять систематический контроль за ходом строительства силами комсомольской печати, штабов и постов «Комсомольского проектного».

В Приморском крае есть хороший опыт: инициатива «Комсомол — сельской школе» и мобилизация на это ответственное дело сильных студенческих отрядов края в 1977 году привели к реальным результатам. Завершено строительство семи сельских школ, строительство еще пяти было выведено на «финишную прямую». Не использовать ли эту форму работы для оказания действенной помощи в строительстве ПТУ?

— Мы готовы к этому, — сказал нам первый секретарь Приморского крайкома ВЛКСМ Николай Романов. — Дело надо поправлять — и решительно. Собираемся в «летний семестр» 1978 года бросить на строительство ПТУ основные силы студенческих отрядов. Думаем, что это будет весьма существенной помощью училищам не только, так сказать, в материально-техническом плане, но и в человеческом, моральном: ребята увидят, что о них не забыли. Хотелось бы, чтобы совместная работа со студентами — а у нас в студенческих отрядах крепкий народ — стала для наших «пэтзушников» во многих отношениях полезной. Рассматриваем студенческие отряды как «ребячих комиссаров», посланных в ПТУ. Это особенно важно по той причине, что уровень комсомольской работы в училищах пока еще весьма далек от идеала. Но успех всей нашей акции зависит от того, получат ли студенческие отряды фронт работ. И мы обращаемся к строителям: давайте вместе выполним ответственное, нужное для края и для страны дело!

Профтехучилища — главный подготовительный цех экономики. Равнодушное отношение к их нуждам недопустимо. Это истина, не требующая доказательств... Но сколько раз необходимо повторять ее, чтобы реально, не на бумаге, а на деле справиться с проблемой строительства профтехучилищ. В Приморье — и не только в Приморье...

В рейде «Смены» участвовали: Галина ФИЛИМОНЕНКО, начальник отдела училищ Приморского краевого управления профтехобразования, Владимир НАУМОВ, редактор газеты «Тихоокеанский комсомолец», Генрих ГУРКОВ, специальный корреспондент «Смены».

НУДЕВОЙ ЭФФЕКТ

ИЛИ ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК В ПРИМОРСКОМ КРАЕ
СТРОИТЕЛЬСТВО ПРОФТЕХУЧИЛИЩ СПОТКНУЛОСЬ О РАВНОДУШИЕ...

тельством о присвоении рабочего разряда выпускнику вручается аттестат зрелости. Есть 10 технических училищ, в которых рабочую профессию получают вчерашние десятиклассники. За последние десять лет профтехучилища Приморья подготовили 152 тысячи молодых квалифицированных рабочих.

Выпускники профтехучилищ — ядро рабочего класса Приморья. С гордостью называют в крае имена воспитанников системы профтехобразования — Героя Социалистического Труда шахтера Г. С. Григорьева, Героя Социалистического Труда мастера цеха «Дальзавода» М. А. Волковой, Героя Социалистического Труда, члена ЦК КПСС, крановщицы Находкинского торгового порта М. Г. Поповой и других славных тружеников, кто щедро делится сегодня своим трудовым и жизненным опытом с молодежью. Можно было бы многое рассказать об энтузиастах, работающих мастерами производственного обучения и преподавателями в профтехучилищах, о новейших формах приобщения ребят к секретам ремесла, о конкурсах профессионального мастерства, о научно-техническом творчестве учащихся. Для такого разговора есть благодатный материал. Но тема нашего рейда — горемычные «квадратные метры» профтехучилищ. К сожалению, здесь отрадного мало.

«...Строительство профтехучилищ ведется крайне медленно. План ввода объектов в эксплуатацию постоянно не выполняется...» Мы цитируем справку, подготовленную краевым управлением профтехобразования.

...Зияющая трещина рассекает от крыши до фундамента кирпичную стену старой, дореволюционной постройки, казармы. В бывшей казарме — учебный корпус среднего ГПТУ-10 города Владивостока. И здесь готовят строителей. Контингент учащихся — 850 человек. 30 групп. По самым скромным подсчетам, не хватает одиннадцати классов и трех мастерских. В общежитии (его здание — «двойник» учебного корпуса) в буквальном смысле слова ются 250 учащихся. 9—14—16 человек в комнате.

даватели училища проводили на стройке субботник. Дети работали добросовестно, а когда новое общежитие было готово, нам сказали: «Фабрика не выполняет план из-за нехватки рабочих, так что мы оставляем за собой и старое общежитие...»

Та же история повторилась и в семнадцатом году. На Русской улице строилось 9-этажное общежитие. Училищу сказали: «Дайте три группы отделчиков, и два этажа — ваши». Мы отозвали учащихся 2-го курса с летних каникул, и они работали с 15 августа до 7 ноября. Участвовали и другие группы. Месяц работали первокурсницы. И вот получаем сообщение: нам снова отказано. Стыдно учащимся в глаза смотреть. Дважды их обманули...

Встретили в коридоре трех девочек. Люда Забелина здешняя, из Владивостока. Галя Козлова приезжая, из Красноармейского района. Наташа Деменчук — из Лазовского. Люде и Наташе по 15 лет, Гале — 17.

— Нравится в училище?

— Очень интересно... Преподаватели у нас замечательные... Столько уже узнали...

А в конце разговора вопрос к нам:

— Вы не скажете, когда нам новое общежитие дадут?

Спрашивает Люда. Сама она живет у родителей, беспокоится о подружках.

Что мы могли ответить девочкам?

В 1978 году для ГПТУ-10 должно быть построено новое общежитие на 408 человек со столовой на 200 мест. Кроме того, предусмотрено построить теплотрассу и подключить отопительную систему училища к теплоцентрали. Не придется мерзнуть в классах и в старом общежитии... Есть по поводу общежития, столовой и теплотрассы соответствующий приказ, под которым стоит подпись начальника Главвладивостокстроя А. В. Бахтеева. В дни, когда мы побывали в училище, неподалеку от учебного корпуса расчищалась площадка для строительства. Будет ли все сделано в назначенный срок? «Смена» еще вернется к этому...

ковырнули, хотя проекты от времени уже на папирусы стали похожи... Завидуем Ленинграду, Челябинску, Харькову, многим другим городам и областям, где совсем иной подход к делу, где нашли общий язык разные министерства и ведомства.

Завтрашний день... Увы, заботы о нем мы не почувствовали, когда знакомились с повседневной практикой отношений с профтехучилищами треста Дальморгидрострой (Министерство транспортного строительства СССР) и главка Главвладивостокстрой (Министерство строительства СССР). Поражала непостижимая для современных руководителей психология временщины, господствующая в рассуждениях и решениях. Тенденция такова: «Квартальный план, наконец, план года — это мое. Ну, а дальше — извините... Что там будет через пять — семь лет, не знаю и знать не хочу»...

Право же, мы не утираем, хотя, конечно, в обнаженном естестве временщина предстает далеко не всегда. Как правило, «маскировочный халат» деловитости застегнут на все пуговицы. К примеру, в тресте Дальморгидрострой главный инженер Виктор Моисеевич Овчаренко и инженер по подготовке кадров Нина Федоровна Чирва всячески наводили нас на мысль, что трест «выгоднее» готовить без отрыва от производства рабочих, прибывших по органическому, чем вкладывать средства в строительство и оснащение профтехучилищ. По формальному счету, если мыслить категориями месяца или квартала, арифметика вроде бы на их стороне. Ну, а если посчитать иначе? В комитете ВЛКСМ треста и в горкоме ВЛКСМ мы получили такую информацию: текучесть среди комсомольцев превышает 70 процентов. Есть стройки «замороженные» — в основном из-за нехватки людей. В восемидесятых — девяностых годах, как известно, прирост населения трудоспособного возраста в стране значительно сократился, возникнет так называемая «демографическая впадина» — еще одно отдаленное эхо

ЦАРСКИЙ ВАГОН

Сколько вас будет в вагоне? — спросила проводница.

- В каждом купе по двое. Только главный отдельно.
- Значит, одиннадцать.
- Нет, главный с дочкой. А что?

Тоня вздохнула.

- То, что картошку чистить нам с Тамарой. Вот мы и интересуемся.

В служебном салон-вагоне, стоявшем на путях в Лосинке, жили две проводницы. Левушка даже спустя неделю различал их приблизительно: та, что постарше, — вертлявая, помоложе — хмуряя. Не сразу привык звать по именам: старшая — Тоня, младшая — Тамара. И как в первый день только смутно замечал, что у Тамары высокий лоб, твердый рот, что она красивая, а в зеркальце не глядит. Не замечал и того, что Тоня иной раз пудрится, но, конечно, без толку. Припадая на правую ногу, она размахивает мосластыми руками, все время болтает. А о чем болтает, не запомнишь.

За те дни, пока Жуков с проводницами готовил салон-вагон для бригадной поездки в Сибирь и добывал белье и кухонную посуду, он едва-едва узнал этих женщин. И совсем не потому, что были они неразговорчивы, просто слушать неинтересно. Обе они бессемейные, сдружились в дальних разъездах. Тоня ухватистая: и вскочит в вагон и тут же выскочит, где что раздобыть, всюду успеет. Красивая Тамара — та только с тряпкой в руке, молча все протирает.

Со своим умением ладить с людьми Левушка скоро стал у них третьим, будто в семье прибавилось, но это только казалось — все равно был чужим, посторонним. Оставаясь один, занимался английским или спал. Предстоящая поездка и привлекала и смущала его: компания не самая приятная. Народ подбирается гораздо старше. И к тому же этот острия Сельцов, общий любимец, всех покоривший своим искусством уморительно копировать шефа. Вера Павловна с ее лицемерно-сочувственным тоном, надутый Игорь Янович, хранитель академических традиций, какой-то старичок архиварус. «Далее — везде...»

Хорошо хоть на носу этой галеры с прокисшими амфорами будет снять богиня победы Ника, загоревшая на пляже в Геленджике. Замучает капризами, желанием помыкать: «Сбегай!», «Купи! Да смотри не опоздай!». И неудобно при отце поставить ее на место. А стоит ли об этом думать? Все-таки ветер перемен, новые впечатления, природа...

- По диким степям Забайкалья... — запел он вдруг.
- А дочь у начальника красивая? — спросила Тоня.
- Многим нравится.
- А тебе?
- Мартышка.
- Ну и что? Любовь зла — полюбишь и козла.

Левушка не поддержал разговор.

Приходил монтер, и Левушка помогал ему ставить на зарядку аккумуляторные батареи. Раза два они пообедали у проводниц. Готовила Тамара, а Тоня бегала в магазин.

- А, кроме дочки, женщины будут? — хрипловато допытывалась Тоня.

Рисунок Никиты КРИВОВА

— А тебе не все равно? — спросил монтер.

Мужчины рассмеялись. Под стать своей хромоте Тоня была с восковым лицом, с вострыми рижими глазами — совсем неинтересная женщина.

— Двух сотрудниц возьмут, — ответил Жуков.

— На развод? — хихикнула Тоня. — А вы у них вроде коменданта будете?

— Выходит, что вроде.

— Шутите.

Она не поверила, монтер говорил ей, что Левушка работает в институтской кинолаборатории, снимает научные картины, и добавлял: «Влюблен в дочку главного».

— А все-таки девчонка эта красивая? — вдруг спросила Тамара.

С Левушкой никто и никогда не говорил о Нике. Как они легко догадались... Впрочем, это, наверное, нетрудно: ведь все, что он делал — как надо, обыкновенно, скучновато-прозаически, — на самом деле он делал вдохновенно. Он добывал консервы, кастрюли, сковородки, ставил с монтером на зарядку аккумуляторные батареи, не отдавая себе отчета, что все это в ожидании, когда в вагон вслед за отцом, сильно прищурясь и даже немножко сутуясь от постоянного взглядывания, войдет Ника. И тогда начнется новая жизнь, совсем непохожая на все, что было до сих пор. Он уже выбрал себе купе: Ника будет за стеной. И он торопил подготовку вагона к отъезду, хотя сроки отбытия не зависели от его усилий. Но он старался самым добросовестным образом.

Он знал все про Нику. Знал, что в семье ее считают избалованной, транжиркой, прожигательницей, полуслуги обзывают «наша потаскунка». Она пожимала плечами. «В наши дни на аргументы не хватает времени».

Родители ревновали ее к каждому, кто поздно вечером стоял с ней в подъезде перед тем, как мирно разойтись по домам. Но он-то не ревновал ни к кому, потому что знал, какая она. Однажды в морозную ночь, гуляя в глубоких снегах по аллеям Измайлова, она вдруг остановила его, обхватила руками его шею и прижалась виском к щеке:

— Если бы ты знал, Левушка, как я тебе надоела...

Заглядывая в институт, он по многим признакам догадывался, что отъезд затягивается, но это его даже не беспокоило.

Расставшись с проводницами, Жуков зашагал по путям, расправив плечи, всей грудью вдыхая прохладный сентябрьский воздух. Он был словно навеселе — вбежал на кучу щебня, без нужды, чтобы только послушать, как зашуршит под ногами. Мимо прошли ребята из училища с распаренными лицами — наверно, из станционной бани. Все, что попадалось на глаза — желтые клены в палисаднике, черный бункер с углем, над ним серебряный след самолета — все будило надежды, казалось предвестием предстоящей перемены. С ним что-то случилось!

Два года назад сержант Жуков демобилизовался из Военно-Воздушных Сил, поступил оператором в кинолабораторию научно-исследовательского института. С форменной курткой не расставался, правда, носил ее теперь только в разъездах, носил нараспашку, без петлиц и нашивок. Был он в институте самый непрятзательный сотрудник. Всем нравилось, что он никогда не унывает, что говорчив, поэтому его часто нагружали посторонними поручениями, и он их выполнял. Конечно, не очень-то было интересно фотографировать чертежи каких-нибудь автомотрис и препираться с начальником, унылым, старым фотографом, ничего не смыслившим в киносъемках. Нике это не нравилось: «Почему ты такой безотказный?» Он улыбался: «Я еще ни разу в жизни не голосовал против».

Снаряжали комплексную бригаду в Сибирь, в горно-таежный край, на строительство. Особая тема, привлекшая внимание института, заключалась в том, что проект будущей железной дороги на ходу переводили с паровой тяги на электрическую. Сам Устинович решил возглавить бригаду. Такая поездка должна быть обеспечена необходимым комфортом, то есть попросту служебным вагоном: ведь в тайге нет ни гостиницы, ни удобного помещения. Пробивной человек Устинович. Даром что талантливый учений — добился разрешения на вагон у самого министра!

Две недели Левушка занималась, как он говорил, «практически полезной деятельностью». И сейчас шел по лесной аллее, приближаясь к дому, и ни о чем не думал, кроме как о котловом довольствии, прикидывал, как бы закупить топленое масло и банок сорок говяжьих консервов. Жаль, конечно, оставлять мать, трудно ей без него... А о чем еще жалеть? Много ли он за два года потерял такого, о чём стоило бы жалеть? И много ли он приобрел? Если всерьез считать, с демобилизацией он потерял дружную семью технически грамотных и довольных своей службой товарищами. А приобрел, если всерьез, только двухкомнатную солнечную квартиру...

Когда-то — сейчас Левушка занималась, как он говорил, «практически полезной деятельностью». И сейчас шел по лесной аллее, приближаясь к дому, и ни о чем не думал, кроме как о котловом довольствии, прикидывал, как бы закупить топленое масло и банок сорок говяжьих консервов. Жаль, конечно, оставлять мать, трудно ей без него... А о чем еще жалеть? Много ли он за два года потерял такого, о чём стоило бы жалеть? И много ли он приобрел? Если всерьез считать, с демобилизацией он потерял дружную семью технически грамотных и довольных своей службой товарищами. А приобрел, если всерьез, только двухкомнатную солнечную квартиру...

Когда-то — сейчас Левушка кажется давним-давно — саратовский врач Жуков бросил жену с восемилетним сыном. Он сошелся с медсестрой из Нарзанной галереи в Кисловодске, переехал в Москву, там преуспел, возглавил клинику.

Отец разрушил семью давно, но долго еще не могла изгладиться острые обиды на несправедливость. В детстве было что-то неуловимо-постыдное в том, что отец нашел новую жену в каких-то «ваннах». Хотя Левушка, став взрослым, поняла, что нет тут ничего зазорного, новая семья отца вызывала у него только иронию и скепсис.

В школьные годы мечталось: придет срок расплатиться, дать матери, учительнице начальной школы, все радости материального благополучия, каких отец ее лишил. Пока из этого ничего не получалось. Вот только солнечная квартира. Жилье предоставили Жукову в тот же год, как зачислили в штат. Мать была вызвана из Саратова телеграммой. Она была счастлива. Выйдя на пенсию, она скучала без сына. Была она по всем привычкам крестьянская женщина: черные волосы зачесывала тугу, сына воспитывала строго, хлеб резала крупно. Была она самым дорогим человеком отчсти и потому, что Левушка видел ее во всяких видах и в минуты слабости тоже. В горячей любви к матери, он знал, вечно жила трепетная вера в его хорошее будущее. Да как же иначе? В этой солнечной квартире она мысленно давно поселила Нику.

Для матери у Ники не было недостатков. Близорукая, Нику не носила очков. Щурялась. Трудно подсчитать, сколько раз и где он разделял ей очки в самых удивительных — то в круглых, как совинные глаза, то в черепаховых, позолоченных, четырехугольных — оправах. Он с насмешливым видом примерял ей очки и говорил подслушанную у слесарей на автобазе фразу:

— Снять, поставить — цена два рэ.

— Ты добрый, очень добрый!

— Считай, что я дельфин.

Она целовала его и прятала очки куда-то в ящики столика. И тотчас забывала о них.

Отец называл ее близорукость по-ученому: миопия — и не вмешивался в тревожное развитие ее болезни.

Один раз Ника позвонила в лабораторию и предложила поехать вдвоем по грибам. Он неопределенно хмыкнул и услышал в ответ:

— Почему ты всегда говоришь по телефону без интонаций? Я не могу понять, хочешь ты или нет?

Он промолчал и только посмеялся: куда же с такими глазами грибы искать?

Каково было его удивление, когда, выйдя на опушку леса, он увидел, как она вытаскила из сумочки очки, обыкновенные, железные, и к вечеру насобирала грибов даже больше, чем Левушка. Конечно, торжествовала...

Когда Левушка подошел к дому, он увидел мать на огородных грядках.

— Где ты так долго? — спросила она. — Алексей Алексеевич приходил.

— Что-нибудь случилось?

— Конечно, случилось! Вагон отобрали! Министр в нем сам поедет. С английской делегацией.

— И что же? Наша поездка не состоится?

— Да разве Алексей Алексеевич допустит, чтобы отменили? — Кажется, мать была взволнована не меньше сына. — Устинович уже землю роет, пригласил в поездку профессора Стабровского.

— Ничего не понимаю. Откуда ты все это знаешь?.. И при чем тут Стабровский?

— Анна Ивановна была у меня! Рассказала, что старик с ума сошел — согласился! Едет.

Мать Левушки была давней подругой Анны Ивановны, жены Стабровского, почтенного специалиста по оползням. Тридцать лет назад, уехав в эвакуацию, жена Стабровского оказалась в Саратове, в квартире доктора Жукова, и подружилась с матерью Левушки. До сих пор они часто встречались.

Значит, все рухнуло! Нельзя было ничего понять! Министр, какая-то делегация, Стабровский... Да не все ли равно, если рухнуло!

— Мать, ты что-то не говоришь. Давай по порядку.

Но мать по порядку не могла. Да и не знала толком, что случилось.

А случилось вот что.

Престарелый Стабровский, которого из уважения к истории русской техники лелеяли в институте, прилег после обеда на тахте. И тут примерещилось ему что-то давно забытое, будто бы лошади ушли в тайгу, все лето прогуляли, а зимой вернулись. Грибы будто бы присыпаны снегом. И, как бывает во сне, несобразность: ушли три лошади, а у ворот стоит целый табун.

Василий Афанасьевич заворочался и стал припоминать, что подобный случай действительно был лет сорок назад. Он тогда строил подпорные стены от осьпей в Восточной Сибири. Колхоз уступил изыскательской партии по сходной цене трех лошадей, а лошади ушли и зимой по бескорыстие сами прибрели обратно в деревню. Изыскатели давно уже в Ленинграде. Как тут быть? Завязалась канительная переписка, в которой он принял участие.

Однако никакого табуна тогда не было. Ушли три лошади, три и вернулись...

Стабровский подумал, что на днях его юбилей. Семидесятипятилетие. Зима жизни. Радоваться нечему, а жена уши прожужжала. И ему показалось, что сонный мозг придумал насмешливое иносказание: табун в снегу у ворот — это его старость, множество прожитых лет, поездок, экспедиций, увлечений, романов... И он рассердился. Старые дуры глупее молодых: жена не понимает, что позднее торжество хуже забвения. Когда он на старости лет выполняет какие-то экзерсизы в институте и каждый в зубы ему гладит — не пора ли, дескать, на покой, — что за юбилей! Забудут оповестить кого следует, и даже старые товарищи поленятся ехать из Москвы за город.

Мрачный, слонялся он по квартире целый вечер, по привычке расхаживая, читал книжку про кибернетику.

А утром на следующий день жена в комиссиионном-нашла старинное мужское кольцо — достойный подарок юбиляру. Она всегда так полагала: что нравится ей, то хорошо для Васи. Перстень с камеей, оправа чудной работы: чугун и золото; правда, мужская голова на каме разбита, уцелели только шея, кусочки подбородка, носа и крутой локон. Это ее немного огорчило. Но когда она вернулась домой, вспомнила, что у Льва Толстого Николенька Ростов, став помещиком в Лысых горах, тоже носил перстень и, кажется, с головой Лаокоона, и даже разбил камею, сгоряча ударив кулаком мошенника старости. Она сняла с полки четвертый том «Войны и мира», нашла нужную страницу в эпилоге, еще раз обомлев, глянула на покупку. Ведь это то самое кольцо! Непостижимо!.. Не в силах совладать с разыгрывшимся воображением, она поспешила к телефону, набрала номер институтского коммутатора. Но загородный коммутатор в служебные часы — крепость, за стенами которой муж отсиживается целыми днями. Только в обеденный перерыв она дозвонилась и в ответ на свое лепетание услышала сердитую отповедь Василия Афанасьевича:

— Прошу избавить меня и дать возможность... Что? Повторяю, дать возможность беспрепятственно заниматься своим делом.

Когда он сердился на домашних, то выражался высокопарно, торжественными канцеляризмами.

Он положил трубку. Но телефон снова зазвонил. Он прижал трубку к уху, отчего повторил:

— Я уже сказал, что прошу избавить меня...

И услышал мужской, хорошо поставленный голос:

— Вы еще не знаете, что я предлагаю.

— Простите, кто это?

— Устинович.

— Слушай, Алексей...

— Алексеевич. Я приглашаю вас в интересную поездку на трассу. Вы ведь осведомлены: там после взрывов скального косогора не прекращаются осьпи и камнепад. Я не осмелился бы, если бы сам не ехал с огромным интересом.

— В Сибирь? — спросил Стабровский, ничего не понимая.

— Решать надо, к сожалению, немедленно. Мчусь в министерство.

— Ах, в Сибирь? Пожалуйста! — беспечно и даже весело сказал Стабровский и придавил трубкой рычаг.

Он никогда не считал доктора технических наук Устиновича выдающимся инженером, и приглашение не было ни особо лестным, ни материально выгодным. Но он не мог отказать себе в удовольствии покарать жену за мельтешение и глупые подарки. А главное, убежать от юбилея! Всю жизнь он знал две радости в году: когда, закиснув в Питере, уезжал на строительство — то на Ковдор, то на Амур, и когда, измучась неудобствами полевого быта, порядочно одичав, возвращался, как те лошади из тайги, в большой город, в благоустроенную квартиру, к первой жене-покойнице. Сейчас приглашение ехать в Сибирь показалось ему даром судьбы. Как всякий дар судьбы, он был умнее, драгоценнее перстня с обломком Лаокоона.

В буфете со стаканом сметаны в руках к нему подошел геофизик Полудин.

— Говорят, в поле собирались?

— Еду на трассу.

— С ума сошли!

— Все удобства, и не скучно: молодежь, служебный вагон.

— Именно что нет никакого вагона! Отказали! Утром в министерстве решили: хороши будете и так, есть литера, садитесь, езжайте. Тогда Устинович ударили хвостом, вы знаете Алексея Алексеевича, он от своего не отступится... И в эту самую минуту он в министерстве, вероятно, аргументирует пользу служебного вагона вами, вашими заслугами, возрастом. И даже предстоит юбилеем.

Самое удивительное, что все было почти в точности так, как догадался Полудин. Еще утром собирались в кабинете шефа заинтересованные лица: Сельцов, Кратт, Вера Павловна. Даже Люсенька осмелилась заглянуть в открытую дверь.

— Видите ли, английская делегация! — гневно рассуждал Устинович. — А мы что, мальчики? Приедем, задергаем занятых людей. Вместо одной сводки будут готовить две. Прибыла партия бездельников, стыдящихся получать суточные. Так нет, будут нам еще уступать свои раскладушки! А похолодает, Веру Павловну, Люсеньку с чертежными столами ближе к печке. Все-таки москвички... Ну, его к черту, — проговорил он и снял трубку телефона.

Это был экспресс! Блестящий, как все у Устиновича. Сперва звонок Стабровскому и тотчас — к министру. И тот, не отменяя своего прежнего распоряжения, приказал отыскать другой вагон, какой угодно, из личного уважения к персоне Стабровского.

На следующий день рано утром начался аврал в духе Устиновича. Из дальнего депо был извлечен какой-то допотопный, давно не красенный вагон, его подкатили ближе к дебаркадеру, и весь день Левушка, проводницы и сотрудники перетаскивали сюда снаряжение экспедиции, продукты, аккумуляторные батареи, кастрюли, сковородки. Не желая испытывать судьбу, Алексей Алексеевич приказал готовиться к отъезду и выехать сегодня, не позже двадцати четырех ноль-ноль...

Вагон, чисто прибранный стараниями Тони и Тамары, еще не был подключен к осветительной системе поезда. В купе, куда вносили чемоданы, в полуумраке белели простыни и подушки. Любопытные заглядывали в другую половину вагона, в салон, освещенный снаружи сквозь шторки окон. За шторками в дымке дожди сияли оранжевым неоновым светом на мокрой стене вокзала огромные буквы: Москва.

В полуутеме хорошо только Люсеньке, ее провожал никому не известный юноша с мокрым букетом хризантем. Они шептались, шептались, вдруг послышалась ее поющий голос, потерявший на миг управляемость:

— Андрюша, я не хуже и не лучше всех...

Левушка сидел с матерью рядом со свободным купе, ожидающим Устиновичей.

— А это передашь... — шептала мать.

— Ну, зачем ты...

В потемках он все же позволил материинской руке нашарить карман куртки и погрузить в него какую-то завернутую в целлофан вещичку, подарок для Ники.

...Ему всегда казалось удивительным, что Ника нравится матери. Она приезжала и, если Левушки не было дома, болтала только о нем. Мать пересказывала ему все разговоры, слово в слово. Мать поверила ей свою тревогу: годы уходят, ее ленивый, мешковатый сын не торопится в вуз. Кем он останется? Штативом на двух ногах? Ника в утешение подробно рассказывала, как она плохо учится, какие у нее хвости после каждой сессии. И получалось так, что они друг друга стоят. Могла ли матерь осуждать ее? Все они нынче такие. Такое поколение...

Между тем вагон полнился голосами.

— Вера Павловна, вы не забыли рейсыши и тушь?

Это проходит с ворохом рулонов Игорь Янович Кратт, в дорожном макинтоше, всюду вносящий с собой дух достоинства науки. Чувствуется, что ему не нравится бесполковая обстановка отъезда в потемках.

— Кто будет в купе с Устиновичем? — слышится унылый голос длинного черношапочного инженера с прозвищем «Кочегара» — представителя министерства-заказчика. Он в вагоне единственный чужой, не институтский.

— Это нас не касается. Устинович просил не занимать.

— Подумаешь, тайна мадридского двора, — отзывается Сельцов. — Он всегда ездит для «галочки», а в этот раз для Ники.

Сельцов во всем ищет смешное и тщится каламбурить. Его любимое словечко «интерпретация», и он не обижается, когда это выражение обращают против него самого.

— Веселая компания, — иронически замечает Левушкина мать.

— Что ты!.. — успокаивает Левушка. — Утрясемся, все станут хорошие, симпатичные.

— Где же Алексей Алексеевич? Что-то запаздывает.

Грузная тень Стабровского загораживает дверь.

— С Домной Егоровой мы сегодня виделись, а это Левушка?.. Кажется, мне с вами надлежит ехать?

Жуков вскакивает с готовностью.

— Да, если вы не против. И, конечно, вам — нижнее место. А я люблю наверху. Левушка не понимает, как, впрочем, и все в бригаде, почему так легко согласился ехать старик, но он благодарен ему за его легкомысленное согласие, ускорившее отъезд, и помогает раздеться, втаскивает его ветхий портупед в тесное купе. В это время Василий Афанасьевич, повернувшись к нему спиной, доказывает жене то, что начал, по-видимому, еще в такси.

— Ты думаешь, за что Устинович получил доктора технических наук? За диссертацию на тему «Классики марксизма об изобретении паровоза». Как нынче говорят, грамотный инженер... Ты положила мою большую чашку?

Мимо купе проходит толстушка Вера Павловна, техник из отдела осьшей. Сегодня ей досталось больше всех, она громко жалуется:

— Пишут в авансовом отчете: «День отъезда и день приезда считать за один день». А этот день надо бы считать за год. Пять ящиков лиц, двадцать килограммов гречки...

Но тут путь ей преграждает жена Стабровского, что-то шепчет, тщательно заслоняясь от двери купе, где застрял Василий Афанасьевич, сует ей торт в коробке. Левушка догадывается, что Вера Ивановна хочет, чтобы юбиляру преподнесли в пути именной торт.

— Только, милушка, вручить утром шестнадцатого, вы не забудете?

Праздничное чувство не покидает Левушку, но уже примешивается и холодок беспокойства: Устинович все нет. Он прятывается к выходу, выскакивает на перрон,глядит в толпу под зонтиками. Не видать... И возвращается в

вагон. В эту минуту вспыхивает электрический свет. И суеты сразу становятся как будто больше, а голоса тускнеют. Впрочем, еще один возглас на минуту объединяет всех. Кричит из салона Сельцов:

— Товарищи, поздравляю, мы едем в царском вагоне!

Все тянутся по коридору на тот взгляд. Салон радует глаз: стены оббиты старинным дорогим линкрустом. На нем тиснены двуглавые орлы. Мебель красного дерева. Толстяк Сельцов демонстрирует стеклянные дверцы шкафа, на них красуются те же царские гербы с двуглавым орлом.

— Товарищи! Это надо немедленно в институтскую многотиражку, в отдел юмора: «На молодежную стройку — в царском вагоне!»

Игорь Янович нечаянно подтверждает открытие Сельцова, он нащупывает на кожаных подушках черного пузатого дивана, из тех, какие сегодня не встретишь в современных вагонах, августейшие вензеля: две буквы вязью «Н» и «А», осененные короной.

Зовут Василия Афанасьевича: он-то должен знать. Старый инженер оглядывает шкаф и диван с той же педантичностью, с какой оглядывал не раз пластины на срезах путевой выемки.

— Ездить самому не случалось, — обстоятельно начинает он, — но вагон, несомненно, из императорского парка. Все же пользовался, вероятно, не царь, а кто-то из свиты...:

Левушка ликует и даже смеется в спину Игоря Яновича, который морщится и уходит. Ему не нравится ни эта толкотня в салоне, ни теплые боты Стабровского, ни развязная веселость Сельцова. Так ученыe не уезжают. В этом он чувствует прискорбный недостаток самоуважения. «Теория отбывает в Сибирь», — мысленно произносит он и жалеет, что до сих пор не прибыл Устинович, с ним все было бы как-то приличнее, солиднее.

— До отхода поезда осталось пять минут, — доносится с перрона.

— Где же Устинович, товарищи?

— Провожающие... — пронзительным голосом начинает Тоня. Ей хочется скорее освободить вагон от всех этих женщин, старых и молодых. С Верой Павловной она, впрочем, уже подружилась, когда загружали ящики-погребки.

В коридоре начинается обратное движение — отлив. Левушка помогает матери выйти на платформу и снова ищет глазами запаздывающих. Дождь не перестал. Устинович не видно ни на мокрой, сверкающей оранжевыми лужами платформе, ни далеко у дверей пассажирского зала.

Последним выскакивает из вагона молодой человек. Люсенька из тамбура машет ему хризантемой.

И вот наконец с легким чемоданом по перрону спешит Устинович. Он один. И, неуклюже поцеловав мать, Жуков выбегает ему навстречу.

— Все уже беспокоятся, Алексей Алексеевич. — Голос его срывается на шепот. — Где же Ника?

— В ней-то все и дело...

Обгоняя Левушку, он бросает на ходу уже в тамбуре:

— Глупее не придумаешь.

Злоба душит его. Он с маxу захлопывает дверь купе и тут же открывает ее, приглашая пальцем Левушку войти. Он не хочет распространяться на людях, а выговориться необходимо.

— Осталась... Не причесана... не успела сделать укладку... Я, видите ли, поздно предупредил, что едем сегодня... Дура!.. Ничего не увидит! Миопия! Завтра «хеппинг» в «Космосе», в просторечии «хипёж». С этими, волосатыми, бородатыми... Кретинка...

Он снова широким жестом раскатывает дверь и спокойно, как у себя в кабинете, спрашивает:

— Как дела, товарищи? Я чуть не опоздал.

И вскоре вагон в хвосте поезда дальнего следования начинает поматывать. Люди разошлись по купе, коридор опустел, и, хотя двери закрыты, что-то повсюду поскрипывает и поет. Вагон нехотя начинает свой дальний путь.

Только Сельцов и Кратт еще покуривают у окна в коридоре. Левушка не подходит к ним — Сельцов опять изошлеется в остротах. Левушка догадывается, что сейчас во всех купе гадают, почему Устинович один, почему не взял с собой дочку. Вот и Сельцов нашел повод позубоскалить. Левушка слышит:

— На подушках-то, в салоне, вензеля видели? «Н» и «А», читайте: Ника Алексеевна. А где она?

Слушать это Левушке неприятно. Он отправляется к проводницам. Там пьют чай и очень довольны его приходом. О Левушкиной беде ни слова. Неужели понимают? Тоня, отставив кружку, принялась отпарывать подкладку заношенного жакета. Она помалкивает и только постrelивает вострыми глазками на Левушку.

— Зачем веcь портите?

— Разве порчу? —тонко рассмеялась. — Простирусь хочу. В пути времени не найдешь. — Она вздыхает. — Худо мне, Левушка, комиссия списывает на полную инвалидность. Даже в служебном не велят ездить. Значит, домой доживать, в Ивантеевку. А там сноха да сестренка. Приедешь в дом родной и, как в гостях, не знаешь, за что взяться. А бывало...

Тамара, зевнув, выходит в коридор. Тоня продолжает рассказывать про свою жизнь. Она как будто уже не помнит, что передней молоденькой, двадцатидвухлетней Левушкой, сразу ей приглянувшаяся румянной смуглой, веселыми, а теперь погрустневшими глазами, форменной курткой, и становится тем, чем была на самом деле: усталой рабочей женщиной. Жуков слушает, как она еще малым ребенком, оставленная в избе под присмотром деда, выпала из его рук с полатей, визжала благим матом. Родители, темные люди, пришли с поля, ничего не поняли. Дед, такой-сякой, не сознался. Она три дня, не перевода дыхания, визжала от боли и сорвалась, изнемогла: сколько же можно? Как начала ходить, тут все поняли: увечная...

Без стыдливости рассказывает она, как в шестнадцать лет, осознав свое уродство, поехала в город к врачам. А те покрутили ей ногу, сказали: «Операция тяжелая, а от кавалеров все равно не утаишь». Еще раз взрослой бабой, когда женскими болела, показалась старику хирургу. Он поглядел на нее сочувственно. «Сколько тебе лет?» «Двадцать пять», — ответила. «Замужем?» — спросил. Потом задумался и вынес окончательный приговор: «Поздно пришла. Ходи так».

— Ходи, ходи... — Она пронзительно запричитала детскую считалочку: — Ходи в петлю, ходи в рай, ходи в дедушкин сарай...

И бросила жакет на худые колени.

Жуков старался слушать внимательно, но ничего не слышал. Курьерский поезд разгонялся в ночной тьме, вагон кидало из стороны в сторону.

Прошло немало времени, когда Жуков, простившись с проводницами, вышел в пустой коридор. Все двери были закрыты, и у Устиновича тоже.

Осторожно приоткрыл дверь своего купе и в полуслучае нашарил ногами что-то, догадался: боты Стабровского.

— Пожалуйста, я не сплю.—Старик заворочался под домашним пледом, верно, обрадовался появлению попутчика.—Лесенку я вам поставил.

— Мои камеры не мешают?

— Нисколько... Сна нет. Изрядно покачивает. Лежу, вспоминаю...

Чувствовалось, что он доволен и теснотой купе, и этой качкой, и молоденьким и уже загулявшим попутчиком.

— Вы, кажется, кинооператор?

— Двуногий штатив. Разрешите, я опущу штору?

— Сделайте одолжение.

На некоторое время воцарилось молчание, пока Левушка поправлял на столике позванавшую большую чашку Стабровского и извлекал из кармана куртки мамины вещички; стараясь не шуршать целлофаном, разглядывал и заводил, прижимал к уху крохотные часики.

— Эха, дура... Торт,—вдруг произнес Стабровский,—эха, на вот: миндальный торт... Еще древние греки говорили: «Жениться и не жениться плохо». Видели, какие хризантемы потрудились приволочь молодой человек...

Левушка молча вслушивался в болтовню старика. Откуда он все знает? Вроде Тони... А Стабровский, приняв его молчание за повторство ночным откровенности, продолжал разглагольствовать:

— Раньше барышни декламировали: «Любовь — это сон упоительный...» Банально, но верно. Сон. Вчера мне тоже приснилось, что ушли три лошади, а вернулся табун. Сон, молодой человек, всегда сбоят.

— Сбоит? — переспросил Левушка и сел в ногах старика.

Он никак не ожидал, что тот с такой непринужденностью станет рассуждать о том, что его мучает.

— Сбоит! — с удовольствием повторил Стабровский.—Любовь... Женщина... Что такое любовь в вашем возрасте? Самовнушение. Оттого, что у нее уголки глаз кверху или книзу, вы готовы вообразить, что перед вами бог знает кто.

— Богиня Ника? — пробормотал Левушка.

— А-а? — громко переспросил старик.—На самом деле, как этот царский вагон. На подушках двуглавые орлы, а внутри... морская трава, в лучшем случае конский волос. Можете мне поверить, я был два раза женат и часто отбывал в длительные командировки. Поглядите-ка на эту дребедень.—Он с неожиданной легкостью сбросил ноги с дивана и повертел на своем мохнатом пальце женин подарок.—Чугун и золото...

Он еще не знал, как отнеслись к подарку, и примеривался к вкусу Левушки, бурчал что-то сердито, уже считал его своим, домашним, при ком можно и пофордыбачить:

— А? Каково?

— Почему вы мне все это говорите? — осмелился спросил Левушка.

Сейчас ему было обидно за Нику, за ее беззащитность перед подагрической логикой старика. И обида смешивалась с осуждением. Осуждение с радостью, что, в сущности, ничего не случилось, что можно все повернуть наперекор всему, как эту ручку от двери в купе.

Дверь и в самом деле пошла в сторону. Фигура Устиновича в светлой пижаме заслонила ее узкий проем.

— Слыши голоса, а мне тоже не спится. Не помешаю деловому разговору?

— Самый деловой разговор. Насущный, — сказал Стабровский и прилег, натягивая плед на плечи.

— О чем же?

— О любви. Запомнились какие-то стишки. Киплинга, что ли? Чего только в голову не придет, когда не спится! — И с жарким пафосом, сделавшим его вдруг молодым, Стабровский прочитал:

Жил-был дурак. Он молился всерьез,
Впрочем, как вы и я.
Тряпкам, костям, пучку волос.
Все это бабой пустой звалось,
А дурак ее звал королевою роз.
Впрочем, как вы и я...

Он повторил:

— Как вы и я.

— Что посещешь, то и пожнешь, — невпопад пошутил Устинович.—В наше время умели ждать. А нынче... спешка.—Он покосился на Левушку.

— Выходит, вы против темпов? — Стабровский приподнялся, опервшись на локоть.—Вы, рыцарь всевозможных новаций в науке?

— Но не в жизни. В жизни предпочитаю стабильность. Стабильность — основа равновесия.

— Я был два раза женат, но и только. А вы? — С доктором наук старик был еще более бесцеремонен, чем с Левушкой.

Жуков знал, что он не уснет. Часики на целлофане под лампой лежали, как перевернутый майский жук. Что понимают эти скучные, зачерствевшие старики в том, что с ним сейчас творится? Он с неожиданной грустью спросил:

— Вы все объяснили? А я остаюсь при своем.

И вышел из купе.

А в пятом часу утра он слегка тронул плечо Стабровского:

— Простите меня. Я вас покидаю.

— Куда же вы? Сильно хрюплю?

Со сна старик не понял, что его попутчик в полном сборе: с чемоданом в руке, и камеры и штатив при нем.

— Нет, я в Москву.

— Правильно! — Стабровский даже всхлипнул, отбросил плед.—Какой молодчина! Это же с вами впервые. Утром будете вместе. Все остальное — ко пасм! Приложится!

В тамбуре на стеклах двери чертили зигзаги последние дождевые дорожки. Но дождь уже кончился. Поезд замедлял ход. Тоня, дежурившая этой первой ночью, открыла дверь, протирала снаружи железо. Тусклый шар фонаря поплыл, освещая палисадник с мокрой, поникшей рябиной и платформу товарного эшелона с блестящими кузовами автомобилей.

— Ходи изба, ходи печь, — пропела Тоня, заглядывая в глаза Жукову.—Ой, куда же вы? Куда? Стоим три минуты!..

Быстрыми шагами, ступая по рельсам, Жуков направился к двери станции. Под колоколом он обернулся, махнул рукой проводнице.

Поезд уже набирал скорость. В вагонном окне мелькнуло лицо старика. Перрон был пуст — ни души.

НОВОЕ ИМЯ

Виктор КЕЛЬДЮШКИН

Хочу обратить внимание читателей журнала «Смена» вот на что. Многие поэты, печатающиеся в наших периодических изданиях, — выходцы из деревень. Не убежден, что деревенская школа всем дала прекрасное образование, но уверен: в каждой той деревенке жил да был человек, который приметил росточек и по силе возможности помог ему словом ли, делом.

Виктор Степанович Кельдюшкин — школьный учитель из села Большое Мурашкино Горьковской области.

Большое Мурашкино — родина Виктора Степановича. Здесь он после школы ваял на местной фабрике валенки, в соседнем Лыскове окончил педагогический техникум. Работал в школе-интернате пионервожатым, физруком, воспитателем. Заочно закончил естественный факультет пединститута и историко-филологический факультет Горьковского университета. Он учил ребят биологии, гимии. Но было у него еще одно призвание — родная литература. Это — и призвание и служение.

В летние каникулы Виктор Степанович садился на велосипед и один или со школьниками отправлялся к любому писателю «в гости».

Он был в Тарханах у Лермонтова, в Карабихе у Некрасова, в Ясной Поляне у Льва Толстого. Несколько раз ездил в пушкинское Болдино, в есенинское Константиново.

Со стихами Виктора Степановича Кельдюшкина вы познакомитесь на этой странице журнала. Они сами постоят за себя, и если я написал все это, то для того только, чтобы немножко рассказать о наших первых литературных учителях. Они, конечно, разные, но и все похожие. Все они селятели.

Владислав БАХРЕВСКИЙ

Мой край — под сердцем у России,
На вьюжных, ветровых путях,
Где ныне столько легкой сини
На успокоенных снегах.
Невелики нагрузки стужи.
Не тибнут птицы на лету.
Лишь белый ключ незримо тужит
В глухом, смыкающемся льду,
Что не к нему спешат хозяйки
С ближайшей улицы села.
Подняв плечами утром зябким
Не коромысло — два крыла.
Почти всю зиму — мимо, мимо
Цветные крылья — все туда,
Где рвется к свету одержимо
Водопроводная вода...

Вече сельского звонило —
Брус, ржавевший на столбе!
Уж не вспомнить все,
Что было,
Чем обязаны тебе...

По весне гудело в росах
Перед радостью борозд.
Завывало на покосы
В тихий час ухода звезд.

Было звонкое недаром
В бригадировых руках.
А случалось быть пожару —
Вся округа на ногах...

Стрижи тоскуют в солнцепек.
Их голос тягостен и ломок —
Ложится в мареве дорог
За нашим самым тихим домом.

Но страшнее дней бедовых
Был такой июньский день.
До сих пор солдатки-вдовы
Помнят горестную звень.

За нашим смолкнувшим жильем
Согреты пахнит и реки.
Все это дорого навеки.
Все это Родиной зовем.

Не напомнил бы случайно,
Не писал бы просто так.
Вот смотрю —
идут комбайны

По дороге на большак.

Пусть в этот час невмоготу
Стрижам, деревьям и дорогам.
Но я-то знаю — это много:
Жить солнцем, взявшим высоту!

Все спокойно, деловито.
Славно вызревли хлеба.
И под школу место срыто —
Нет звонила! Нет столба!

Стихи о старой телеге

Который год, отстав от века,
Перекосившись и осев,
Мир повидавшая телега
Сторонкой катит по щоссе.

Она давно, давно помеха
Здесь, на асфальтовом пути.

И восьмерят ее колеса,
И фура хлебная стучит.
Вокруг — невызревшие росы,
Вокруг — осенние лучи.

Ну, что разгневались, машины?
Ей столько лет, ей столько лет!
Она к поселку за долиной
Свернёт опять на старый след.

И весел конь. А что развиться?
Куда он тянет сгоряча?
Коль без кнута сидит возница,
Не понукая, не крича?

А после с выпеченным хлебом
Катись обратно стороной.
Телега! Старая телега!
А нужен ли тебе покой?

На каждый звук лесное эхо
Телеге вторит впереди:

Живи, скрипи еще смелее!
Катись, пока не ляжет снег.
И так потянем... до музея,
Встречая двадцать первый век.

ВРАЧ САНИТАРНОЙ АВИАЦИИ ВАЛЕНТИН ТРЕТЬЯКОВ.

— Без крови тому парню в Мезени не выжить, а мы с вами и ваши ребята останемся целы и здоровы, потому что не любим рисковать.

Свечников после этих слов как-то осекся, кашлянул в трубку и, помолчав с полминуты, сказал:

— Ладно, Третьяков, мы с тобой все равно в одной упряжке. Сиди у телефона, позовим... А насчет риска ты все-таки зря: да, не любим, потому что и без

Охрана здоровья советских людей гарантирована Конституцией СССР.

Где бы ни находился больной, в какое бы время дня и ночи ни пришла в наш дом беда, служба воздушной скорой помощи готова прийти на помощь. Таков один из законов нашей социальной системы, самой гуманной, самой человечной в мире.

Владислав ЯНЕЛИС.
Фото Владимира ЧЕИШВИЛИ.
Специальные корреспонденты «Смены».

“СКОРАЯ” УХОД

РЕЙС НА МЕЗЕНЬ

В тот день заведующий областной санавиацацией Третьяков закончил операцию около часа, без очереди взял в буфете бутылку минеральной коржик и булку с маком (ему, как врачу экстренной группы, без очереди можно) и вместе со всем этим добром заглянул в диспетчерскую. Он был в настроении. Еще бы, четыре часа они провели у операционного стола — сложнейшая трепанация черепа, но вернули молодого парня, попавшего в автокатастрофу, практически с того света. Все четыре часа аппаратура, за которую отвечает Третьяков, работала великолепно, анестезиологам удалось удержать пострадавшего на постоянном пульсе, а это совсем непросто при таких операциях. Теперь есть все основания полагать, что парень поправится.

— Что у нас сегодня? — Третьяков бегло просмотрел журнал телефонограмм. — Есть что-нибудь срочное?

— Кровь нужно в Мезень отправить, у них там тяжелый послеоперационный больной...

Первый раз звонили из Мезени еще утром. Стрелкова только приняла дежурство. Заведующий хирургическим отделением райбольницы просил любым способом доставить им кровь третьей группы, резус отрицательный. Редкая кровь нужна больному, перенесшему операцию по поводу резекции желудка.

Стрелкова тут же связалась с областной станцией переливания крови. Там пообещали две ампулы. Казалось бы, все складывается благополучно. Но тут выяснилось, что мезенское направление закрыто, над районом сплошной туман, видимость почти нулевая. А из Мезени продолжали звонить, там нужно было точно знать: будет кровь или нет? Стрелкова сказала, что кровь есть и ее отправят, как только откроется небо. На том конце провода тихо спросили:

— А если оно откроется слишком поздно?

— Ладно, — сказала Стрелкова, — ждите.

С того времени она уже дважды звонила в аэропорт, звонила метеорологам, ответ прежний: пока район закрыт. Правда, есть надежда на ветер, он может разогнать туман. А может и не разогнать... Вот так. Сиди и жди. А что делать, санитарная авиация, увы, не всепогодна.

Такая сложилась ситуация к приходу Третьякова.

— Да, черт возьми, — Третьяков барабанит пальцами по телефону, — неужели ничего нельзя придумать?

От его благодушия не осталось и следа.

Командир авиапредприятия Николай Федорович Свечников, по натуре человека уравновешенный и спокойный, выслушал Третьякова, не перебивая. Да, район закрыт, надо ждать. Да, он прекрасно понимает, что в Мезени тяжелобольной человек, и не надо ему, Свечникову, говорить об этом трижды, он не маленький и на своем веку вылетал по санзаданиям не одну сотню раз, но если район закрыт и сидят рейсовые самолеты, что же можно поделать? Но переговорить Третьякова было не так просто.

— И все-таки, Николай Федорович, надо помочь Мезени.

Тут Свечников не выдержал.

— Слушайте, Третьяков, вы в санавиации новичок и, наверное, кое-чего не понимаете. У вас там один больной, одна жизнь, а экипаж — это три человека и три жизни, да еще машина. Если бы я каждый раз посыпал людей в нелетнюю погоду, летать было бы уже некому. Это же север, понимаете?! Я тоже отвечаю за жизни людей, как и вы.

И дальше в таком же духе. И он, наверное, был прав. И тогда Третьяков сказал фразу, которая изменила разговор на 180 градусов:

ПО ДЕЛАМ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ.

этой нелюбви в нашей жизни его с головой и выше, понял?

А через четверть часа на санавиа-
станию позвонил диспетчер аэропорта
и сообщил, что на Мезень срочно фор-
мируется рейс. «Только тут такое де-
ло,—диспетчер сменила суховатый тон
на доверительный,—полной гарантии
нет: они сядут, если найдут прореху в
тумане...»

В пять вечера Стрелкова принесла из
Мезени телефонограмму о том, что
кровь получена и больному начали де-
лать спасительное переливание.

— Я знала, что они сядут в Мезе-
ни,—сказала нам тогда Людмила Пет-
ровна,—Свечников послал туда лучший
экипаж.

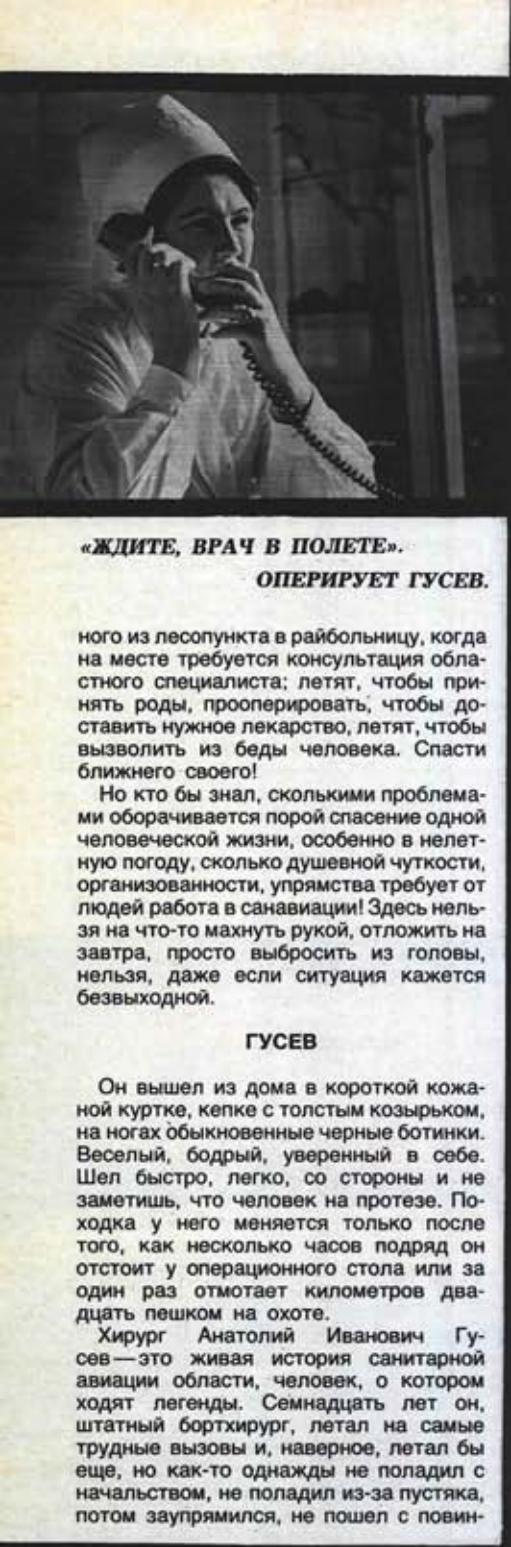
...Север, север, не пробито еще шос-
сейных дорог по твоим кругогорьям и болотам, не отмерены километровыми
столбиками таежные синие дали, бес-
крайняя тундра, звонкие распадки. Ле-
том еще ничего—по рекам можно прой-
ти, а как потянет шуга по воде—все,
одна надежда—авиация. Любую ме-
лочь, несчастную крыльчатку от мото-
ра, без которой не обойдутся люди,
живущие и работающие вдалеке от
крупных поселков, везут по воздуху. Не
сразу, конечно, а когда поднаберется
таких вот мелочей хоть на самую малую
загрузку для вертолета.

А вот случись что с человеком, тут
уж не ждут до «загрузки» рейса—ле-
тят. Летят, когда надо перевезти боль-

ДИТ В НЕБО

ВОЗДУШНАЯ СЛУЖБА МИЛОСЕРДИЯ.

«ЖДИТЕ, ВРАЧ В ПОЛЕТЕ».

ОПЕРИРУЕТ ГУСЕВ.

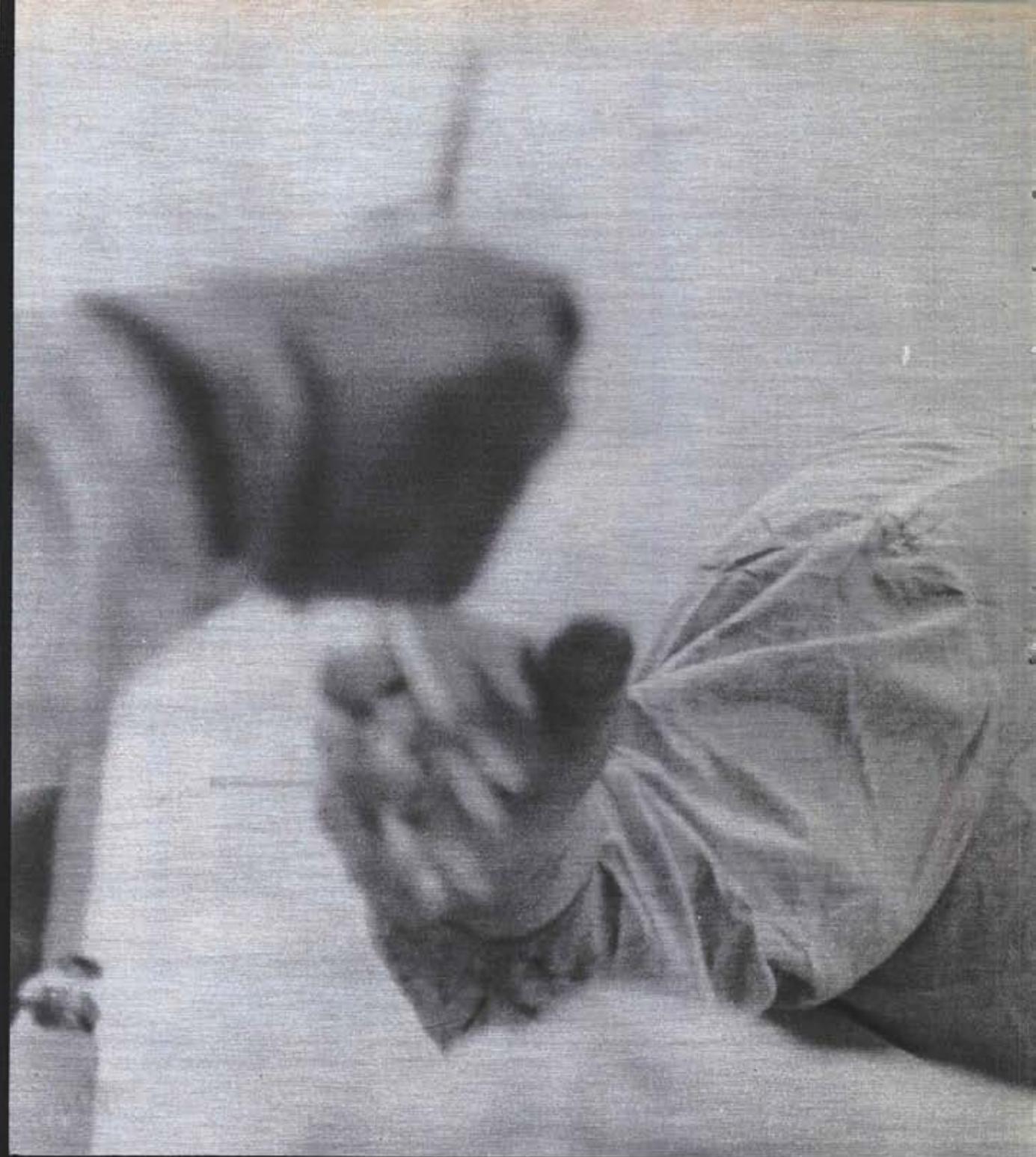
нога из лесопункта в райбольницу, когда на месте требуется консультация областного специалиста; летят, чтобы принять роды, прооперировать, чтобы доставить нужное лекарство, летят, чтобы вызволить из беды человека. Спасти ближнего своего!

Но кто бы знал, сколькими проблемами обирается порой спасение одной человеческой жизни, особенно в нелетнюю погоду, сколько душевной чуткости, организованности, упрямства требует от людей работа в санавиации! Здесь нельзя на что-то махнуть рукой, отложить на завтра, просто выбросить из головы, нельзя, даже если ситуация кажется безвыходной.

ГУСЕВ

Он вышел из дома в короткой кожаной куртке, кепке с толстым козырьком, на ногах обыкновенные черные ботинки. Веселый, бодрый, уверенный в себе. Шел быстро, легко, со стороны и не заметишь, что человек на протезе. Походка у него меняется только после того, как несколько часов подряд он отстоит у операционного стола или за один раз отмотает километров двадцать пешком на охоте.

Хирург Анатолий Иванович Гусев — это живая история санитарной авиации области, человек, о котором ходят легенды. Семнадцать лет он, штатный бортхирург, летал на самые трудные вызовы и, наверное, летал бы еще, но как-то однажды не поладил с начальством, не поладил из-за пустяка, потом заупрямился, не пошел с повин-

ной, а вскоре подал заявление с просьбой перевести его в отделение на лечебную работу.

Но расстаться с санитарной авиацией совсем было выше его сил, слишком он ее любил, и время от времени он бывал на экстренных вызовах, особенно в тех случаях, когда где-то нужны были его опыт, твердая, умелая рука хирурга-травматолога широкого профиля. Как, например, сегодня.

— Это правильно, что самолет в Холмогоры не послали, выигрыш времени был бы самый малый, — рассуждал Гусев, — пока он с Кег-острова в Талаги придет да оттуда поднимется, мы на машине уже полпути пробежим, верно, Василь Палыч?

— Оно так, — согласно кивал наш водитель Василий Павлович Кузнецов, работающий в санавиации уже третий десяток лет. Чувствовалось, что им, ветеранам службы, приятно сойтись вместе опять, хоть и сводила их, как правило, чья-то беда. Сколько раз, встречая вернувшегося с вызова Гусева в аэропорту, Кузнецов по одному только виду Анатолия Ивановича определял, что с больным.

Смотрел я на них, слушал неспешный разговор этих людей и думал: не при-

бавлено ли к рассказам о Гусеве вымысла?

Рассказывали, как еще на ПО-2 взлетел Гусев с летчиком Валерием Веринским где-то возле Каргополя, получив очередной вызов в тот момент, когда уже собирался домой, но не хватило им площадки для разгона, и упали они на пашню. Веринский — тот ничего. И машина осталась, в общем, цела, только винт искорежили да крыло погнулось. А вот Гусев сломал себе ребро и крепко ударился головой. К боли еще и досада прибавилась: лететь к больному не на чем. Расстояние-то пустяк — километров сорок всего, но как доберешься? А там больной ждет с легочным кровотечением. «Найдите мне коня», — просит Гусев, — верхом поеду». «Да вы что, Анатолий Иванович, сами-то едва стояте», — отговаривает его летчик. А тот свое: «Поеду, и точка». И поехал. К вечеру добрался до места и тут же начал операцию.

Рассказывали и о том, как однажды посадили вертолет с Гусевым возле озера Белого, откуда до зимовья, где лежал больной, было еще 18 километров. Лететь дальше летчикам запретили по радио: скорость ветра была выше допустимой. Гусеву сказали, что он может добраться до зимовья без опасения сбиться с пути, если пойдет прямиком по ручью все 18 километров. И он, не

РЕШЕНИЕ?

раздумывая, пошел и понес всю свою многокилограммовую хирургическую укладку. Шел он берегом, но приходилось и прямо по воде — там, где ручей обступала особенно глухая стена цепкого кустарника или буреломы. Километров шесть он тогда отшагал по скользкому галечнику дна ручья.

Да много чего рассказывали о Гусеве. И как он в один день прооперировал 11 аппендицитов в Шойме, и как, спеша к больному, едва не увяз в болоте возле Кепина, и как обморозил лицо, возвращаясь из Петракеевки, где спасал больного человека от желудочного кровотечения... Было, по словам людей, и еще много разного в его жизни, жизни, полной тревог, мужества, беззаботной преданности своему делу.

...На шестидесятом километре мы пересели в холмогорскую машину, вышедшую нам навстречу, а Кузнецов повернулся обратно: санавиацию нельзя было надолго оставлять без транспорта.

— Ну, что там с больным? — поинтересовался Гусев у водителя.

— Велели передать, что готовят к операции.

— Ага, ну и верно, надо готовить на всякий случай.

Почти всегда санавиацию беспокоят в критических случаях. Так было и на этот раз. Но сначала из Холмогор позвонили просто посоветоваться.

— У нас тут больной с острым животом, очень слабый, 70 лет. Давление — 110 на 60, пульс — 96. Перенес несколько месяцев назад тяжелую операцию. Как быть?

Дело уже под вечер. Диспетчер связалась по внутреннему телефону с хирургией и попросила срочно разыскать Гусева. Холмогоры ждали на проводе.

Тот пришел и, выспросив все про больного, сказал, чтобы ему перелили плазму, какорбоксилазу, витамины и литер Рингера. А утром вызывали вертолет для направления больного в областную больницу. Потом Гусев сходил в свое отделение, а через час позвонил на санавиастанцию из дома.

— Молчат Холмогоры? — спросил Гусев.

— Молчат пока.

— Да-а. Надо бы взглянуть на больного. Там ведь у них в хирургии одна молодежь осталась.

В голосе его чувствовалось беспокойство.

А следом за ним позвонили из Холмогорской районной больницы и сказали, что, на их взгляд, нужна срочная операция, но сами они начинать ее не рисковали, хорошо бы прислать кого-нибудь из опытных хирургов. Так мы и отправи-

ВСЕ ЛИ БЫЛО ПРАВИЛЬНО?

лись с Гусевым в Холмогоры, до которых было не более 90 километров по хорошей дороге.

Внезапно впереди, метрах в ста от машины, пронзительно полыхнули два бело-зеленых огонька.

— Лиса! — Водитель сбросил скорость. — Тут по полям зайцев видимо невидимо, ну, и эти, конечно, шастают.

— Давай, парень, жми, у нас сейчас другие заботы, — пророкотал Гусев. — Мы по делам человеческим торопимся.

От чая Анатолий Иванович отказался: «Некогда», — прошел сразу в предоперационную к больному. «Молодежь» — хирург холмогорской больницы Владимир Бушуев двадцати пяти лет и двадцатишестилетний анестезиолог Виктор Заплатин откровенно обрадовались Гусеву, которого знали и любили еще со времен их студенческой практики в областном центре.

Осмотрев больного, Гусев сказал им, что придется сегодня поработать. С трудом нашли в отделении халат его размеров, а пока его подбирали, Гусев разговаривал по ordinаторской в майке, диктуя Бушуеву результаты последнего предоперационного осмотра.

Это была трудоемкая и долгая операция. Описывать ее не буду, хотя добровольно отмечал в блокноте весь ход ее от начала и до конца. Как и в каждой операции подобного рода, в этой были свои критические моменты и технические трудности. Словом, все было как обычно, как в сотнях, тысячах операций врача Гусева. Когда очистили полость от фибринов, сделали томопонаду, чтобы избежать повторного перитонита, то есть когда сделано было все самое основное и больной находился вне опасности, Гусев сказал: «Выздоровеет этот человек и будет благословлять своих спасителей, а мне с ним и встретиться, наверное, не придется. Ведь мы по сути своей пожарные: нужны, лишь когда горят».

Вернувшись мы в Архангельск где-то около пяти утра. Всю обратную дорогу Гусев, отгоняя дремотное состояние, веселил нас анекдотами и всякими забавными историями. А через три часа, ему опять надо было возвращаться в больницу.

БРОСОК НА СЕВЕР

Мы летели вдоль побережья в направлении северо-северо-запад. Летели к одиночному маяку, зажигающему свои огни на кромке берега Баренцева моря. По радио оттуда смогли сообщить о состоянии больного только самые общие сведения: матрос, механик по специальности, отравился отработанными парами двигателя.

Отравление такого рода — дело нешуточное, и диспетчер санавиации принял вызов.

Как только мы подошли к побережью, в иллюминаторах показалась молочно-серая дымка. Скоро она окутала нас густым ватным покрывалом так, что земля почти совершенно скрылась из вида. Полет предстоял долгий, и Третьяков, уставший после дежурства, заснул, не обращая внимания на оглушительный рев полупорташного редуктора над головой. На короткое мгновение внизу вдруг открылось море, скваченное у берега ледяной кромкой и отсюда, сверху, кажущееся почти недвижимым. Погода была на пределе. Плановые вылеты в такую погоду не выполняются, только экстренные.

... Этот маяк должен быть где-то здесь, — проクリчал мне в самое ухо бортмеханик Григорий Вагин, — будем круиться, пока не найдем, — туман, сам понимаешь! — Сказал и полез опять на свою третью ступеньку, там все-таки обзор получше. Экипаж этот был нам знаком: летали уже с ним на вызовы. Командовал им Павел Истомин, а вторым пилотом был Володя Гольченков. Все трое бывальные, испытанные севером вертолетчики, знающие область назубок, привычные к здешней непогоде, туманам и ветрам. Истомин, несмотря на молодость, считался одним из лучших

пилотов: как-никак одиннадцать лет на севере.

— Передали: ветер усиливается, уже 15 метров в секунду, а у нас предел 18! — кричит Вагин. — Садиться надо и больного брать, а то дадут нам отбой, и будь здоров — полетим домой пустые!

— Вы-то не полетите, — встревает Третьяков, — я Истомина знаю.

Вагин крутит головой.

— Всякое бывало.

Наверное, Вагин намекает на тот случай, когда они два дня искали на полуострове Канин попавшего в беду охотника. Так нашли ведь, пусть не в первый день, но нашли. А нелегкое это было дело, ох и нелегкое: попробуй-ка отыскать человека в тундре, среди болот и кустарника, да еще когда район поиска назван очень приблизительно.

Сообщил о заболевшем его товарищ, сам с трудом вышедший к ближайшему поселку и свалившийся от истощения. Целый день с врачом на борту искал тогда экипаж Истомина охотника. Бесконечное количество раз садился, принимая за человека корягу или неровный валун. Не нашел. На второй день хотели экипаж Истомина заменить другим: ребятам надо было дать отдохнуть, — но Павел настоял: «Разрешите вылет, я там полтунды уже облазил, найду». И нашел.

Нет, пустыми они отсюда не улетят. И мы в который уже раз прорываемся через клочья тумана, пытаясь обнаружить маяк.

Вдруг слева один за другим вспыхивают и плывут по небу два бледно-оранжевых огня — ракеты. Это значит, услышав шум мотора, люди на маяке обозначают место посадки. Так и есть, едва мы снизились, как буквально в ста метрах от нас открылась макушка маяка, а следом и четыре красных флаги — квадрат вертолетной площадки.

Потом мы долго идем лесом по выбитой в глубоком снегу тропе, по шатким, скользким от льда мосткам, а над нами крутит и свистит ледяной, колющий ветер. Наш провожатый — подтянутый, румяный парень — объясняет, что больному матросу вроде бы стало лучше, на что Третьяков философски отмалчивается.

Матрос смотрит на Третьякова испуганно, на все вопросы отвечает по-военному: «так точно» или «никак нет». Но у него по-прежнему сильный озноб и головокружение. Третьяков делает ему укол и заставляет выпить полную кружку крепкого, обжигающе горячего чая. И хотя Коля Осиев, так зовут нашего больного, уверяет Третьякова, что доберется до вертолета сам, Валентин Николаевич укладывает его на носилки.

— Это ему только кажется, что он доберется сам, не хочет перед ребятами слабость показывать. Но вообще-то парень крепкий, через неделю будет на ногах, это уж точно.

Мы идем той же тропой через лес, слегка разочарованные тем, что в этот раз не было острых ситуаций и почти не понадобились Третьякову инструменты, взятые им впрок. Но мы идем довольные тем, что Коля Осиев через неделю будет на ногах.

В тот же день вечером заглядываем в последний раз на санавиастанцию — хотели проститься с людьми, с которыми полторы недели жили в одном очень напряженном ритме, одними тревогами и заботами. Но прощания так и не вышло. Дина Алексеевна Сергеева, дежурившая на станции, не смогла выделить для нас ни минуты, лишь приветливо улыбнулась и продолжила телефонный разговор.

— ...Омегу срочно. Да, по правительству... В Омеге дайте главного врача районной больницы...

У них и завтра будет такой же напряженный день. И послезавтра тоже. И десятки людей будут готовы вылететь в любом направлении, если кто-то будет нуждаться в их помощи. И не будет конца их волнениям и надеждам, будут только паузы, и те недолгие.

... — Омега!.. Левомицитин вам отправлен...

НАСТРОЕНИЕ. Фото Льва ГЕЛЬДЕРМАНА (г. Мурманск).

«МИР МОЛОДОСТИ СТРАНЫ СОВЕТОВ»

Фотоконкурс «Смены», посвященный 60-летию Ленинского комсомола

БАМ, ПОСЛЕ РАБОЧЕЙ СМЕНЫ. Фото Владимира СОКОЛОВА (г. Москва).

ОГОРЧЕНИЕ. Фото Виктора ЛЕОНТЬЕВА (г. Москва).

РЕДАКЦИЯ ЖДЕТ ОТ ЧИТАТЕЛЕЙ НОВЫХ КОНКУРСНЫХ ФОТОРАБОТ, КОТОРЫЕ ПРИНИМАЮТСЯ ДО 1 ОКТЯБРЯ 1978 ГОДА.

EX LIBRIS СМЕНЫ

ПОЭЗИЯ

«Почувствуй стык времен плечами...»

Свою новую книгу стихов и поэм Сергей Викулов назвал лаконично и емко — «Постоянство» (изд. «Молодая гвардия», 1977 г.). Для поэта в этом слове заключено многое: постоянство неуспокоенности, вечного поиска; наконец, постоянство человеческого характера, его крепкой жизненной основы и глубины... Все это и составляет внутренний пафос нового поэтического сборника.

Сергей Викулов как бы заранее стремится отсечь все суетное и мелкое, рассчитанное на внешний эффект, чего немало еще в нашей жизни, старается пристально и вдумчиво рассмотреть не случайные, а подлинные черты времени. Самое главное для него — уловить глубинную суть событий, человеческой личности, живой природы.

Так, могучие ели в зимнем лесу привлекают его внимание прежде всего своей непреклонностью, тем, что не спешат по мановению взвалошной погоды покорно склониться с плеч зелено-красной красоты. И зорким взглядом художника поэту удается разглядеть в этом одну из привлекательных и верных черт родного народа.

Вот они стоят — сам черт не страшен! Отряхают белое с боков, здорово похожие на наших очень зимостойких мужиков!

Из таких точно подмеченных черт природы, людей, больших и малых дел современности со-ставляется и предстает перед поэтом величественный образ Родины. Но он, этот образ, был бы неполон без прошедшего, осмысливание которого есть непре-менное условие движения к будущему.

Родины образ — не земли да воды только (как думали мы иногда)... Это еще и минувшие годы и достопамятных дней череда.

Вот почему поэт снова и снова обращается неутоленной памятью сердца к минувшему, к великой и многотрудной истории родной земли, с болью думает о кровавой междуусобной борьбе, о «засилье правителей разных, призванных из-за чужой гордости», и с неизменной гордостью — о бунтарском, мягким

ном духе свободы, который ис-
кони был присущ русскому народу.

С этой давней исторической памятью неразрывно переплется и недавняя — неусып-
ная — память войны, которая жива и поньне в каждом доме, в каждой семье. Незавершенный трагедиям великого народного испытания посвящены полная сурового драматизма баллада «Мать солдата», стихи «Слово к ровесникам», «В день Победы», «За дом родной».

Одно из центральных мест в книге занимают лирические раздумья поэта о родной природе, проникнутые заботой о бережном и чутком отношении к все-народному достоянию. Таковы стихи «Хлеб», «Три сосны», «Глухарь», «В середине лета» и другие. Сергей Викулов не уходит от больших и серьезных проблем, которые ставит время, он умеет убежденно, а порой и полемически заостренно высказать свою точку зрения на эти проблемы, стремится по-хозяйски, по-государственному подойти к их далеко не просто-му разрешению.

Новая книга Сергея Викулова, как всегда, полифонична. Она радует обилием стихотворных ритмов, разнообразием поэтических интонаций — то задумчиво-нежных, то горячих и страстных, когда автор выступает против негативных явлений нашей жизни. Чуткий и внимательный к слову, поэт, как и прежде, стремится приближать свои стихи к живой, разговорной речи, к народной песенной стихии. Это получается у него без нахима, легко и естественно:

Хоть некрасивая — так смелая.
Кого-то любят за красу —
а за меня березка белая
растет красивая в лесу.

Сборник «Постоянство» обращен в первую очередь к молодому читателю. Именно ему, беспокойному, ищущему, поверяет Сергей Викулов свои заветные думы и стремления, желая видеть в нем верного сына родной земли, ее хозяина и защитника, который постоянно чувствует плечами стык времен и в полной мере представляет высокую ответственность за дела и свершения, выпавшие на его долю:

О, не казнись раскаяньем — напрасно и не тай на прошлое обид, что сделано — то нам уж неподвластно, подвластно то, что сделать предстоит.

Геннадий СЕРЕБРЯКОВ

ПРОЗА

Семь домов у Кунь-горы

Так называется новая книга писателя Юрия Грибова (изд. «Современник», 1976 г.), в ко-

торой собраны невыдуманные повести и рассказы о земле родной. Наделенный завидным даром открывать живых героев среди наших современников, он тепло и тонко живописует их на страницах книги. У каждого из них свое лицо, характер, «точный адрес, свои собственные имена и фамилии».

Это Николай Васильевич Козаров, еще до войны возглавлявший райисполком Пулковского района (повесть «Тайна старой мельницы»). Фронтовик, спасенный по чистой, он настоял, чтобы его с парашютом выбросили на оккупированную Псковскую землю, где он возглавил партизанский отряд, руководил борьбой населения против фашистов.

Это и солдат Алексей Алексеевич Алексеев из деревеньки с удивительным названием «Москва», расположенной возле Кунь-горы (повесть «Семь домов у Кунь-горы»). После победы, возвратясь к руинам, он по бревенчику восстанавливает деревню, наливает жизнь ее обитателям. И Ольга Ивановна Чурилова, дочь погибшего фронтовика, энергичная, влюбленная в людей и работу, секретарь райкома по пропаганде (повесть «Перелом лета»). И Сергей Васильевич Моисеев, солдат Великой Отечественной, егеря, уважаемый в округе человек (повесть «Сороковой бор»), который помог автору по-настоящему узнать жизнь леса, зверей и птиц перелетных, новы и старину Псковской земли. Человек, израненный на фронте, в которого не раз стреляли браконьеры, но которому без бора и жизни нет. Любовь к природе, борьба за ее сохранность превышала личной безопасности.

...«Он и пешком ходить меня приучил», — восклицает Ю. Грибов. И это говорит о многом и воспринимается как должное: ведь и сам автор, участник войны, неотделим от своих героев. Талант его — в бескрайнем по-стоянном поиске. И образ автора прямо или косвенно присутствует во всех четырех повестях и десяти рассказах книги...

Названных и многих-многих неназванных героев Юрия Грибова — а география его поиска вместила всю страну, от Псковщины до Сахалина, — объединяет и роднит непреходящее чувство любви к Родине, стремление сделать все возможное для ее процветания.

Но особое место в авторских привязанностях занимает древняя и новая, трудолюбивая и многострадальная, как признается он сам, Псковская земля. Она воспета в его повестях, особенно в повести «Сороковой бор»...

В предисловии к книге лауреат Ленинской премии Г. М. Марков пишет: «Прежде всего хочется отметить прадивую, пронизанную поэзией русской природы, вместе с тем актуальную по своему общественному звучанию повесть Ю. Грибова «Сороковой бор»... Да, актуальна по своему звучанию... Она на деле показывает, что в силах совершить человек во имя сохранения окружающей среды, животного и растительного мира. И не только это. Сороковой бор — великий Родины частица, во все времена противостоявшая врагу. На память невольно приходит слова ее главного героя — Сергея Васильевича Моисеева о том, что Вороний остров на Чудском озере тоже входит в заповедную территорию Сорокового бора.

И сама собой выстраивается связь времен — от Александра Невского до партизанских баз псковичей в годы гитлеровского нашествия. И как емко и образно звучат раздумья писате-

ля: ...старики говорили, что в непогоду здесь звон со дна слышен... Семь веков звон со дна слышен... Я с волнением всматриваюсь в темную глубину, и будто на самом деле что-то гудит, клокочет какая-то грозная сила...

Бот где-то здесь стоял Александр Невский, отсюда ринулись его воины на рыцарей, прущих «свинью». Может, это было у самого камня. И героическое прошлое семивековой давности смыкается в сердце с недавним героическим подвигом Псковской земли, с повседневным подвигом ее тружеников. Нерасторжима связь времен...

Красива сама по себе наша кровная земля, но она красивее во много крат красотой живущих на ней людей, «сиятелей ее и хранителей». Об этом интересно и талантливо сказал в своей новой книге «Семь домов у Кунь-горы» писатель Юрий Грибов.

Александр КОВАЛЬ-ВОЛКОВ

ПУБЛИСТИКА

Валерий Ганичев НАСЛЕДНИКИ

Эстафета

Михаилу Александровичу Шолохову принадлежат слова: «Я люблю молодежь... И смотрю на молодежь с надеждой, как на яблоню в цвету, когда ждешь от нее первых плодов».

Мысли выдающегося писателя нашего времени, обращенные к юным, зовущие их на большие свершения во имя народа и коммунистических идеалов, часто встречались мы, с интересом читая новую книгу Валерия Ганичева «Наследники» (изд. «Современник», 1977 г.). Они помогают автору выбирать верный настрой, точные ориентиры, истинную школу ценностей в творческом, заинтересованном разговоре о молодежной теме в советской литературе, о роли комсомола в делах писательских, о воспитании литературной смены.

«Наследники» — это сборник публицистических, критических и историко-литературных статей и заметок. В. Ганичев выступает в них пропагандистом многостороннего опыта, накопленного комсомолом за свою почти шестидесятилетнюю историю в работе с творческой молодежью. Направляя развитие таланта, проявляя подлинно партийную заботу, комсомол требовательно и уважительно стремится развивать общественную активность молодых, укреплять связи писателей с жизнью, воспитывать их стойкими борцами за дело коммунизма.

Наследниками революции, наследниками великой народной культуры является вся советская молодежь. На долю нового

поколения литературы выпала огромная часть и ложится почетнейшая обязанность нести флаг Октября, равняться на классические образцы искусства. Как справедливо отмечает В. Ганичев, «важным фактором этого революционного воспитания, успешного развития общепролетарского литературного дела был складывающийся союз комсомола и литературы».

Читатели и вместе с ними критики всегда с нетерпением ждут от молодых писателей новых глубоких, художественно полноценных произведений. Автор «Наследников» был одним из первых, кто отклинулся на повесть иркутянина Валентина Распутина «Живи и помни». Знакомясь в сборнике с этой рецензией, приятно сознавать, что высокая оценка труда писателя, от книги к книге набирающего все большую художественную мощь, получила недавно еще одно знаменательное подтверждение: «Живи и помни» удостоена Государственной премии СССР.

В. Ганичев — публицист, историк, сферы его исследовательских интересов — становление комсомольской печати. И многие страницы сборника посвящены первым, приходящимся на начало и середину 20-х годов шагам таких журналов, как «Молодая гвардия», «Смена», «Журнал крестьянской молодежи». В тот период разделились собственно литературные: про-за, поэзия, критика — еще не занимали в них центрального места, хотя, например, в «Молодой гвардии» печатались тогда М. Горький и В. Маяковский, А. Фадеев и В. Шишков, Н. Асеев и А. Безыменский. Однако напряжение идеологической борьбы тех лет, сопровождавшейся во многих частных изданиях проповедью открытого буржуазных, антипартийных взглядов, диктовало первоочередную необходимость отставания и пропаганды марксистско-ленинской теории, освещения внутрипартийных дискуссий, повышения образовательного уровня молодежи. При этом в некоторых вопросах комсомольские журналы оказывались на поводу у разного рода оппозиционеров, и достоинство статей В. Ганичева еще и в том, что он откровенно говорит об этих явлениях и дает им принципиальную партийную оценку.

Хочется поддержать автора, когда он снова подчеркивает необходимость создания специального литературного общественно-политического журнала, сориентированного на подростков. Пока же ребята «критического» возраста могут выбирать между «Мурзилкой», «Пинером» и «Сменой».

Книга Валерия Ганичева вызывает на размышление, углубляет наше знание путей, пройденного нового советской молодежной книгоиздания, выдвигает конкретные задачи, решение которых будет способствовать новому творческому росту нашей молодежной литературы.

Дмитрий ИВАНОВ

EX LIBRIS
СМЕНЫ

«ФИЛИППЕНКОВУ Анатолию Анатольевичу, руководителю группы стального литья, КИСЛИЦИНУ Владимиру Федоровичу, младшему научному сотруднику, ШАГАЛОВУ Владимиру Леонидовичу, старшему инженеру, сотруднику Уральского НИИ черных металлов»—за повышение качества сталей для отливок за счет легирования ванадием с использованием конвертерного ванадиевого шлака и внедрение их в промышленное производство».

Из постановления бюро ЦК ВЛКСМ «О присуждении премий Ленинского комсомола 1976 года в области науки и техники»

Тесно в одной из комнат Уральского научно-исследовательского института черных металлов. Столы стоят вплотную друг к другу, над одним из них самодельный плакатик со словами академика Ферсмана: «Сказочные те силы, которые он придает железу и стали, вооружая их твердостью и прочностью, вязкостью и гибкостью, неразрушимостью». И рядом внушительная буква V—знак ванадия и своеобразная эмблема группы стального литья, которую возглавляет молодой ученый Анатолий Филиппенков. Это он однажды в шутку поднял тост за «мать-науку и отца-ванадия». А Лена Голуб, лучший изобретатель института, тут же поправила своего шефа: «Он нам не отец, а добрый товарищ». Так или иначе, но вся группа стального литья уже не один год живет этим почти таинственным металлом. И говорят о нем молодые сталелитейщики, кажется, постоянно.

Не всегда страдала эта комната от перенаселения. Лет десять назад в этой группе было всего два человека—старейший уральский металлург Андрей Дмитриевич Попов и вчерашний студент Толя Филиппенков. Теперь их «чертова дюжина», тринадцать научных сотрудников. Все они, естественно, люди разные, но одинаково увлеченные, ищущие, одинаково любящие свой ванадий. Зеленая на вид молодежь, они «ворочают» миллионами государственных рублей, к ним приезжают за советом специалисты крупных металлургических и машиностроительных заводов, они авторы 18 изобретений, их коллективный труд завоевал первое место на конкурсе молодежных научно-исследовательских работ и был удостоен премии Ленинского комсомола за 1976 год.

Лет пятнадцать назад почти все, кто входит в группу стального литья, еще бегали в школу и скорее всего не читали газет, в которых остро ставился вопрос о новых, высокопрочных сталях для вагонов. Почти столетие верно служившие человечеству углеродистые стали «состарились», не выдержали убыстряющихся темпов века, напора НТР. Первую осечку они дали на железных дорогах, где и потоки грузов взросли и скорости увеличились. Участились случаи, когда возникшая на тяжелом подъеме трещинка в вагонной тележке разрасталась, ширилась, грозя катастрофой.

Срочно требовались новые, более прочные литьевые стали массового назначения, которые сохраняли бы и главные достоинства углеродистых, в частности их относительную дешевизну. Такие, что были бы способны десятки лет выносить большие нагрузки в любых условиях, в том числе при сибирских морозах. Применение дорогостоящих добавок, обеспечивающих прочность и хладостойкость будущих сталей, исключалось: при огромном вагонном парке страны никаких ресурсов никеля или молибдена не нападалось.

Перед этими требованиями, как сказочный витязь перед камнем с известной всем надписью, были поставлены Министерство путей сообщения—потребитель вагонов и Уралвагонзавод—один из ведущих в стране их производителей.

Сейчас, за давностью лет, не установишь, кто первым заговорил о ванадиевых сталях как о наиболее подходящем материале для изготовления высокопрочных вагонных тележек. Привлекала и сравнительно доступная цена (сейчас ванадий в нашей стране, как и хлеб, дешевле, чем где-либо в мире) и, главное, в высшей степени его благотворное воздействие на сталь. Даже от ничтожно малых добавок ванадия она становится мелкозернистой, приобретает дополнительный запас прочности и упругости, лучше выдерживает удар и изгиб, в меньшей степени поддается истиранию, разрыву, и вместе с тем остаются высокими ее способности свариваться, растекаться по литьевым формам, сопротивляться образованию трещин. При этом, в каких бы сложных производственных операциях ни участвовал ванадий (из руды—в чугун, из чугуна—в шлак, а потом—в сплав с железом—феррованадий или сразу в сталь), он никогда не показывает своего «лица», придает силу и крепость металлам, сам оставаясь на положении невидимки. Еще в тридцатых годах советский ученый В. И. Тыжнов, долгое время работавший на Урале, нашел способ легирования ванадием, введение в

сталь этого металла с помощью его окислов, содержащихся в ванадиевом шлаке. Но ни тогда, ни в первые послевоенные годы дать ход этому открытию не удалось. Время пришло только в шестидесятых годах, когда на новом, Качканарском горно-обогатительном комбинате начали разрабатывать ванадийсодержащие железные руды, а Нижнетагильский металлургический комбинат стал наряду со сталью и чугуном выдавать необходимый для легирования ванадиевый шлак.

Именно тогда открылась возможность использовать часть ванадиевого шлака для производства высокопрочных литьевых сталей массового назначения. В первую очередь вагонных сталей, в которых особенно остро нуждалась страна. И кому было начинать это дело, как не находящемуся здесь же, в Нижнем Тагиле, Уралвагонзаводу, или «Вагонке», как любовно называют его на Урале.

Чтобы вплотную подойти к цели, указанной Тыжновым, начать серийные плавки ванадийсодержащих литьевых сталей, надо было прорваться сквозь дебри сложнейших расчетов, пройти через тысячи лабораторных экспериментов, подкрепить их производственными испытаниями.

Возник целый комплекс сложнейших вопросов. Решить их можно было, только выйдя за пределы завода, только найдя союзников среди людей, способных мыслить масштабами не одного предприятия, обладающих достаточным весом в кругу металлургов страны.

И тут кого-то из вагоностроителей осенило:

— А не обратиться ли нам в Свердловск, к Виталию Ивановичу?

С полным основанием могли они рассчитывать на взаимопонимание В. И. Довгопола, в прошлом заместителя главного металлурга, начальника чугунолитейного цеха и секретаря парткома Уралвагонзавода. Ко времени, о котором идет речь, он возглавил Уральский научно-исследовательский институт черных металлов (УралНИИЧермет).

Одним из первых приказов нового директора в институте была создана группа стального литья под руководством бывшего уральмашевца А. Д. Попова, около полутора отдавшего стальное производство. В помощь ему выделили молодого инженера Анатолия Филиппенкова, еще со студенческих лет занимавшегося проблемами упрочнения литья сталей ванадием. Еще тогда, наставляя своего подопечного, Андрей Дмитриевич говорил: «Попомните, Толя, придет время, и буква V, знак ванадия, будет пользоваться такой же славой, как эмблема сокола, которой два века назад метили уральское железо».

А тут подоспел запрос вагон заводцев. Весьма кстати. Говорят же, что две соединившиеся армии становятся сильнее по меньшей мере вчетверо. И хоть направление работы уральчичерметовцев было иным, они сразу же установили сотрудничество с заводскими коллегами. Когда не хватило своих сил, обратились за содействием в Институт экономики Уральского научного центра Академии наук СССР. Там, придирчиво обсчитав производство каждой из десятков литьевых деталей, доказали: производство тележек из ванадиевой стали, Уралвагон завод получает прибыли полтора миллиона рублей в год.

Крепко сдружились ванадисты завода и института. Те и другие были убеждены: далеко еще не исчерпан жизненефтия ресурса «доброго джинна» черной металлургии—ванадия.

Несколько лет напряженно трудилась постепенно разраставшаяся группа стального литья, прежде чем удалось доказать: что увеличив «дозы» таких примесей, как хром, кремний и марганец, можно еще более повысить прочность стали, практически не ухудшая другие ее характеристики. Но лучше эти их качества проявляются в присутствии ванадия. «Выходит, ванадий не бог, как думали иные, а вроде хорошего запевалы, организатора, если хотите. Такого, что и другим дорогу открыть способен»,—улыбался Андрей Дмитриевич.

Так наблюдалась цепкость ученого в сочетании с энергией и напористостью его молодых воспитанников вызвала к жизни целую «семью» комплекснолегированных литьевых ванадийсодержащих сталей. Детали машин из них могли служить в полтора-два раза дольше, безотказно действовали под нагрузкой при шестидесятиградусном морозе: хоть сейчас в Заполярье отправляй, не говоря о БАМе.

Что же, можно позволить себе передышку? Нет, никто из группы стального литья и на минуту не допустил подобной мысли. Ведь и лучшие стали массового назначения из «семейства» ванадиевых отличаются хладостойкостью, достаточной только на сегодняшний день. Но не на завтрашний. А кто знает, где потребуются наши буровые установки, экскаваторы, тракторы через десяток-другой лет? Думать о будущем—значит искать составы таких сталей, которые выдерживали бы кажущиеся сейчас неимоверными нагрузки и в арктическую стужу.

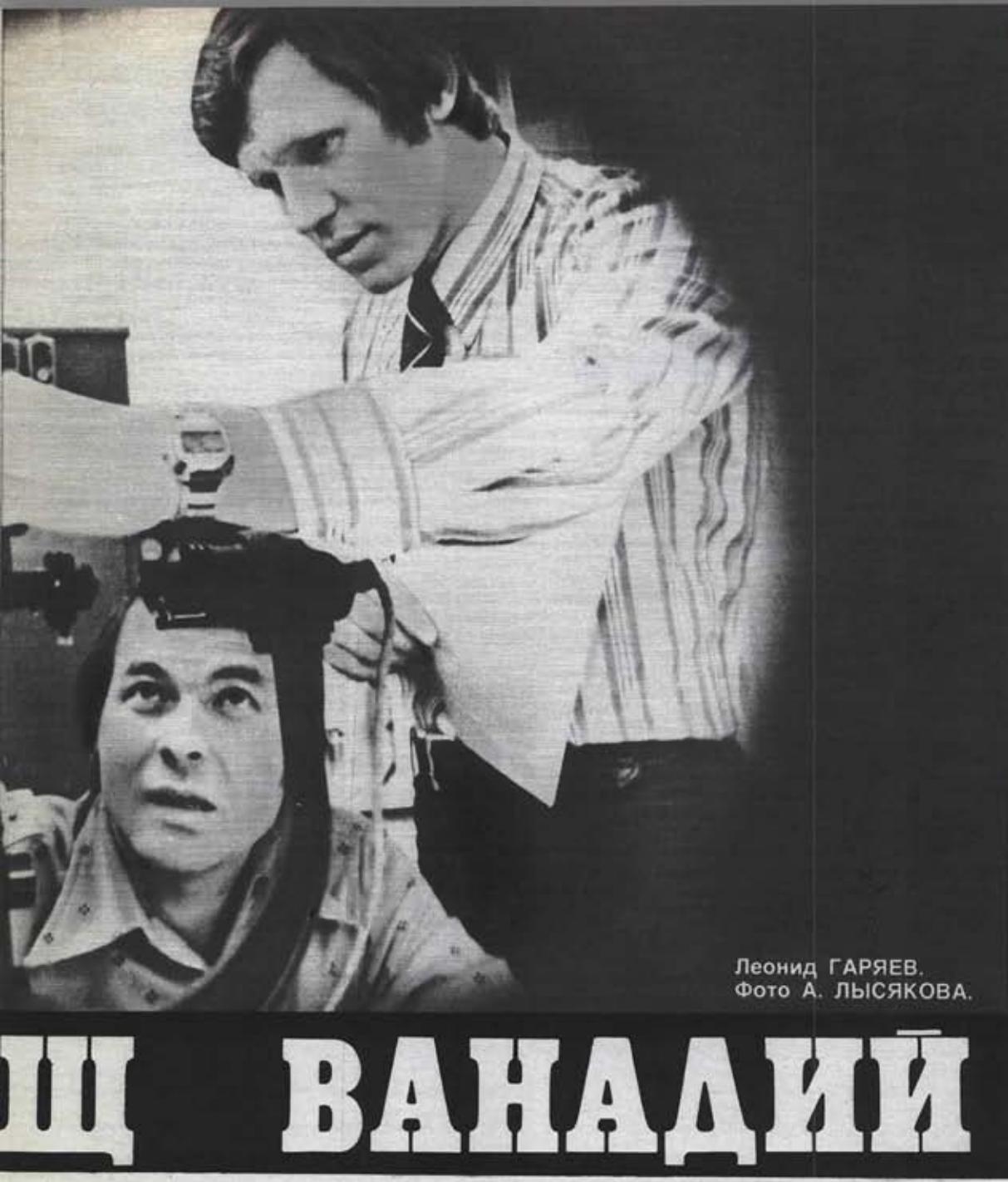
ТОВАРИЩ

Количество примесей, без которых немыслима ни одна из ванадиевых сталей,—величина переменная, и малейшее отклонение даже в сотые доли процента может коренным образом изменить «характер» металла. Типичный пример перехода количества в качество. Цель металлурга-творца среди уймы возможных комбинаций элементов в сталях найти, выискать, сконструировать, если хотите, наиболее продуктивные. Не просто скопления, совокупности, а своего рода содружество, такие, в которых любой из составляющих, взаимодействуя с другими, помогал бы рождению заданных, нужных для человека качеств стали.

Человек, не лишенный воображения, может поставить полный высокого творческого накала труд создателей современных сталей рядом с... икебаной, распространенной в Японии искусством составления букетов. С тем вполне понятным отличием, что в металлических «букетах» подбор компонентов неизмеримо сложнее и зависит не от формы и расцветки быстро увядывающих растений, а от свойств разных элементов, которые в определенных сочетаниях могут являть новые, совершенно неведомые человеку качества, придающие новой марке стали неброскую, но необходимую людям красоту долговечности.

Знаю одного слесаря-сборщика. Невозмутимости редкостной. Но и он, услышав об этом «витамине стали», не удержался: «Да это же здорово, ванадий! А на нашем заводе о нем, небось, не каждый инженер знает».

Он прав. Далеко не каждый. И вот почему. Завод работает ритмично, на хорошем счету в главке и даже в министерстве. План по внедрению новой техники в норме, премии обеспечены. И вдруг, как снег на голову, на директора сваливаются какие-то юнцы, Кислицин или Шагалов из УралНИИЧермета, с предложением внедрять ванадиевые стали. Только что не золотые горы суют, ссылаются на «Вагонку» и другие заводы. И нападает на директора бессонница.

Леонид ГАРЯЕВ.
Фото А. ЛЫСЯКОВА.

Товарищ ВАНДАЙ

Заманчиво, конечно, но—возмись—технологический процесс придется хоть в чем-то да изменять, испытания сначала проводить. А попробуй вклиниться с ними в график, и без того жесткий. Нет, уж лучше не рисковать, тем более что ванадий—дело вроде сомнительное: профессор один лет десять назад, помнится, против выступал.

Можно даже добавить: не один, а несколько ученых мужей когда-то доказывали: «Применять для легирования ванадиевый шлак—только грязь в металле вносить». Сейчас, правда, любой из них откажется от своих прежних высказываний: слишком велик противовес.

Государственный комитет Совета Министров СССР по науке и технике рекомендовал восьми министерствам «разработать мероприятия по внедрению ванадиеводержащих сталей с целью увеличения срока службы литьих деталей, снижения металлоемкости машин и механизмов».

Рекомендация не приказ. Давая ее, комитет учил: условия работы предприятий различны, и там, где они позволяют, следует подумать о применении ванадиевых сталей. Ведь преимущества их очевидны.

Однако руководителей некоторых заводов даже явная выгода не привлекала. По старинке работать, что ни говорите, спокойнее. Займут глухую оборону, ощетинятся возражениями—и ни с места.

Таких, как вскоре почувствовали сотрудники группы стального литья, не всегда одолеешь в одиночку. Приходится искать единомышленников в отраслевых НИИ, в министерствах, в трудные минуты идти за советом к директору родного института. Именно он лет десять назад предложил комсомольцам взять шефство над наиболее перспективными направлениями работы института. Должно быть, исходя из своего богатейшего жизненного опыта, рассуждал: на пути этих боевых, полных силы ребят встретится еще немало подводных камней, и учиться опрокидывать или на худой конец обходить их лучше всего

смолуди. А шишкы при этом набывают—так в будущем пригодится.

Вскоре шефство стало одной из главных забот действующего в институте совета молодых ученых, который ныне возглавляет Анатолий Филиппенков, выросший до руководителя группы.

В Волгоградском тракторном объединении уже настроились отливать катки из ванадиевых сталей. Но для легирования требовался шлак, а его нет—не отпускает Нижнетагильский металлургический комбинат. Руководство объединения готово было поступиться новинкой: за план голову снимут, а за ванадий этот самый никто не тронет. Не обзаны ведь формально, да и ответственность есть на кого свалить. Прослышив о таких настроениях, Филиппенков срочно прилетел из Свердловска и сразу—к главному металлургу.

— Давайте подключим к этому делу комсомольские штабы! И вашего объединения и Нижнетагильского. Не можете вы шлак получить—они выбьют.

— А будет ли толк?—усомнился главный.—Еще бы к пионерам за помощью обратились! Тут серьезные люди не договорятся... Барьеры межведомственные...

— Между комсомольцами барьеров нет! Дело государственного значения—всегда найдут общий язык.

Так и вышло. Волгоградский штаб обратился с письмом к Нижнетагильскому. Филиппенков письмо это—в портфель. Три часа—самолетом до Свердловска, четыре—электричкой до Нижнего Тагила. Час—разговор в комитете комсомола, еще два—на то, чтобы вместе с председателем совета молодых специалистов «уломать» главного инженера комбината. Натиск, судя по всему, был таков, что выкроил комбинат из каких-то резервов два вагона ванадиевого шлака, хоть и был он в ту пору уже остродефицитным. Хорошо сработали контакты совета молодых ученых с комсомольскими штабами!

А результат? Стоило предприятиям, используя разработки ученых, перейти на отливку катков и других

деталей из ванадиевой стали, как срок их службы увеличился на тридцать процентов. Годовой экономический эффект только по двум тракторным заводам—Волгоградскому и Павлодарскому—составил три миллиона девятьсот тысяч рублей.

Но не все поддается денежному выражению. Сотни тысяч человек заняты у нас в стране на ремонте тракторов. Как подсчитаешь, сколько их труда помог сберечь ванадий? И сколько хлеба спас? Того, что осыпается в стадную пору из-за простое сельскохозяйственной техники, вызванных поломками.

Молодые сотрудники лаборатории—энтузиасты своего дела, влюбленные в таинственный металл. Негладкой была их дорога к победе и признанию. Но стоило пренебречь довольно высоким постом в другом институте и перейти сюда, в УралНИИЧермет, на должность младшего научного сотрудника, как это сделал в свое время Владимир Кислицин. Или махнуть рукой на высокую заводскую зарплату, как Владимир Шагалов.

И наплевать, если кто-то цедит в адрес Анатолия Филиппенкова: «Одержимый! Фанатик!» Как же, приехал—впервые!—в Ленинград, не пропустил ни одного доклада на конференции и все свободное время провел на Ижорском заводе! Даже по Невскому не прошелся, не говоря уж о музеях. Но все успеется, все потом, а пока прежде всего дело.

Да, жаль, только войдя в рабочую колею, отвлечься от микроскопа, от опытной печи, чтобы сломя голову мчаться на какой-нибудь сталелитейный завод, отстаивать свою точку зрения, спорить, парировать возражения противников, убеждать их в том, что самому давно ясно. Но, с другой стороны, разве не заманчиво увидеть свою работу в действии на другом конце страны, помочь в ее внедрении (кто лучше творца знает свое детище)! и, конечно, чему-то при этом научиться.

Все это воспринимается как продолжение того, главного, что начиналось в тиши институтской лаборатории.

Благодаря напряженнейшей, полной самоотречения работе пришло признание. За годы существования института ни один из его трудов не получал еще «добро» в такой высокой инстанции, как Государственный комитет Совета Министров СССР по науке и технике. Группа пополнилась молодежью, и, наконец, открылась возможность, нет, не передохнуть, а обобщить результаты многолетних исследований. Новых сил прибавил XXV съезд партии, где прямо было сказано: надо создавать новые высокопрочные материалы, чтобы наши машины становились долговечнее и легче, чтобы они бесперебойно могли действовать в различных зонах страны, особенно в районах Крайнего Севера.

Трудно поверить, но лишь немногие, посвятившие свою жизнь чудесному упрочнителю стали, видели ванадий в его натуральном обличье. Только из книг знают: неспроста назван он по имени древнескандинавской богини красоты Ванадис. Это красивый серебристо-серый металл. Но молодые ученые—деловые люди, их привлекают в ванадии не внешние данные, а свойства, которые можно и нужно поставить на службу делу.

Одно из них—высокая химическая активность (чуть не сказал «общительность»): не может быть и речи о том, чтобы найти самородок ванадия. Металл этот «не умеет» оставаться в одиночестве, быстро вступает в реакции, образуя всевозможные соединения. И всюду оказывается необходимым—от сплавов и красящих веществ до организмов морских животных и даже... человека.

Затем—положение ванадия в периодической системе элементов Д. И. Менделеева, среди раскислителей, карбидообразующих и легирующих и поистине драгоценная особенность соединять в себе очень нужные для стали свойства каждой из трех групп элементов.

И, наконец, высокая прочность, которой ванадий, так сказать, охотно делится с окружающими, в интересующем нас случае—с черными металлами, сталью и чугуном. К примеру, сталью массового назначения он придает высокую надежность, находясь в них преимущественно в виде соединений с углеродом и азотом.

Металлурги, как и все, имеющие дело с точными науками, не очень склонны к эмоциональным излияниям. И все же «конструкторы» металла, одушевляя своего любимца, видят в ванадии свойства, напоминающие их собственные: своего рода артельность, способность брать лучшее от других и щедро делиться им с близкими, готовность быть полезным, всегда и во всем помогать более слабым, брать на себя ответственность.

Можно принять шутку молодых металлургов из группы стального литья насчет «отца ванадия», но думаю, что уместнее, как это сделала Лена Голубь, связывать название этого элемента со словом «товарищ». Товарищ Ванадий!

БРОД НЕМЕЦ!

21. Инспектор Станислав Тихонов

Задираха срезал правый угол Петровки и всосалася в поток машин на Садовом кольце. Сплошная железная лава транспорта с фырканьем и грохотом катила вокруг нас. Непрерывно сигналя, Задираха стал уваливаться налево, обжал спереди троллейбус, вынырнул во второй ряд. Повис на хвосте у огромного панелевоза, горбатого, приземисто-длинного, как искупаемый ящер, завяло сцепление на прогазовке, раз! — рывок в сторону, подрезал нос «Жигуленку», выдавил из ряда «Волги», пропустил и мигом обошел справа «маршрутку», пошел, пошел, полный газ! И с воющим воплем сирены ворвался на резервную зону.

Оборотился ко мне и спросил:

— Станислав Палыч, а восемнадцать тысяч долларов — это много?

— Я думаю, что прилично. Таких автобусов, как наш, штук шесть можно купить.

— Ну-у! Не может быть! Чтобы бусы шесть машин стоили? С ума сойти можно!

Рита засмеялась:

— Очень даже может! Так что сходить с ума не стоит...

Задираха на форсаже, с сиреной пролетел Комсомольскую площадь, покачал головой:

— Ну вот скажите, Маргарита Борисовна, вы же еще вполне молодая женщина и очень даже интересная — кому нужны такие бусы? Шесть машин таскать на шее! Полный сикамбриоз!

— Эх, Задираха, Задираха! Во-первых, какой женщине нужно шесть машин сразу! А украшения им подходят в неограниченном количестве.

— Ха! Подходит! Глупость сплошная! Вам такие бусы незачем при вашей яркой внешности. А женщине некрасивой...

— Задираха! Прекратить разговорчики! — скомандовал я. — Что ты мелешь все время!..

Задираха искоса посмотрел на меня в зеркальце, еле заметно усмехнулся. И точно так же заулыбались на заднем сиденье Скуратов и Халецкий.

— Есть прекратить разговорчики! — отрапортовал Задираха. — Только, Станислав Палыч, зря вы сердитесь: мы же от разговорчиков не едем медленней...

— А что толку в твоей гонке? — срываясь на сварливый тон, сказал я. — Ты дожимало, а не водитель! Никак не научишься ездить по оперативному!

Продолжение. Начало в №№ 1—4, 6.

Братья ВАЙНЕРЫ

ПОВЕСТЬ

— Почему это? — обиделся Задираха. — Кроме вас, никто не жалуется!

— Потому что сами ездить не умеют, вот и смотрят, разинув рты, как ты жмешь на всю железку. А если ты микитил бы немного, то поехал бы не по Садовому, а через новый мост по кольцу «В». Вдвое быстрее... Понятно?

— Понятно! Только... — Задираха собрался обстоятельно доказать свою правоту, но я уже отвернулся к Одинцову.

— Ну что, Юрец? Сейчас ты с Юнгарием должен показать класс.

— Постараюсь, — смущается Юра. Со своим румянцем и длинными модными волосами он вообще больше похож на девушку-отличницу, чем на сержанта милиции. — Нервничает он всю неделю...

— А чего? — спросил я.

— Да брата его, Фархада, ранили ножом в субботу...

— А, да-да! — вспомнил всезнающий Задираха. — Это на прошлом моем дежурстве было. Фархад с проводником Костиным задержали грабителей, один из них и ткнул его ножом...

Рита обернулась, с интересом посмотрела на огромного пса.

— И вы думаете, он понимает? — недоверчиво переспросила она Одинцова.

— Конечно, собачки все понимают. Они же в одной вольере живут, когда Фархад не вернулся, Юнгар сразу вой поднял — вот и тоскует...

— Вы о ней как о человеке говорите, — тепло улыбнулась Рита.

— А собачки во всем, как люди, — серьезно сказал Юра Одинцов. Юнгар положил огромную башку ему на колени, сладко зевнул, разинув розовую зубастую пасть. — Юнгар у нас вообще талант, умница, — убежденно повторил кинолог.

Уставший от молчания Задираха подал голос:

— Ты так его расхваливаешь, что не понять, кто из вас умнее!

— Глупо и грубо! — не удержался я.

Одинцов, абсолютно не обижаясь, пожал плечами, степенно сказал:

— На то я и возжусь с ним три года, чтобы он в работе был умнее меня! Дрессировщик все свое должен собачке передать...

— Вот это речь не мальчика, но мужа! — откликнулся Халецкий. — Как говорится, пусть режиссер умрет в актере...

На Лучевой просеке парка Сокольники видна группа людей, милицейский автомобиль и машина с дипломатическим номером. Задираха лихо тормознул, и я хлопнул Одинцова по плечу:

— Ну, давай, Юрец, от тебя с Юнгарием можно сказать, зависит вся дальнейшая политика разрядки...

Милицейский лейтенант, безошибочно опознав во мне старшего, отрапортовал:

— Товарищ капитан, вот эта иностранная гражданка заявляет, что у нее не то похитили в кафе бриллианты, не то расстегнулась цепочка и она их потеряла...

Элегантно одетая женщина средних лет громко и очень быстро говорила по-английски, от возбуждения растрепала ее безупречная прическа с уменьшением седины, все время съезжали на нос модные очки с поляризованными стеклами. А я, «построив» невозмутимое лицо, слушал ее, кивал, поддакивал, пока лощенный молодой человек, наверное, переводчик, безуспешно пытался вставить хоть словцо, чтобы пояснить ситуацию.

Минуты через три я спросил Риту:

— Сердечных капель или, лучше, чего-нибудь успокаивающего нет? Я по-английски ни бум-бум, а она ему еще час не даст сказать...

— Колье было подарено миссис Канингам в день конфирмации, — врезался, наконец, в синхронный перевод лощенный паренек. С акцентом говорит паренек.

Американка, не снижая темпа изложения, вдруг заплакала, лицо у нее мгновенно стало старое, мятое, в красных пятнах.

— Она никогда его не снимала, — объяснил Скуратов. — Это старые бриллианты из Африки...

— ...Колье подарили бабушке миссис Канингам, урожденной Ван ден Гейт, ее женщина лорд Мауктботтен, — включился переводчик. — Лорд Мауктботтен был военно-морским атташе Великобритании в Вашингтоне...

Скуратов, с трудом сдерживая смех, переводит мне:

— Впоследствии их помолвка расстроилась из-за того, что лорд был протестантом, а Ван ден Гейт — убежденными католиками...

— Зря смеешься, — негромко сказал я ему. — Можно сказать, из-за религиозного фанатизма не сложилась жизнь, а мы имеем это головоморочение...

— ...Колье было куплено в свое время в Лондоне, на аукционе в салоне Сотби, — пока что гнал подстрочник переводчик.

— Е-мое! — восхищенно воскликнул Задираха. — Во даёт! Полный сикамбриоз!

Я подмигнул Скуратову, и он решительно перебил американку:

— Джаст э момент! Уан минэт оф...

— Как выглядело колье? — спросил я.

Хау ту бриллиентс лук? — нырнула Скуратов, как в реку, в нескончаемый рассказ миссис Канингам.

И как столб брызг и пены, вопрос вызвал новый поток слез и слов.

— Если я правильно понял, — сказал Скуратов, — это платиновая ветка с бриллиантовыми цветами...

— Где она гуляла в парке? — попытался выяснить я.

Пошли долгие мучительные объяснения. Рита спросила меня:

— А как же Юнгар будет искать металлический предмет?

— У металла есть запах, просто его обычные собаки не улавливают. А Юнгар нам столько гильз, ножей, ключей и монет перетаскал — хватило бы на целый трактор!

Рисунки Геннадия НОВОЖИЛОВА

Одинцов посмотрел на меня, и я сказал:
— Начинай, Юрец!.. Это песня хоть и со словами, но без конца...

Он подвел Юнгара к американке, пес быстро обнюхал ее, женщина в ужасе отшатнулась, но собака уже отошла и вопросительно смотрела на кинолога.

— Юнгар! Собачка! — ласково, но твердо попросил Одинцов. — Нам этот след нужен! Понял? След!.. И неожиданно резко, властно, громко скомандовал:

— Металл! Юнгар, металл! Ищи! Ищи!

И служебный пес пошел. Он размотал на всю длину лонжу и за это время набрал скорость, а Одинцов тонул с места плавно и быстро, без рывка, и в следующее мгновение они превратились в единое целое — человек и зверь, они мчались легко и быстро, в них не было никакого напряжения, казалось, что земля сама отталкивает их ноги для следующего стремительного прыжка. Они летели ровно и неутомимо, и окружающее для них сейчас не существовало, они целиком в азарте поиска.

— Красиво как! — сказала Рита, глядя на растворяющиеся в сумерках их силуэты.

— Да-а, они оба молоды, сильны и добры, — задумчиво сказал Халецкий. — Как первые существа на земле, они не знают усталости, и это так прекрасно!

Я присел на пенек, закурил и, глядя на Скуратова, который бойко разговаривал с американкой, заметил Рите:

— Служебные собаки живут гораздо более интересной жизнью, чем их домашние собратья... Но они платят дорогой ценой за это...

И снова из гущающейся темноты близко от нас появился Одинцов с Юнгарам. Юра уже спустил собаку с поводка, и она работала «рядом»: членочно прочесывала газоны, кустарник, мелкий подлесок. Здоровенный полукруг, стянутый тетивой асфальтовой дорожки. Одинцов подошел ближе, и наперевес ему с тихим скрежетом стремился Юнгар, в пасти у него что-то блестящее, и вид счастливый — победительный. Кинолог схватил поноску — это анодированная дешевая пурпурница. Юра бросил ее демонстративно на землю:

— Юнгар, фу! Не то... Не то, Юнгар... Ищи металл, собачка! Металл!..

И новый рывок, в темноту, в море сырых осенних запахов. Следом срывается Одинцов, и они сразу же исчезают среди черных облетевших стволов, серых теней, начинающегося вялого дождя, и только слышно их сильное дыхание, тяжелый топот сапог Одинцова, шелест падых листьев, хруст сучьев, слабо угадывается настороженная волчья рысь Юнгара.

— Ты сказал, что ваши собаки дорого платят... — напомнила Рита.

— Они живут нашей жизнью — волнуются, огорчаются, радуются и сверх меры нервничают, они часто пугаются и по команде хозяина преодолевают свой испуг, некоторых ранят, иногда убивают. А те, что доживают до пенсии, скоро умирают. Все розыскные собаки живут вдвое меньше обычных очарок...

Рита недоверчиво посмотрела на меня:

— А это не профессиональная легенда?

— Нет, Рита, это правда. Нам всем выпадает слишком много страстей человеческих — на две жизни...

Издали слышен тонкий собачий вой, и из темноты, прорезанной фарами машин, появился скачу-

щий, приплясывающий Юнгар. Все невольно подались к нему, и почти тотчас же из туманного сумрака возник бегущий, чуть-чуть запыхавшийся Юра Одинцов. Он разжал кулак — в руке ярко блестела, переливалась платиновая ветка с бриллиантами на разорванной цепочке.

По дороге на Петровку Рита спросила Одинцова:
— Простите, Юра, сколько вам лет?
— Двадцать два. Мы с Юнгаром ровесники — ему в этом месяце четыре будет...

... — должен был пять дней назад вернуться из отпуска — и нет его. Мы беспокоимся...
— А кто говорит?
— Соседи.
— Хорошо, мы запросим место отдыха. Адрес?...

Телефонный разговор

22. Александр Задирака

Впереди нас неспешно телепался хлебный фургон и своим необыкновенным серым задом загораживал проезжую часть. Я дал прогазовку, выключил сцепление — коротко взвизгнул выжимной подшипник, перешел на третью скорость — и выкатил на левую сторону. Навстречу ехали машины — длинный поток. Дернул я пару раз поводок сирены: пусть фургон помнит про левый габарит, не шарахается с перепугу из стороны в сторону — и с ревом пролез в узенькую щель. А дальше уже погнал по свободной трассе.

В панорамное зеркальце было видно, как задремавший Юнгар встрепанно поднял свою лохматую башку и дыбком вздел уши.

Юра Одинцов недовольно сказал:

— Ну, что ты завываешь? Собачку только зря волнуешь...

Вот еще тюлень на мою голову.

Я ему ответил со значением — по-товарищески доступно, но в то же время как старший. По жизненному опыту. Да и по званию:

— Сирена, она, брат, не только для уличного движения.

— А зачем же еще? — удивился Юрка.

— Чтобы жулики помнили — вот она, милиция, рядом...

Врачика посмотрела на меня с уважением, а Тихонов, конечно, усмехнулся. Пускай усмехается! Обращаясь к Юрке, я сказал поучительно, а Тихонов пускай как хочет понимает — это к нему тоже относится:

— Милиционер на службе или в свободное время всегда должен быть, как говорится, при пакете. Готовность номер один! И внешний вид у него должен соответствовать — он представитель власти, а какое, например, к тебе доверие могут испытывать граждане, когда ты ходишь в своем пиджачке и кепаре! Если ты не рядовой гражданин, а старший сержант, на тебе форма снять должна, чтобы за километр тебя видели, кто ты такой есть! И поскольку ты страж общественного порядка...

Тихонов захохотал — по-моему, довольно неуместно.

— Задирака, я знал только одного стража общественного порядка, который относился к делу более рьяно, чем ты!

Конечно, пакость какую-нибудь придумал.

— Да-а? — сказал я осторожно.

— Да! Его звали унтер Пришибеев.

Халецкий и Скуратов засмеялись, а врача покачала головой.

— Что же вы такого пришибеевского во мне нашли? — спросил я с усмешкой, очень мне не хотелось виду показывать, что я завелся. Вообще-то много на себя берет...

— Очень ты свое положение особое среди людей ценишь... — сказал Тихонов.

— А почему мне его не ценить, интересно знать?

— Действительно, — усмехнулся Тихонов и показал рукой за окно машины. — Ведь они просто рядовые граждане и едут не в желтой машине с сиреной, а в троллейбусе, на них нет сияющей формы, и занимаются они в общем-то пустяками — строят дома, пекут хлеб, учат детей, лечат больных... Где им до нас, верно?

И говоря все это, смотрел, но почему-то не на меня, а на Скуратова. Я все-таки ответил:

— А мы им обеспечиваем покой и безопасность!

— Правильно. И делать это надо скромно и по возможности незаметно. Не надо запрягать телегу впереди лошади...

Не поймешь его. Семь пятниц на неделе. Вот и сейчас — лицо такое, будто я его обидел, а не он меня.

Затрещала рация, и в салоне возник голос Севергина, будто он ждал, пока мы доспорим:

— Сетунь! Сетунь! Я Байкал! — Он помолчал немного и негромко, как всегда без нажима, без начальнического металла, не то приказал, не то предложил, не то попросил: — Тихонов, в восемнадцатом отделении, вам по пути, случай неясный: один троих избил. Заскочите, разберитесь...

— Я Сетунь! — крикнул Тихонов. — Вас понял. Сделаю...

«Дежурная часть Главного управления внутренних дел... направляет на места происшествий подвижные служебные наряды с целью пресечения правонарушений и раскрытия преступлений по горячим следам...»

Инструкция

23. Следователь капитан Скуратов

У нас получается забавный разговор, двухэтажный. Задирака беседует с Одинцовыми, адресуясь к Тихонову, а Тихонов отвечает Задираке, имея в виду меня. Вот тут, дорогой коллега, у вас имеет место ошибочка. Я не Задирака, спорить я с вами не стану. От этого уволте — мы уже свои тысячу часов отспорили, хватит. Разговор не имеет смысла, потому что ты, друг мой Тихонов, ломаешь в открытую дверь — ты прав во всем: в посылках, рассуждениях, может быть, даже в выводах. Вот только выводы меня не устраивают — именно в этом закавыка.

Мне очень нравится Григорий Иванович Севергин — добрый, неглупый, милый человек. Но я не хочу через двадцать лет сидеть на его месте. Я не хочу быть следователем по особо важным делам, начальником следствия — я не хочу носить так привлекающую Задираку форму, я не хочу потратить свою жизнь на борьбу с преступностью.

Мой друг Тихонов не имеет ни малейших претензий к соседу своему Паршину, к врачу поликлиники Коломинской, к дворнику Захару Антоновичу из-за того, что они не потратили свою жизнь на борьбу с преступностью. Но когда вопрос касается меня, в нем с дикой силой вспыхивают все наши корпоративные предрассудки и он смотрит на меня как на дезертира, перебежчика, почти предателя!

Я вовсе не считаю, что Тихонов не прав. Вообще я

убежден, что первый атрибут интеллигентности — терпимость. И я готов признать правоту Тихонова. Для него самого. Но для себя? Простите! За шесть лет я по горло накушался переперченной, пересоленной, прокисшей каши... Теперь — без меня!

И хочется-то мне совсем малого — закончить адъюнктуру, защитить, по возможности с блеском, диссертацию и найти себе работу, на которой собеседники разговаривают сидя. Оба сидя. А не такую, где старший по званию сидит, а младший стоит. По-моему, вполне скромное и почтенное пожелание. Я-то уверен, что нельзя порицать человека за то, что, планируя свою старость, он хочет, чтобы его называли «уважаемый профессор», а не «товарищ генерал». И эти соображения, которыми я, естественно, с Тихоновым не делился, он все равно угадывает и, угадывая, очень не одобряет, еще и по причинам человеческой ограниченности, именуемой в обиходе скромностью. Про себя, не обнародуя, можешь думать и планировать свое будущее как угодно, сколько угодно — в генеральских лампасах, на профессорской кафедре, в лауреатских медалях. Но упаси бог вслух объявить об этих планах — это, видите ли, «нескромно»! А я считаю, что человек, мечтающий отслужить свой век и податься на отдых капитаном или старшим лаборантом, не просто кретин: его вообще нельзя допускать до этого поприща, ибо он может ненароком занять — хоть на полчаса — место более достойного претендента...

Тихонов пропустил меня вперед, мы прошли за барьер к дежурному, который заканчивал рапорт.

— Доложите, в чем дело, — сказал я ему.

— Да вот, бойцы нашлись, в центре города руководящую учинили...

Тупые, неинтеллигентные лица, несет перегаром, все они вывалины в грязи. Крепкие парни, не занятые ничем мозги. Видимо, им надо занять чем-то руки. Тихонов присел к столу, вытянул длинные ноги, закурил и с видимым интересом спросил:

— Как бились, добры молодцы, двое на двое?

Все четверо разом вскочили с лавки, загадали и так же разом по команде дежурного вернулись на место.

— Сидеть! Отвечайте на вопросы по очереди! Вот ты, молодой человек, расскажи, как отличился...

Он обратился к худощавому парню с острым, злым лицом, меньше всех пострадавшему в драке — у него только куртка была порвана. Коричневая синтетическая куртка на рыбьем меху — эрзац дубленки. А остальные медленно заплывали багрово-синими фингалами — под глазами, под скулой, с распухшим ухом и треснувшей красно-грызной губой. И как это ни странно, трое с разбитыми рожками именно из-за синяков, ссадин и выволоченности в грязи выглядели как-то особенно устрашающе.

А худощавый парень молчал. На его длинной, жилистой шее прыгал кадык, большой, костистый, как коровий мосол. Он судорожно-всхлипывающе вдыхал воздух, будто собирался нам сказать нечто такое, чего мы в жизни не слыхали.

— Сколько выпили? — спросил я его.

— Да я трезвый! — сиплым, петушиным голосом выкрикнул он и посмотрел на меня с ненавистью. Известная песня.

— Это вопрос второй, — кивнул я. — Меня интересует, сколько выпили.

— Тогда я не буду говорить! — сказал парень с вызовом и отвернулся. А Тихонов негромко засмеялся и развел руками — мол, принципы надо уважать!

Я спросил остальных:

— Ну, а вы тоже трезвые?

Верзила пробурчал:

— Приняли мы, конечно, маленько. Так ведь тихо, мирно. Что, нельзя, что ли? Мы же отдохнуть культурно, может, хотели. — И повторил: — Что, нельзя, что ли?

— Нельзя, — отрезал я. — Если вы после этого деретесь на улице, то нельзя!

— Так мы и не дрались, он, гад, сам к нам привязался, — гундосит второй.

— Ну, естественно, не дрались, — замечает дежурный. — В библиотеке заседали. Вон два свидетеля рассказывают, как вы все четверо культурно отдалихали...

Сбоку сидят женщина и старик, похожий на дворника. У женщины на лице написано огромное желание поскорее вступить в разговор, все раскрыть правосудию — как что было, кто виноват, кого следует наказать. С этими бабками-свидетельницами — ух, морока! Но дежурный и сам их извивался на своем долгом веку и, как опытный дирижер, в последний миг коротким жестом успевал остановить ее: «Вас еще попросят!»

Действительно, глупость какая — почему же им было не пойти в библиотеку? Или в кино? Или с девчонками на танцы? В театр? В гости? Почему

надо было надрываться как скотам и драться около кинотеатра «Уран»?

— Ну, хватит жеманиться, красны девицы! Давай рассказывай, как было дело, — велел я одному из избитых, тому, что поможе.

— Да как, как, — начал он плаксиво. — Шли мы, как говорится, спокойненько после работы, про меж себя разговариваем, никого не трогаем. Этот — навстречу. Колька ему говорит: «Дай прикури-ть, друг...»

— А он мне папиросой в рыло! — с визгом орет Колька, лопух с разбитой губой. — Воня, след остался! И нагло мне так еще смеется, пасть щерит — что, мол, словил свой кайф?.. Он, гад, думал, я один...

Тихонов взял со стола рапорт дежурного, бегло просмотрел, спросил у худощавого:

— Что, Овечкин, правду они говорят?

Овечкин быстро и зло зыркнул на них:

— Брут! Все врут они, шпана подзaborная!

— Ну, конечно, они шпана, — заметил я. — А ты Эйштейн. Что дальше происходило?

Колька, шепеляво шлепая губой, которая все больше походила на велосипедную шину, сбивчиво повествовал:

— ...Тут я, конечно, его оттолкнул, а он ка-ак развернется! Ка-ак даст! Ребята подбежали, а он, паскуда, и их стал месить приемами. Навтыкал нам, а тут граждане набежали, милиция на машине...

— Дал, значит, прикури? — серьезно спросил Тихонов, продолжая просматривать документы и вещи, которые отобрали у задержанных.

— Он мне всю челюсть своротил! — со слезой сказал верзила.

Я спросил у женщины-свидетельницы:

— А вы с самого начала драку видели?

— А как же! Разумеется! — Я только сейчас разглядел, что в руках у нее не муфта, а крошечный угольно-черный шпиль. — Мы гуляли с Тсей вечером, вышли из Деева переулка, тут я и вижу, как этот юноша, — она показала на Овечкина, — вдруг размахнулся и ударил рукой по лицу одного из этих молодых людей. Тот закричал что-то, я не поняла, подбежали два других, или, может быть, они уже стояли рядом, я не придала тогда этому значения, и снова юноша их как-то очень беспощадно ударил, раз-раз, может быть, чем-то... не знаю, чем... и они повалились, тогда первый из них снова встал и сказал что-то, и снова его свалил юноша...

— Спасибо, вы нам очень помогли, — остановил я ее. И тут Овечкин шагнул к ней и свистящим шепотом спросил:

— Что же вы такое говорите, гражданская? Вы же меня в тюрьму сажаете!

— Сядь на место! — оборвал его дежурный, а свидетельница, испуганно отодвигаясь в угол, застормотала: «Что видела, то и говорю! Ишь, какой дерзкий!..»

А дворник был в полу值得一.

— Да, да, да... Дрались они все... Ну, и понятное дело, матерились... все... Кто ж их разберет, кто к кому пристал?.. Не наше это дело... Мое дело — в свисток посвистеть — милиция разберет... А вы тут все люди грамотные, образованные, властью назначенные, вы все по справедливости и разберете... Одно тощий этот здорово их отдал... Злой, видать, парнишка, в драке — умелец...

Тихонов спросил у Овечкина:

— А вы, юноша, откуда и куда путь держали?

— Я тоже из Деева переулка вышел, дом семь, со страйки. Монтажник я, — ответил он тихо.

— Монта-а-ажник! — протянул дежурный. — Финку носит. Под пиджаком была...

— Ах, так даже! — сказал я. — Что же, придется оформлять.

— Где финка-то? — спросил Тихонов у дежурного. — Покажите, я ведь тоже любопытный.

Дежурный кивнул на сверток: в носовой платок утянуты ключи, документы, тощий бумажник, ледериновый футляр с финкой — тоненький анодированный ножиком с пластмассовой ручкой.

— Ваша? — поинтересовался Тихонов.

— Моя, — упрямо кивнул парень.

— А зачем же вам финка? — спрашивает Тихонов.

И тут выдержки у парня не хватило, он отбросил свой непристойный вид и дрожащим голосом сказал:

— Да разве вы не видите... товарищ?.. Какая это финка? Это же сувенир, книжки разрезать, мне девушки подарила...

Я подошел к Тихонову, отозвал его в сторону и негромко сказал:

— Это действительно никакая не финка. Просто дежурный, наверное, не слышал о существовании ножей для бумаги...

— Да, — кивнул механически Тихонов.

— Но это не имеет значения. Я не знаю, чего непонятного усмотрел в этом случае Севергин, — дело ясное, как репа. Чистая «хулиганка», двести шестьдесят, часть вторая. Их надо отправить в КПЗ, а дело возбудят завтра райотдел...

Тихонов поднял на меня взгляд, и когда мы стояли вот так в упор — глаз в глаз, — я понял, как он сильно стал меня не любить. Но это в общем-то его дело. Видит бог, я к нему по-прежнему отношусь хорошо.

— Это не чистая «хулиганка», — сказал медленно Тихонов. — И не все тут ясно, как репа.

— Что же тебе неясно? — спросил я терпеливо.

— Мне неясно, как они могли просить прикурить у Овечкина, когда он не курит. — Он ткнул пальцем в протокол, потом отвернулся от меня, вышел из-за барьера, уселся на стул против всей четверки, и как бы не их разбитые физиономии, не милицейский казенный интерьер, можно было бы подумать, что встретилась компания старых знакомых на бульваре, присели ненадолго, чтобы спокойно обсудить итоги футбольного чемпионата или новые тарифные расценки на строительно-монтажные работы. Черт его знает, может быть, он прав — может быть, ему и надо заниматься только этим делом?..

— Итак, уважаемые уличные бойцы, вы совместно учинили нарушение общественного порядка, проще говоря, хулиганство. Вам это понятно?

— Понятно... понятно-понятно... — вразнобой ответили бойцы.

— Мы имеем пять в общем-то согласованных показаний против одного о том, что некий Овечкин пристал на улице к троим и жестоко избил их. Правильно я излагаю?

— Правильно, — загудели трое, и дворник закивал.

— Существуют два пути дальнейшего развития ваших отношений. Первое — уголовное следствие и суд. Второе — вы просите друг у друга прощения, миритесь и подвергаетесь штрафу в административном порядке. Все ясно?

— Ясно... Ясно... Ясно...

— Какие будут суждения? — спросил Тихонов безразличным тоном.

— Да какие же суждения?.. Товарищ начальник!.. Да ладно уж... Кто старое помянет... Ну, дураки были... Учтем... Мы ничего к нему не имеем... Черт с ним... Можно не посыпать штраф на работу?.. Мы больше никогда...

И весь этот слитный умирающий гомон вдруг прорезал резкий петушиный выкрик:

— Я не хочу!.. И прощения... у этой шпанды... просить... не буду! И мириться... с ними... не желаю!

Овечкин стоял синюю-бледный, будто его окунули в ведро с цинковыми белилами, лицо окаменело, и только огромный кадык на худой шее прыгал резко — вверх-вниз, вверх-вниз. И мне на какой-то один-единственный миг показалось, что он похож на Тихонова. Впрочем, наверное, мне изменила объективность. А избитые замолкли на миг, потом враз забормотали, загудели, завизжали:

— Вон он какой! Гад! Сначала хулиганы! А теперь! Еще выпендриваются! Он сам, паскуда, напал, а теперь...

— Цыц! — хлопнул в ладоши Тихонов, и шум мгновенно смолк. — Овечкин, ты понимаешь, что против тебя пять показаний, ни одного — за?

Не раздумывая, Овечкин рванулся вперед:

— Пускай! Есть на свете справедливость! Вы если не можете, кто-нибудь другой разберется, все поймет! Нельзя мне с этой шантрапой мириться, они трусы и склоняются, втроем на одного... Им дай только возможность, как крысы зажрут насмерть...

Тихонов посмотрел на него еще раз внимательно, и, словно потеряв к нему интерес, отвернулся к остальным:

— Ну, что будем делать?

— Товарищ начальник!.. Вы же сами видите... Какой гусь... Мы ему простить хотели...

— Ладно! — махнул рукой Тихонов. — Вы мне скажите, как вы сюда попали, — и дело с концом.

И я понял, что он добивается. Терпеливо, не спеша, будто и не ждет его суточное дежурство по городу, Тихонов начал строить защитительную позицию этого тощего держкого Овечкина.

Помятый верзила, немного воодушевившись сочувствием Тихонова, начал первый:

— Мы как закончили работу, так вместе вышли, пройтись хотели...

— А где же вы работаете? — простовато спрашивал Тихонов.

— В металлоремонте, в мастерской на улице Обуха, ну и пошли по бульварам...

— А выпивали-то где?

— В магазине угловом, у Покровки...

— Это в первый раз, — уверенно заметил Тихонов. — А добавляли где?

Немного помявшись, верзила со смешком ответил:

— Да мы помаленьку, красненького... В кафе, в «Золотой рыбке»...

— Прекрасно. А вначале беленького попробовали, так ведь?

— Ну да! Так ведь и говорить там нечего — бутылку на троих. — Он протягивал к Тихонову руки,

будто приглашая его понять и оценить — подумалось, делов, бутылка на троих!

У него были грязные толстые руки. Глупые, трясущиеся руки пьяницы.

А Тихонов понял и оценил. Рассмеялся добродушно:

— Действительно, говорить нечего — по сто шестьдесят граммов на душу населения. Пустяки! Вот только, может, не стоило на Кировской «Солнцедар» добавлять? — спросил он с тяжелым вздохом, и вздох его был исполнен грусти и сочувствия.

— Только две штуки, маленьких, поллитровочных, — сказал растерянно верзила, потрясенный все-ведением Тихонова, — ему ведь в голову не приходило, что можно по служебной нужде знать назубок алкогольическую топографию и не пользоваться этим огромным и полезным знанием.

— В распивочную-автомат на Сретенке заглянули? А-а? — получуши выяснил подробности Тихонов. Верзила удрученно кивал.

Тихонов встал, вернулся снова за барьер дежурного, снял телефонную трубку:

— Алло, двадцать четвертое? Привет, Капустин, это Тихонов. Уличного хулиганства у вас не было? Прекрасно, ты на всякий случай по своей территории во все опорные пункты звонки, потом сообщишь в восемнадцатое... Да, я здесь пока.

У оживившихся было парней выгинулись лица. А Тихонов снова набрал номер.

— Алло, шестьдесят первое? Здравствуй, Рожков, это Тихонов из МУРа... У вас хулиганства не было? Ах, так... Интересно. Сколько? Ага... Так-так-так... Ты их быстренько в машину и сюда, восемнадцатое... А я тебе за это дам еще одно «раскрытие» в статистику... Давай-давай, привет...

Тихонов посмотрел на пьяниц, усмехнулся, поклонился — мол, работа такая, скрупулезности требует. И снова набрал номер:

— Шестьдесят шестое? Васягин, привет, это Тихонов из МУРа... У тебя на территории не было драк, безобразий, хулиганства?.. За последние два-три часа... В столовой? А где буфетчица? Объяснение оставила?.. Значит, ты пошли за неё мотоциклиста, пусть он ее быстренько подбросит в восемнадцатое, я здесь... Да, по твоему описанию вроде похожи... Ну, а она сама нам и скажет... Если ошиблись — извинимся... Бывай, друже...

И наступила в дежурке тишина. Тихонов, насытившись, ходил из угла в угол, дежурный переводил взгляд с одного драчuna на другого и хмыкал неодобрительно. Овечкин напряженно глазел в дверь, и от ожидания справедливости, которую здесь на его глазах медленно сотворял Тихонов, его сотрясала мелкая дрожь, а его спарринг-搭档еры трезвили на глазах, переталивались на лавке, о чем-то шептались, свидетельница, заинтересованная происходящим, обдумывала, наверное, какие ей теперь надо будет давать показания, старик дворник окончательно сморился в тепле и сонно выдувал руланды носом. Задирая сидел у двери на стуле и чуть съязвил напевал: «Провинился друг и повинился, ты ему греха не поминай...»

А Рита стояла у окна, сложив по-мужски руки на груди, и внимательно смотрела на Тихонова, и в глазах у нее плавало огромное удивление: ах, как изменился, как далеко ускакал лопоухий мальчишка, с которым они не то учились, не то дружили, не то любили когда-то, да на много лет разбежались, пока не встретились на сугочном дежурстве по городу, и оказалось, что лопоухий мальчишка поставлен держать на плечах атлантов груз — справедливость в таком большом и неуемном городе. И труд этот не тягостен ему, и в голову не приходит, что одному человеку эта ноша не под силу. Но он, к счастью, в отличие от меня этого не знает.

Распахнулась дверь, и вслед за милицейским сержантом в дежурку вошли немолодые люди — мужчина и женщина, оба с испуганными, бесконтактными лицами, как символ своей беспомощности и обиженнности мужчина держал в руках разбитые очки в толстой оправе.

— Из 61-го, потерпевшие, товарищ старший лейтенант!.. — начал докладывать милиционер дежурному и рапорта еще не закончил, когда женщина прикурила придушенно:

— Охи! Вот эти трои! — и обессиленно заплакала.

Мужчина дрожащими руками пытался приладить очки, но у него ничего не получалось, и он слепо поводил глазами по дежурке, пытаясь что-то разглядеть и сориентироваться.

— Эти мерзавцы приставали на бульваре к девушке, и мой муж сделал им замечание. Тогда они сбили с него очки и пинали его ногами! У него минус восемь, он без очков слеп, а они хохотали и играли в футбол его шапкой...

— Ай, босата, ай, пьянчики! — сокрушенno кивал головой дежурный. — Сами хлеба не стоят, а еще вино пьют...

Тихонов сказал ему:

— Сейчас привезут буфетчицу из столовой в Ананьевском переулке — это все по их маршруту.

Там они тоже набезобразничали, выбили витрину. И вот только около «Урана» решили помериться силами с Овечкиным. Втроем с одним, да, видать, ту номер не прошел.

И повернулся к нам:

— Поехали, они теперь тут сами разберутся.

Овечкин достал из кармана газету, с независимым видом стал ее разворачивать...

«...Из Печатникова переулка, от дома 14, угана автомашину «Волга» зеленого цвета, номер 32—21 МКА, принадлежащая Центральному театру кукол».

Сводка.

24. Рита Ушакова

Оперативный зал, привычный гул голосов, ровный фокот телефонных переговоров. Севергин заканчивает передачу:

— Разговор окончен. До свидания, товарищи дежурные. Прошу выполнить. О результатах доложивать мне или заместителю начальника главного управления генералу Пащковскому. Отбой.

И сразу же снова звонок.

— Севергин слушает. Наши, товарищи генерал. Оформили на месте акт выдачи и вручили ей на месте колье. Почему не докладывал? А Тихонов вот заканчивает рапорт для сводки, тогда и доложить собрался. Да нет, память у меня пока хорошая. С плохой памятью я бы тут долго не надежулся. Я еще помню, как вы у меня в смене оперативником сидели... Как не может быть? Может... Двадцать три года назад, вы в отделе полковника Тыльнера начинали... Конечно... Ну, и слава богу... Обязательно сделаем... Всего доброго...

Севергин положил трубку и сказал мне:

— Замминистра. Дипломатические тонкости. Государственный подход. — И добавил, будто оправдывая его: — Ох, лихой был опер! В пятьдесят восьмом году он бандита Круглова задавил. Тот с женщинами оригинально знакомился — на сотне свой телефон напишет, оторвет половину купюры и даст. Вторая, мал, половина — при личной встрече. Вот на этой слабости он в конце концов Круглова и спомял...

Обернулся к Микито:

— Ну, что? Ничего нового насчет мальчишки, забытого в такси?

— Нет, ничего не сообщали пока. Крикнуть по городу, что ли?

— Давай...

Ровный гул голосов, над которым поднимается резкий басовитый говор Микито:

— У меня потерялся мальчик, Юра Бойцов, пять лет, одет в голубую куртку на белом искусственном меху. Длинная светлая челочка, зеленые глаза, на левой щеке родимое пятнышко размером с копейку...

С другого пульта слышан Дубровский:

— Запомните, лейтенант Карпенко, — это стыдно! Как же вы можете работать, не зная своей территории с закрытыми глазами? Я ставлю на контроль, докладывайте каждые пятнадцать минут...

И раздался еще звонок, Севергин снял трубку:

— Дежурный по городу Севергин. Да, да, подождите, девушка, не плачьте, я вас плохо понимаю. Постарайтесь успокоиться. Где именно? Измайлово? Минуточку, не кладите трубку. — Севергин щелкает тумблерами на пульте: — Дежурный Первомайского района, дежурные сто двадцать шестого, семьдесят третьего и пятьдесят четвертого отделений милиции — прямая связь со мной! Радиоцентр — все патрульные машины из тридцать четвертого, тридцать пятого, тридцать седьмого, тридцать девятого квадратов — движение в направлении Измайлова парка! Пятьдесят минут назад в парке совершило изнасилование, потерпевшая звонит из автомата с Измайлова проспекта, срочно вышли к ней наряд! В пятьдесят четвертое отделение выезжает опергруппа, связь через меня...

Мгновенная суета сборов, все устремляются к выходу, и, пока не захлопнулась дверь, я еще слышу сипловатый голос Севергина:

— Девушка, как выглядите? Красная нейлоновая куртка, в джинсах... Все патрульные машины и мотоэхсредства — в оперативную зону... По типовому плану «Облава» наряды милиции рассредоточены по периметру парка... Включить в наряды всех служебных собак... Приметы преступников будут сейчас сообщены... Девушка, вспоминайте, не торопясь, только точнее: как выглядели преступники... Радиоцентр, обеспечьте чистоту эфира... Передаю... Двое мужчин, двадцати — двадцати пяти лет, один высокий, другой среднего роста...

С визгом, ревом проходит повороты оперативная машина. Задирая к ножкам, дергает поводок сирены. Тихонов негромко говорит ему в затылок:

— Через Разгуляй, мимо Елоховской. Давай, Алик, быстрее! Давай, от души!..

Закусив губу, Задирая пулей проносится по пустеющим улицам, бормочет себе под нос:

— Ну-у, паскуд! Врете, не уйдете! Поплачетесь еще, свиньи противные!

В радио звучит голос Севергина:

— Преступники одеты: высокий — в темный плащ, второй — в серую короткую куртку, у высокого — пышные светлые усы...

Прыгают перед глазами витрины, дома, деревья. Чернота спящих окон. Пустота в сердце. Желтый свет у подъезда отделения милиции.

Тихонов и Скуратов разговаривают с потерпевшей. Куртка на ней изорвана, джинсы в грязи, всклокочены волосы, на лице большой синяк. А сама она — маленькая, вся изломанная, убитая. Я стояла чуть в стороне, и смотреть на девушку мне было больно и страшно. И — как гром небесный — пронзительный картонный радиоголос над головой:

— Двести семнадцатый вызывает дежурного по городу! Я — старшина Логинов, командир экипажа патрульной — 217. Сейчас мной задержаны под угроей применения огнестрельного оружия двое мужчин, перепрыгнувших через ограду Измайлова парка в район Нижнепервомайской улицы. Соответствуют приметам переданной ориентировки. Следую в пятьдесят четвертое отделение милиции...

Девушка подняла взгляд на меня, она вся еще в опечалении, она и плакать не может, ступорная окаменелость безраздельно владеет ею. Хрипло сказала:

— Господи, как же мне жить-то дальше?..

Я обняла ее за плечи:

— Успокойся, маленькая, успокойся. Все пройдет...

Девушка подняла на меня глаза, и они мгновенно наполнились слезами:

— Пройде-ет... Как я отсюда выйду? Что дома? Что Володе скажу? Посмотрите на меня...

Распахнулась дверь, и в дежурку ввалились два парня в сопровождении милиционеров. Тишина и неподвижность охватили всех на несколько мгновений. Девушка встала и неверным, лунатическим шагом пошла навстречу парням, остановилась около высокого, смотрела на него долгим, ненавидящим взглядом и с вскриком-всхлипом: «Будь ты проклят!» — плакнула ему в лицо.

Медленно едет Задирая. Некуда спешить. Все смотрят по сторонам. Тихонов ласково обнимает меня за плечи.

— Не плачь...

— Я не плачу. Я думаю.

— И что?

— Сколько зла, сколько ужаса еще в жизни! Как это все можно вынести?.. Каждый день такое видеть... Вы и сами должны на весь мир обозлиться...

— Нет, Рита, нет, — гладит мою руку Стас. — Ты впервые столкнулась с этим, и тебе показалось, что зло заволакивает весь мир... А мир прекрасен...

— Да? Ты пойди и скажи этой девушке и ее Володе. Они тебя сразу поймут... И наверняка поверят...

Стас медленно, задумчиво ответил:

— Рита, я не рашу хлеб, не учу детей, не лечу людей. Поэтому моя жизнь и уходит на то, чтобы такого в жизни случалось все меньше и меньше...

— Но ведь случается все равно! Ты же видишь — случается!

— Да, случается. Но в Москве каждый день триста человек празднуют новоселье, полтысячи правят свадьбы, рождаются семьсот новых человечков. И нас туда никогда не зовут. Не нужны мы на юбилеях, защите диссертаций, на торжественных встречах. Взгляни, сколько окон светится — миллион! И там везде люди. А зовут они нас, только когда у них случается беда...

— Ну и что?

— А то, что мы чернорабочие человеческой беды. Люди ведь очень медленно меняются к лучшему, и еще долго-долго они будут причинять друг другу боль и страдания, и до тех пор, пока есть еще боль и насилие, мы будем очень людям нужны. И если поймешь это всем сердцем, тогда и озлобиться на мир, которому ты еще так сильно нужен, не сможешь...

«Ответы в разговорах по телефону сотрудников службы «02» и дежурной части должны быть краткими, четкими, вежливыми, тактичными. Надо помнить о том, что эти службы — первая необходимая помощь народу...»

Приказ ministra внутренних дел СССР

Продолжение следует.

ЯН ВЛАДИН,
специальный корреспондент
«Смены».
Фото подполковника
Валерия СУХОДОЛЬСКОГО
и автора.

С 6 по 10 февраля этого года в районе Минск—Орша—Полоцк было проведено учение войск Белорусского военного округа под условным названием «Березина». Войска, участвующие в нем, показали высокую боевую выучку; цели, поставленные перед учением, достигнуты. Свои успехи воины-комсомольцы посвятили 60-летию Советской Армии и Военно-Морского Флота и предстоящему XVIII съезду ВЛКСМ.

Мы предлагаем вниманию читателей рассказ об одном из эпизодов «Березины».

РУБЕЖ ТИМОШЕНКО

Ночью, на вторые сутки наступления, гвардейский мотострелковый полк подполковника В. Борискина с придаными ему средствами поддержки сосредоточился на опушке леса и приготовился к атаке. Подразделениям был передан приказ: замаскироваться, огней не зажигать, громко не переговариваться, от машин личному составу не отлучаться. Словом, принять все меры к тому, чтобы разведка «южных» не обнаружила полк до момента его выхода на исходные позиции.

К исходу вчерашнего дня «южным» удалось закрыть брешь в своей обороне на участке прорыва, остановить продвижение «северных» и кое-где даже контратаковать их передовые части. В течение ночи «северные» подтянули резервы и перегруппировали силы, приготовившись к решительному штурму обороны «противника». Полк В. Борискина должен был сыграть роль бронированного кулака, наносящего удар первым. Справа, слева и сзади от мотострелков замерли в ожидании рассвета еще подразделения, части и их техника. Вся эта стальная лавина, именовавшаяся армией «северных», управляемая одной волей и подчиненная одному замыслу, готова была обрушиться на противостоящие им силы «южных».

Разделение на «северных» и «южных» было, конечно же, условным. Но так уж повелось на военных учениях—обозначать противоборствующие стороны, и «Березина» в этом смысле не была исключением. На той и на другой стороне воины и командиры сражались с одинаковым мастерством и мужеством, и главная цель учений была не победа какой-то из них, а отработка взаимодействия различных родов войск.

Однажды мотострелковое подразделение «северных», преследуя отходящие части условного противника, вошло в одну из деревень, всего час назад проводившую танковую роту «южных». Вполне понятно, что для жителей деревни не существовало ни обороняющихся, ни наступающих, а были просто «сынки», «воины», «хлопцы родные», которых не отпускали до тех пор, пока не напоят молоком или не накормят знаменитыми белорусскими драниками с салом. Не было человека в деревне, который бы не вышел в те минуты на улицу и не сказал воинам доброе слово, а то и просто постоял рядом с ними, улыбаясь и дивясь на их могучую боевую технику.

Здесь, в Белоруссии, вообще свое, особое отношение к людям в военной форме—теплое, ласковое, трепетное. Наверное, это потому, что белорусская земля, как никакая другая, была изранена войной и щедро полита кровью отцов наших. И память о пережитом еще очень сильна в людях, выстрадавших три военных года и видевших своими глазами, какой дорогой ценой платили за победу советские солдаты.

ДЕЛЕГАТ XVIII СЪЕЗДА ВЛКСМ
ГВАРДИИ СЕРЖАНТ ВЛАДИМИР
ТИМОШЕНКО.

ОТ ПОКОЛЕНИЯ К ПОКОЛЕНИЮ.

ЛАВИНА.

НА ОГНЕВОЙ ПОЗИЦИИ.

Да и как можно им забыть войну, если до нее в той самой деревне было сорок шесть дворов, а после нее осталось двадцать два. Если только восемь мужчин вернулись с войны домой живыми, а тридцать с лишним остались навечно под Москвой и Бобруйском, Минском и Витебском, Сталинградом, Львовом и Берлином.

Не скоро забудешь и послевоенное лихолетье, голодное и трудное, когда сами впрягались в плуги и борону, а на трудодень получали по сто граммов немолотой ржи. А ведь судьба этой деревни — это судьба еще сотен деревень, поселков и городов Белоруссии.

Война до сих пор осталась в этой земле и напоминает о себе. Мы каждый день проезжали и проходили мимо изогнутых линий противотанковых рвов и старых окопов, а кто-то из нас цеплялся ногами за проржавевшую колючую проволоку. Бывало и так, что имитационный взрыв порой выбрасывал наверх старый винтовочный затвор или россыпь пулеметных гильз. Мы видели гранитные плиты братских могил со звездами над первой в списке фамилией. Но куда бы ни направлялись роты и батальоны «южных» и «северных», они останавливались возле этих плит и отда-

вали им воинскую честь. Довелось прикоснуться к войне и мне.

Той самой ночью я разыскал полк Борискина на опушке леса и спросил у командира разрешение находиться в этот день с одним из подразделений. Меня направили в мотострелковую роту гвардии капитана Михаила Губина. Провалившись по колено в снегу, я пошел вдоль опушки к просеке, где расположилась рота. Было темно, и то и дело я едва не натыкался на машины, которые благодаря своему камуфляжусливались с зараженными деревьями. Подходя к просеке, я зацепился рукавом куртки, как мне тогда показалось, за острый склон.

На поваленном бревне сидели несколько человек в белых масках и тихо разговаривали. Мы поздоровались. Оказалось, что это ребята из роты Губина. Я сел в стороне, чтобы не мешать их беседе, решив просто послушать, ничего у них не выспрашивая сам.

Через минуту-другую парень, сидевший от меня неподалеку, продолжил рассказ, прерванный моим появлением.

— В общем, рассказывая о войне, отец в детали не очень вдавался. И не то чтобы он не любил о ней говорить,

а вроде бы стеснялся, скромничал. Так, вспомнил время от времени о каком-то Федоре или Николае, с которыми вместе воевал, или вдруг подойдет к карте Белоруссии, ткнет пальцем в какую-то точку, вздохнет и скажет: «Вот ведь как — городок с песчинку, а сколько там наших ребят полегло». Даже то, что он некоторое время в разведке воевал, я узнал не от него. Приехал к нему однажды его фронтовой товарищ, а отца дома не было, на работе задержался. «Сын?» — спрашивал он меня и достает из кармана фотографию. «Это, — говорит, — вместо пропуска, а то еще не поверишь, что я твоего батю знаю». Смотрю на фотографию — стоит он с моим отцом в обнимку и оба улыбаются чему-то. Вид у них самый гвардейский — пилотки на бровь, сапоги гармошкой, на груди автоматы. Только на снимке им, как нам сейчас, лет по двадцать. «Одна из последних, — объясняет мне отцовский товарищ, — под Берлином снимались, как раз с разведки вернулись, переоделись и снялись на память». Потом мы с отцом ему наш Брест показывали,

— не встань на его пути заслон, чью жизнь оборвал бы этот кусок железа. И вот уже тридцать с лишним лет живет он в деревне, уродуя его ствол страшной смертельной памятью.

Наш разговор прервал связной.

— Тимошенко, к командиру взвода. Парень, который рассказывал об отце, встал и, оправив масхалат, пошел к машине взводного.

Так я познакомился с Владимиром Тимошенко, командиром отличного мотострелкового отделения, секретарем ротной комсомольской организации, избранным накануне учений делегатом на XVIII съезд ВЛКСМ. Познакомился я и с его ребятами, гвардейским экипажем боевой машины — механиком-водителем Александром Черниковым, Александром Федоровым, стрелком Полатом Алиевым, водителем-оператором Игорем Прохоровым и другими. А познакомившись, я решил не расставаться с ними и пройти вместе с отделением этот бой от начала и до конца.

Если полк Борискина был бронированым кулаком атакующих, то рота Губина явилась его острием и должна

была при поддержке танков ворваться на позиции «южных» первой.

...Обработав передний край обороны «южных», авиация и артиллерия перенесли огонь в ее глубину. Все это время мы, прижавшись друг к другу плечами, ощущали, как дрожит земля от артиллерийской канонады. Над нашими головами взвивались огненные стрелы реактивных снарядов, уходивших туда, где оранжевыми дымами обозначалась линия обороны «южных». Низко над лесом пронесились боевые вертолеты, расстреливая ракетами невидимые нам цели; откуда-то из-за наших спин тяжело ухали самоходные артиллерийские установки.

Наконец, сигнал для нас — три красные ракеты. И сразу же лес взревел сотнями моторов. Это был короткий, пожалуй, самый короткий бросок за день, всего два-три километра: слишком близко были первые траншеи «южных». И никто — ни Тимошенко, ни Черников, ни Прохоров — не проронил ни одного слова за те несколько минут, что мы, взлетая на пригорках, неслись по заснеженному бесконечному полю. Наверное, слишком многое было у нас впереди, и надо было просто собраться, сжаться, пригнуться к предстоящему.

лохо ему было, как никогда.

Он даже не ожидал, что так ему будет плохо.

Третий день лил дождь, мощные струи низвергались с крыши вокзала под ноги пассажирам, которые спешили куда-то даже в такую непогоду, а Сережка стоял под вокзальной крышей, уткнувшись носом в воротник, и тоскливыми глазами наблюдал за толпой.

Два дня назад Сережка со всего маху грохнул дверью: «Ненавижу я вас, ненавижу!» — это отцу с матерью. И скатился по лестнице вниз.

Потом он шлялся по улицам Москвы, две ночи провел на вокзалах — одну на Казанском, другую вот на этом, на Курском, и сегодня утром решил: деваться некуда, надо ехать в Петрухино, авось, бабка приютит на первое время, а там видно будет.

Бабка у Сережки была человеком.

Впрочем, Сережка знал ее плохо, не любил ездить в Петрухино, надеялся на вечные нотации отца с матерью, как только они оказывались в дороге или приезжали уже в Петрухино. «Вот с кого бери пример, с бабушки! Бабушка у тебя человек, колхоз на себе держала всю войну, а вы, сопляки...» — любил повторять отец. Говорят они с матерью мастера, а вот платок бабке в подарок захватить или еще какую мелочь — на это соображения у них не хватало. Сережка всегда зло сопел, когда отец начинал обычное свое: «Бабка у тебя человек...»

Сережка и сам догадывался, что если и есть хорошие и честные люди, они должны быть похожими на бабушку: говорят они немного, все больше молчат или прислушиваются. Но сам он всегда

— Так я ж вас не знаю. И вы меня тоже.

— Сейчас познакомимся. — Двое парней встали, подошли к Сережке. — Вы гребай валюту. Ну!

— Да вы что, мужики? — Сережка и сам не знал, как у него вырвалось это «мужики», откуда.

Один «мужик» взял его за левую руку, второй заломил за спину правую.

— Смотри, не трепыхайся... — К Сережке подошел третий, спокойно обшарил карманы, вытащил три трешки и два рубля, переложил себе в фуфайку. — И ни гу-гу чтобы... понял?

Это были последние деньги, которые остались у Сережки от стипендии, он на них рассчитывал протянуть хоть первое время...

Все было так до обидного просто и оскорбительно, что Сережка даже не сопротивлялся. Он никогда не умел и не испытывал такого желания — драться, а сейчас к тому же был просто раздавлен этой спокойной и обходительной наглостью.

— Струсил? — спросил его один из трех, усмехнувшись.

Сережка только слегкнул слону и ничего не ответил. Не смог.

— Ну, топай... — И тот, который говорил с ним, больно захватил его шею цепкими пальцами и изо всех сил пихнул вперед.

Сережка потерял равновесие, поскользнулся и плюхнулся лицом в грязь. Даже почувствовал во рту вкус земли...

...Началось все с непонятных телефонных звонков.

— Здравствуйте. Можно Сергея Захорошко?

— Ну, я Сергей Захорошко.

подъездам отираться, а там, может, уже и папирошки в ходу, да и вино тоже...

В общем, когда еще пару раз позвонили: Сережку, мол, надо, — Алексей Петрович так отбил желающих дружить, что у тех сразу охота разговаривать пропала. Друзей они ищут! Один дурак дал объявление, так сразу тыща дураков откликнулась. Ну и ну...

К вечеру, когда Сережка вернулся из училища, Алексей Петрович выпил стопочку-другую, на душе у него немного помягчело, он уже не злился на сына, а простодушно подтрунивал над ним, говорил как бы намеками, усмехался:

— Друзей, парень, надо знать, каких искать...

— Никого я не ищу, — буркнул Сережка, сразу догадавшись, что опять звонили «по объявлению». — И одни проживу.

— А-а, раз так говоришь, значит, обижен. Обижен? Точно! А на кого ты обидался? Нет, ты скажи своему отцу, на кого ты обидался? Ты мне прямо скажи, почему косишься на нас, а? То-то, не знаешь.

— Ладно, я пошел спать.

— Судью из себя корчит... А ума хватило дать объявление: ищу друга! А?

— Никаких объявлений я не давал.

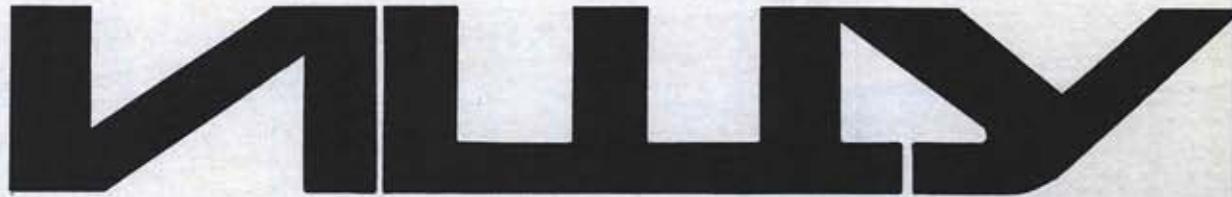
— А чего звонят?

— Дураки звонят.

— Вот это правильно. Значит, не давал? Ну, и то молодец. А я уж испугался: неужто Сережка у меня такой дурак?..

Звонили неделю. Звонили вторую. Желающих дружить с никому не известным Сергеем Захорошко не убавлялось, наоборот, прибавлялось. Звонили

Георгий БАЖЕНОВ

стеснялся бабушки: почему-то ему казалось, что она не совсем доверяет ему, словно знает, что есть в нем какая-то червоточинка. У него вообще было ощущение, что бабушка не очень-то верит в искренность родственников. И он на ее месте тоже бы не очень верил: приезжают, когда летом отдохнуть хотят у леса да у речки, а уехали, так и забыли на весь год...

Как-то она встретит его сегодня?

До Петрухина езды 130 километров, и те несколько часов, которые Сережка провел в дороге, он просидел, забившись в угол, уныло глядя за окно. Дождь лил не переставая, и Сережка не столько смотрел, сколько думал обрывочко о своей жизни, которая казалась ему такой глупой и неинтересной, что даже выть хотелось от обиды. Он не был романтиком, и никогда его не тянуло на подвиги, чтобы летать, например, на космических кораблях или блуждать по тайге с мечтой о великих открытиях. Нет, он был обыкновенный мальчишка, и ему хотелось нечто-то там исключительное делать или чего-то выдающегося достигать. Ему хотелось правды. Искренности. Человечности. Дружбы. Но больше всего — правды и дружбы.

Но всегда его переспрашивали: какой правды? Какую правду ты имеешь в виду? Это же просто глупое твое детское резонерство...

Объяснять он умел плохо, вернее совсем не умел, и поэтому всегда оказывался в смешном положении, и хотя смеха не боялся, реагировал на него спокойно, все же глубоко в душе переживал оттого, что его никто не понимает, ни единой душой!

Когда Сережка вышел из вагона, был уже поздний вечер, с тополей сыпались капли затихающего дождя, а над небольшой петрухинской церквиушкой проклонулся ободок луны. Пешком до Петрухина нужно было идти километр три по размокшей дороге, и Сережка решил хоть немного подождать — может, кто на лошади или на «газике» в Петрухино отправится. Подбросят.

На станции было безлюдно и тоскливо. Даже кассирша закрыла окошки кассы объявлением: «Я дома». Сережка пошатался по перрону туда-сюда, а что толку? Никого. Решил топать пешком.

Свернула за станцию, обогнула ремонтные мастерские и около продмага вышла на дорогу в Петрухино. На крыльце магазина сидели трое. Сережка даже обрадовался, когда увидел их, — люди все же живые, но тут один из них крикнул:

— Эй, парень, выпить хочешь?

— Я не пью, — простодушно сказал Сережка.

— Та-ак... — протянул парень удивленно или даже чуть обиженно. — Ну, тогда дай в долг. Есть деньги?

— Меня зовут Ира. Я прочитала объявление, что вы ищете друга...

— Что?! — поразился Сережка. — Объявление? Да я никакого объявления не давал! — И тут же Сережка догадливо сообразил: — Наташка, это ты, что ли? Ну, ты даешь, Морковка...

— Да нет, меня зовут Ира. Ведь это ваш телефон? — И она прочитала Сережкин телефон. — Видите, все сходится. А в объявлении написано, что вы ищете друга...

— Слушай, как тебя там, если ты от Морковки работаешь, то пошла ты к черту! — И Сережка бросил трубку.

В тот же день раздался еще один звонок.

— Я прочитала, что вы ищете друга. Вы знаете, мой сын тоже страдает от отсутствия друзей. Ему пятнадцать, отличник учебы, а у вас, кстати, как дела с учебой? Моему сыну нужны порядочные друзья...

— Вот и пусть ищет маменькиных сыновиков! — И Сережка снова со злостью швырнул трубку.

На другой день, когда Сережка был в училище, трубку поднял его отец, Алексей Петрович. Долго не мог взять в толк, о чем вообще говорят на другом конце провода. «Закусывать надо, когда пьете!» — И оборвал разговор. Но на этом звонки не закончились. Через час позвонили еще раз. А потом еще. «Идиот», — шептал о сыне Алексей Петрович. Он и правда поверил, что Сережка, видно, рехнулся и daß объявление, что ищет друга. Друга он ищет! Ну, я тебе покажу друга...

У отца с сыном были странные отношения. Алексей Петрович часто ловил себя на ощущении, что Сережка как будто все время судит его со стороны. Судит отца, сопляк! И не только этому, но и многому другому, более неуволимому, непонятному в сыне раздражался отец. Не понимал Алексей Петрович своего сына, что-то в нем было скрытое, настороженное, иногда даже угрюмое, а иногда просто злое. На каждое слово отца или матери реагировал протестующе, будто стараясь показать, что нет в нем ни капли уважения к родителям. А почему, спрашивается? Да потому, что ходят молодые нынче почти все длинноволосые, песни только орать горазды, а вот чтобы уважение к старшим было... Сережка, правда, не такой был, как все, хоть немного, но присматривал за собой, да это и понятно — Наташка у него появилась, Морковкой он ее называл: щеки во — краснющие. Но не в этом дело. Дело в принципе. Чего он так косится на родителей? Что ему родители плохого сделали? Пятидесять лет кормят, учат, воспитывают, а чего еще надо? Квартира есть, деньги есть, вечером смотри себе телевизор — так нет, тянет их все куда-то шляться, по

молодые и взрослые, мужчины и женщины, очень часто звонили девушки, но ответ для всех был один, хотя и в разных тональностях: никаких объявлений никто не давал, это просто злая шутка. Прекратите наконец звонить.

Однажды Сережка, веря и не веря в реальность такого объявления, неподалеку от рынка, на большой широкой доске сам увидел напечатанное на машинке:

ИЩУ ДРУГА!

Буду рад звонку человека,

ищущего настоящего друга.

Звонить в любое время.

Сергей ЗАХОРОШКО

И чуть ниже четко написан собственный его телефон.

Самое странное, когда Сережка прочитал это, ему показалось, будто он действительно давал такое объявление, хотя, конечно, ничего подобного он никогда не писал. И он очень удивился теперь своему ощущению. Ведь это была правда, сколько он жил, столько и мечтал о настоящей дружбе, о друге, которому можно довериться во всем, рассказать все, что думаешь, о чем мечтаешь, поделиться самым сокровенным, самым наболевшим. Это объявление как будто подслушало его мысли и мечты, но еще более удивительным было то, что под объявлением стояла именно его фамилия. Теперь он твердо знал: это проделки Наташки Семиной...

...Он и в училище пошел из-за Наташки, она тогда все посмеивалась над ним. Когда учились в школе, старались почаще быть вместе: и в походах, и в музеях, и в кино. После восьмого класса она надумала поступать в кулинарное училище. Сначала Сережка обиделся — даже не сказала ему об этом, а потом решил про себя: раз она в кулинарное, значит, и я тоже. Он плохо представлял, что это за училище такое и чем он там будет заниматься, но не это главное, решил он. Главное — они будут вместе. Когда он сказал Наташке о своем решении, она с удивлением взглянула на него, а потом рассмеялась:

— Сережка, да ты что? Тебе-то зачем туда?

— Мало ли... — буркнул он — Тоже хочу учиться.

— Ты меня удиви-и-и-и... — почти пропела она. — Если бы я была мальчишкой... ну, я бы на летчика пошла учиться. Или на инженера. А то кулинар... — Наташка раскраснелась, как настоящая морковка.

— Ничего ты не понимаешь, — нахмурился Сережка.

— Просто ты какой-то несамостоятельный. Мне и

Лена так говорит,—вспомнила Наташка слова старшей своей сестры.

— Много она понимает... Подумаешь, сидит и на машинке строчит, тоже мне, самостоятельность. А что такое дружба, она слыхала?

— Дружба, дружба, заладил... Скажи уж, что жить без меня не можешь. Куда я, туда и ты...

— Я—без тебя?!—задохнулся Сережка.—Да мне ничего от тебя не надо! Понятно тебе? Ничего! Мне просто друг нужен! Друг!

— Ну, вон иди на улицу и кричи: мне нужен друг, мне нужен друг! А еще лучше объявление дай!

— Эх ты, Морковка! Ничего ты не понимаешь...—Сережка с досадой махнул на нее рукой.

А в училище он все-таки поступил.

И вот уже месяц—бесконечные звонки...

Однажды, когда Сережка вернулся из училища, мать встретила его с загадочным лицом:

— К тебе тут пришли.—И кивнула на дверь.—Опять это твое объявление...

В комнате навстречу Сережке поднялся молодой парень, улыбнулся:

— Даю знакомиться, что ли.—И протянул руку:—Сергей Карпов, твой тезка, кстати. Инструктор райкома комсомола.

— Сергей Захорошко, — совсем потерялся Сережка.

— Да ты не бойся,—улыбнулся Карпов.—Я по делу к тебе. Прочитал я тут совершенно случайно твое объявление, ну, и заинтересовался...

— Да не давал я никаких объявлений!

— Знаю, знаю, Мария Ивановна мне уже рассказала, что это кто-то подшутил над тобой. Но дело ведь не в том, кто давал объявление. Ты подумай

— Странное какое-то дела творятся,—весело сказал молоденький лейтенант,—вроде бы я участковый, а вот не знал, что вашему сыну друг требуется. Недосмотр с моей стороны...

— Ой, да что вы,—заулыбалась Мария Ивановна,—это все детские глупости...

— Я всегда говорю: если что кому нужно, приходи к лейтенанту Желтову,—продолжал весело участковый.—А то, можно сказать, последним на участке узнаю, что Сергей Захорошко повесил объявление: срочно требуется человеческая помощь...

— Да не давал я никаких объявлений,—пробурчал Сережка.

— А ты помолчи, когда товарищ лейтенант говорит,—напустилась на сына Мария Ивановна.—Вы его не слушайте, я сама вам все объясню. Тут путаница получилась. Не он это написал, а другие. Подшутили над ним решили, посмеяться, ну, а нам теперь отдуваться, день и ночь звонят, дурачье, не поймешь, то ли всерьез, то ли насмехаются, мы уже сами хотели в милицию идти, жаловаться, ведь замучили звонками, совсем замучили...

— Так,—почти разочарованно проговорил лейтенант.—Значит, не давал никакого объявления? Ну, если ты не давал, тогда, может, знаешь, кто давал?

— С чего это вы взяли? Ничего я не знаю.

— Ты смотри, не юли перед товарищем лейтенантом,—вступил в разговор отец.—Тебя прямо спрашиваешь—ты прямо и отвечай.

— Вот они, нынешние дети, и это с нами так, со своими родителями...—пожаловалась Мария Ивановна.—Уж, кажется, чего только не делаешь для них, целый день на работе крутишься как белка в колесе, а им все что-то не так...

— Во-во.—поддержал ее отец.—Мать медсестрой

Мария Ивановна стояла белая как мел, а отец наливался жуткой до синевы краснотой и не то что сказал, а прохрипел:

— Ты у меня получишь за свою грубость, сопляк!

— Что, правда глаза колет, да? Так и скажи! Вы только разглагольствовать мастера: учись, учись! А ты сам-то за последние пять лет много книг прочитал? Чего тогда ко мне лезешь?

— Это мы-то, родители, к тебе лезем? Да мы тебя...

— Да не боюсь я вас! Никого не боюсь! Надоели мне ваши нравоучения! Все надоело! Понятно?!

Сережка грохнул дверью и выбежал из квартиры.

Он бродил по улицам Москвы, как во сне, не понимая, кто прав, кто виноват. Он только чувствовал, что ему очень плохо. Всю жизнь он мечтал о том, чтобы все было по правде, по справедливости, а получалось... Даже друга в жизни не нашел, даже рассказать некому, что творится у тебя в душе. Родители—они и не друзья и не враги, язык не поворачивается быть с ними откровенным...

Как же быть?

Полил дождь, он шел день, и два, и три, а Сережка все болтался по улицам, почевал на вокзалах, а потом, когда уже совсем стало невмоготу, вспомнил о бабушке, о Петрухине и решил, что это сейчас единственное спасение...

Сережка медленно поднялся с земли, выплевывая изо рта грязь, чувствуя, как от обиды сами собой наворачиваются на глаза слезы. Ну, что он сделал этим трем парням?

А их уже не было, и Сережка медленно побрел по дороге, по грязи, в Петрухино.

Он понимал, что все, что случилось с ним за

сам: «Ищу друга»—это может стать темой для серьезного разговора комсомольцев о жизни, о дружбе, о преданности, о честности. Ведь так?

— Да не писал я ничего,—бороздил свое Сережка.

— Ну, хорошо, не писал,—сказал Карпов.—Я верю тебе. Ну, а если бы и написал? Что здесь плохого? Что плохого в том, что кто-то мечтает иметь настоящего друга? Вот надо о чем подумать. И поэтому я пришел к тебе с предложением. Давай в твоем училище организуем диспут на эту тему, а?

— Пожалуйста, организуйте. Мне-то что?

— Да нет, Сергей. Я хочу, чтобы ты был моим союзником. Ты пойми: если ты настоящий человек, тебе же не может быть безразличным этот вопрос? Ведь все в юности мечтают о друге. Так?

— И что? Я-то тут при чем?

— Ну, чего ты все в сторону да в сторону?.. Я же тебе дельную вещь предлагаю: давай используем это объявление для хорошего дела. Пусть ребята поговорят о дружбе, о товариществе. Скажешь, тебе самому неинтересно узнать, что думает каждый об этом? Почему, например, Герцен всю жизнь дружил с Огаревым, писатель Золя—с художником Мане, Павка Корчагин—с Жуковским, а сейчас... Сегодня у тебя один товарищ, завтра другой...

— Да у нас тоже может быть такая дружба. Только надо...

— Что?

— А-а...—махнул рукой Сережка.—Я и сам не знаю...

— Ну, не знаешь...—не поверил Карпов.—Просто думать не хочешь.

— Почему не хочу? Я все время об этом думаю.

— Видал—думаешь. Ну вот и помоги мне. Организуем у вас в училище диспут, а твое объявление будет для затравки.

— Чтоб меня ребята на смех подняли?

— А мы скажем им: ты не писал, это подшутили над тобой, и сами спросим ребят: «А может вообще появиться такое объявление?» Интересный ведь может разговор получиться. А главное, искренний.

— Да я не знаю...

— Давай так: завтра я приду к вам в комитет комсомола, и мы все решим. По рукам?—И Карпов протянул на прощание руку.—Ты как учишься-то?

— Да среднее,—вяло протянул Сережка.

— Не горюй. Вот придумаем с тобой какое-нибудь стоящее дело, сразу друзья появятся. Да и «пятерки» тоже.—И с этим Карпов вышел.

В тот же вечер, когда дома были и отец, к ним пожаловал еще один неожиданный гость. Сережка заметил—мать с отцом даже испугались, увидев в дверях участкового милиционера.

в больнице четверть века за людьми ходит, я тоже не первый год на автобазе работаю, а если точней—двадцать девять лет как один год отбаращивал, одних грамот у нас с матерью не перечесть, а для них это как будто ничего не значит...

— Ты сам-то учишься или работаешь?—спросил лейтенант у Сережки.

— Учусь.

— А где учишься-то?

— Ой, и не говорите,—поспешно махнула рукой Мария Ивановна.—В кулинарное училище поступил, балбес этакий. Мне, говорит, нравится—и все!

— Ну, а что? Тоже профессия хорошая,—сказал лейтенант, даже удивив Сережку.—Главное, чтобы человеком порядочным стал, вот что главное.

— Вот это вы в точку попали,—поддержал его отец.

— А вообще-то я вот чего зашел,—как бы между прочим обронил лейтенант.—Думаю, а вдруг парню в самом деле какая помощь нужна? Я бы мог помочь... Ну, хотя бы в кружок самбо при эже записаться. Там ребята толковые занимаются, быстро найдешь себе настоящих друзей...

— Мудро говорите,—заметил отец.

— Ну, а ты чего молчишь?—спросил у Сережки участковый.

Сережка поднял на него глаза, вроде бы тот искренне говорил, от души, но как-то язык не повернулся сказать что-нибудь иное, кроме хмурого:

— Не надо мне ничего. Говорю же вам...

— Ну, смотри. Подумай...—сказал на прощание лейтенант.

Милиционер ушел, и в комнате повисло долгое молчание.

— Доступался,—сказал наконец отец.—Доигралась, докривлялась—милиция вами уже заинтересовалась, шпаной.

— Кто это шпаны? Кто?

— Друзья твои, вот кто. Насолил им чем-нибудь, вот они тебе и сделали... подарочек.

— Может, и сделали. Это мое дело. Мое, понятно?

— Ты на отца голос не повышишь. Ишь ты! От горшка два вершка... Лучше бы учился как следует. Мало нам того, что в кулинарное поступил, людям стыдно сказать, так еще и учишься...

— Стыдно им! А вы-то сами институты окончили, что ли?

— Это еще что за разговор?

— А то... Ты же все время сам стучишь себе в грудь: «Я рабочий, я рабочий»,—да и мама обыкновенная медсестра, так чего же выстыдитесь? Хочу в кулинарном учиться—и буду! И вас не спрошу!

последнее время, должно очень сильно изменить его жизнь, но какая это будет жизнь, он представить не мог. Все кругом было пусто и неопределенно. Кто бы знал, что еще совсем недавно вся душа его была полна надежды. Он оставил школу и поступил в кулинарное училище не потому, что дурак, как об этом твердят отец с матерью, а потому, что туда же пошла учиться Наташка. А она-то и оказалась дура, наверняка это она попросила свою сестру Ленку напечатать дурацкое объявление... И что теперь?

Он остался один и уныло брел сейчас в Петрухино, к бабушке, которая, конечно же, не ждет его. И вдруг Сережке в голову пришла странная мысль: ведь вот есть на белом свете хороший человек—бабушка, а ни он, ни его родители, никто вообще толком не помнит, что есть в Петрухине близкий и родной человек—бабушка, никому из них неинтересно, что она думает, что чувствует, чем живет, как будто ее давным-давно нет уже в живых...

Как же так?

И почему он, Сережка, столько думающий о своем странном одиночестве среди стольких людей, окружающих его, никогда не задумывался о судьбе бабушки всерьез? Почему?

Ведь она и вправду всю войну была председателем колхоза в Петрухине, награждена орденом Ленина, вообще она сильная и добрая, много повидала в жизни, многое пережила, а ей и в голову никогда не приходило расспросить ее о жизни поподробней.

Дождь начинал снова накрапывать, все сильней и сильней, и вскоре это был уже настоящий ливень, и Сережка в который раз промок до нитки.

И тут Сережка неожиданно остановился посреди дороги, пораженный пришедшей в голову мыслью: как же так, вот он чувствует себя совсем одиноким, сбежал из города к бабушке, а вдруг среди тех, кто звонил ему, с кем свело его помимо воли уличное объявление, как раз и нашелся бы настоящий друг—на всю жизнь?

Вдруг он сам прозевал что-то?

И неужели ничего уже нельзя изменить?!

ОТ РЕДАКЦИИ. Очевидно, история, рассказанная автором очерка, могла произойти в любом городе или поселке. Кто станет другом Сергея—настоящий человек с добрым, отзывчивым сердцем или кто-то из его сверстников, проводящих время в подворотне и состоящих на учете в детской комнате милиции? Приглашаем читателей к разговору о дружбе и товариществе, о тех проблемах, которые встают за судьбой Сережки—героя только что прочитанного очерка.

ТРУДНОЕ СЧАСТЬЕ

Дорогая редакция! Недавно я прочитала книгу «Гоген в Полинезии»; прочитала дважды, чтобы понять творчество Гогена, но так и не разобралась, в чем ценность и красота его картин.

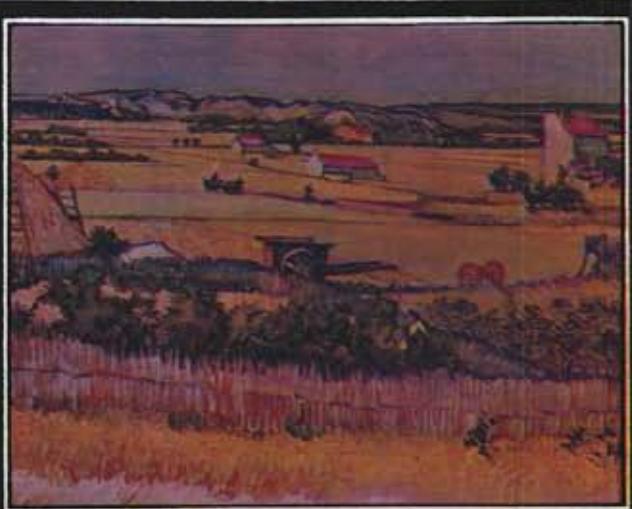
Древние греки создали скульптуры своих богов, они прекрасны, и этого никто не будет отрицать. У меня есть альбом, где показана скульптура Фивейского «Сильнее смерти»; я не нахожу слов, чтобы сказать, насколько она прекрасна. Да нет, это не то слово. Когда я первый раз ее увидела, у меня мурашки побежали, такое сильное впечатление она произвела. В ней все: мужество, духовная сила, непокоренность, вера в свою правоту. Вот

еще репродукция — с картины Пророкова «Герои не умирают». Она говорит об одном: мы и мертвые не покорены, мы и мертвые шагаем по земле. А «Полесовщик» Крамского, бородач в сером кэжуэне, он полон духовной красоты. Есть у меня книга о немецкой художнице Кэтте Кольвиц.

Скульптуры Кольвиц мне не нравятся, но я их понимаю. А Гогена я не понимаю, и он мне не

ИВАН КРАМСКОЙ. «ПОЛЕСОВЩИК».

ВАН ГОГ. «ЖАТВА В ПРОВАНСЕ».

нравится, ни как художник, ни как человек. Герои его картин не соответствуют натуре. И природу не разберешь, какая она — тропиков или других каких-то мест. Зачем эти полуголые люди, выдуманные идолы? Ноги у его героев как кочережки, а для чего собака написана розовым цветом? Объясните, пожалуйста, в чем талант Гогена, что он хотел выразить своими картинами, почему его ценят?

С уважением к вам Н. Любогощанская,
г. Куйбышев

Уважаемая Н. Любогощанская! Редакция попросила меня ответить на ваше письмо, и я охотно делаю это: радостно, когда человек интересуется искусством. Но разбираетесь вы в нем еще недостаточно, да и сами знаете это — иначе зачем бы обращаться за разъяснениями?

Вы называете произведения живописи, которые если не всегда близки вам, то доступны («Мне они не нравятся, но я их понимаю», — пишете вы): «Полесовщик» Крамского, литографии и скульптуры Кольвиц, «Сильнее смерти» Фивейского, «Герои не умирают» Пророкова. Это действительно замечательные произведения. Сурово, строго смотрят на зрителя полесовщик — от его взгляда не спрячешься, он непримирим, непреклонен... Бесконечная нежность и нескрушимая сила в объятиях матери, прижимающей к себе детей, — она сбережет их от беды, защитит от гибели. «Семена, предназначенные для посева, не должны быть перемолоты», — повторяла Кольвиц. И перед лицом смерти не сдаются воины Великой Отечественной, кажется, что они действительно сильнее ее: они умирают стоя, презирая врага. Идут в сражение солдаты, и рядом с ними, перед ними, — Зоя: погибшие за Родину и после смерти вдохновляют оставшихся в живых.

Некоторые из этих работ выстраданы жизнью художников. К теме матери, защищающей детей и мир, Кэтте Кольвиц обратилась, потеряв на первой мировой войне сына. Борис Пророков воевал, вернулся с фронта инвалидом, рисовал, подчас с трудом удерживая в руках карандаш. Видимо, вас убеждают эмоциональная взволнованность, сила публицистического чувства и социальность мышления художников. Ведь не только эти — все названные вами произведения скожи по целеустремленности, настроению, манере исполнения, даже по сюжетам и образам. О Великой Отечественной войне говорят произведения Фивейского и Пророкова. Обличению войны и социальной несправедливости посвящены литографии и скульптуры Кольвиц. Не станет мириться с обидами и несправедливостью и полесовщик — недаром этот портрет порой называют «Мужик с дубиной». «Из таких людей в трудные минуты набирают свои шайки Стеньки Разины, Пугачевы», — писал Крамской. Да и по времени эти произведения недалеко отстоят друг от друга. Мать,

Ольга ВОРОНОВА

ПОЗНАНЬЯ

изображенная Кольвиц, по возрасту могла бы быть матерью героев Фивейского и Пророкова, полесовщиков — их дедом.

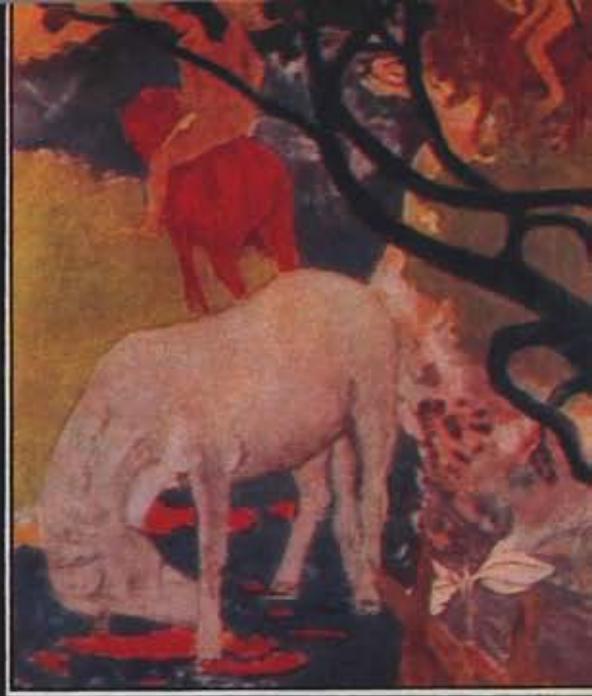
Сказать, что полотна Гогена отличаются тем, что рассказывают не о Европе, а об Океании,— значит слишком упростить вопрос. И тем не менее начинать надо именно с этого. Гоген уехал на Таити в 1891 году. Это было его второе путешествие. Первое, на Антильские острова, относится к 1885 году.

Через 63 дня плавания перед художником открылось чудо. Не забывайте, что в те времена не было ни кинофильмов, ни телевизоров, еженедельно

стями и косметикой, надеясь взять их в загробный мир. Об аскетических героях средневековья, не признававших никакой красоты, кроме духовной, воспринимавших жизнь как нелегкое нравственное испытание. О придворных карликах в золотом шитье, о скоморохах с бубенчиками, о рыцарях в металлических доспехах, о детях в парчовых, с

ПОЛЬ ГОГЕН. «БЕЛАЯ ЛОШАДЬ».

ПОЛЬ ГОГЕН. «ЗДРАВСТВУЙТЕ, ГОСПОДИН ГОГЕН».

ПОЛЬ СЕЗАНН. «ПЕРСИКИ И ГРУШИ».

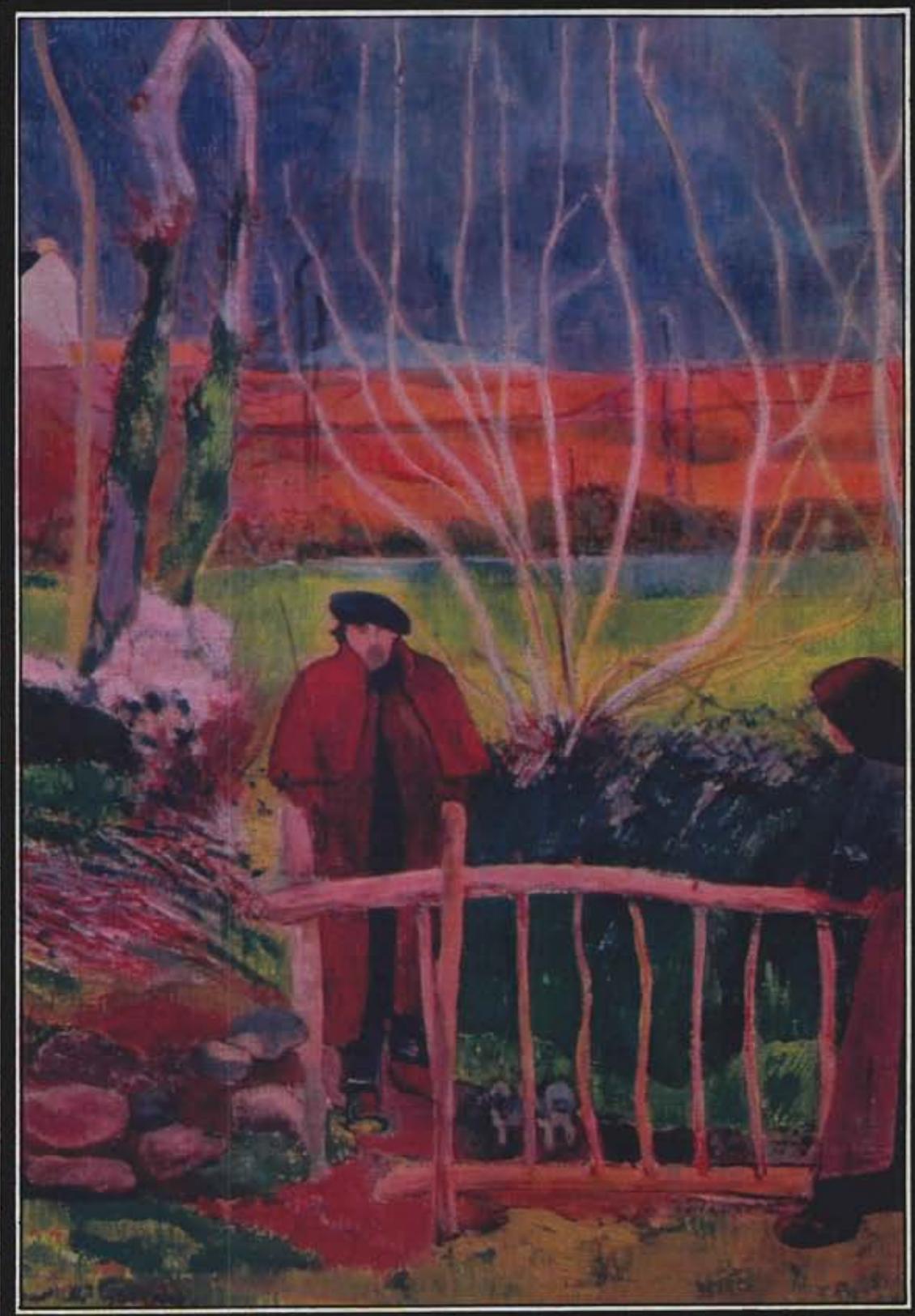
приглашающих к путешествиям, ни даже фотографии. Сейчас каждый из нас подготовлен к восприятию экзотических мест куда лучше, чем люди XIX века,— что могли им дать рассказы отдельных счастливцев, побывавших в тех или иных краях? Земля, уже пройденная путешественниками, все еще была полна тайн для художников. И одна из них раскрылась перед Гогеном.

Его встретили ослепительное солнце и буйная зелень, цветущие апельсиновые деревья и кокосовые пальмы. Необычные ритмы и фантастические легенды — как зачарованный вслушивался он в шум волн, разбивающихся о коралловые рифы, в старинные полинезийские предания о происхождении неба и моря, в веселые и печальные народные песни. И, наконец, люди — непосредственные, добрые, честные. «Эти люди, — писал он в Европу, — здесь ходят повсюду, в любую деревню, по любой дороге, спят в любом доме, едят, не говоря даже спасибо, при условии оплаты тем же. Они поют; никогда не крадут. Не убивают. И их называют дикарями!»

Свою любовь к ним, свое восхищение их миром он и старается передать в полотнах. «Самый опытный живописец... не мог бы написать ничего, если бы ему не открылись прежде границы содержания», — уверял Лев Толстой. Таитянин Гогена наивны и доверчивы, как дети. И очень красивы — художник с наслаждением пишет яркие одежду, иссиня-черные волосы, золотисто-коричневые тела, солнечные блики на них. Вспоминая их песни, пытается переносить музыку в живопись, стремится, чтобы цветовые сочетания воспринимались зрителем как единый музыкальный аккорд. Художник пишет так, как ему подсказывает природа: тропическое солнце по-иному освещает предметы, они не расплываются в дрожащем воздухе, не отбрасывают рассеянной тени, но выделяются сплошными крупными массами.

«...Нельзя для себя сочинить природу, разум и сердце» — это и есть главный из уроков, которые дает нам Поль Гоген.

Полистайте любую книгу по истории искусства — она расскажет вам об удивительных мирах и людях. О египтянках, которые, готовясь к смерти, собирали коробочки с туалетными принадлежно-

ФЕДОР ФИВЕЙСКИЙ. «СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ».

БОРИС ПРОРОКОВ. «У БАБЬЕГО ЯРА».

пышными робронами платьях, которые для них не менее тяжелы, чем латы для рыцарей. Вы получите огромную информацию о времени, в котором жил художник. Но это еще не будет даже началом постижения искусства. Оно начнется тогда, когда вы поймете не только его внешнюю, сюжетную сторону, но и внутреннюю сложность, подчас противоречивость. Поймете, что скульптура или картина не непосредственное отражение жизни, но выраженная в пластических формах система взглядов художника, сплав его мысли и чувства. Когда два художника пишут об одном и том же, получаются далеко не одинаковые произведения. Феофан Грек и Андрей Рублев — оба они писали канонические вещи на религиозные темы, но как различны изображенные ими святыне. На экстатические видения похожи образы Феофана — иссущенные внутренним огнем, обуреваемые страстными чувствами. Гармония и душевная тишина царят в мире Андрея; в его героях, ясных сердцем, воплощен нравственный идеал доброты, человечности, покоя.

В искусстве нельзя искать встреч со знакомым, привычным. Ни один классик не повторяет предшествующего, каждый художник интересен своей индивидуальностью, неповторимостью своего понимания мира. Язык искусства изменяется вместе со временем — отмирают старые, рождаются новые формы выразительности.

В 1872 году Верещагин создал «Апофеоз войны», посвященный «всем завоевателям прошлого, настоящего и будущего»: к пирамиде из человеческих черепов слетаются вороны. В 1937 году Пикассо написал «Гернику»: тукая бычья морда поднимается над мертвыми и умирающими, в тесном, не имеющем выхода пространстве гибнет все живое. Отвлеченная, казалось бы, символика «Герники» имеет реальную основу: гибнут уже не только сражающиеся солдаты, одна бомбейка может уничтожить целый город.

Каждая эпоха выдвигает своих мастеров и свою стилистику. И так не только в изобразительном

искусстве, но и в музыке, в литературе. Наряду с «Евгением Онегиным», романом в стихах, существуют японские танка — изящные лирические пьесы, наряду с вольным, раскованным стихом Уитмена — изысканно-строгие формы сонетов Петrarки, с классически-спокойной повествовательностью Диккенса — отрывистая, парадоксальная проза Воннегута...

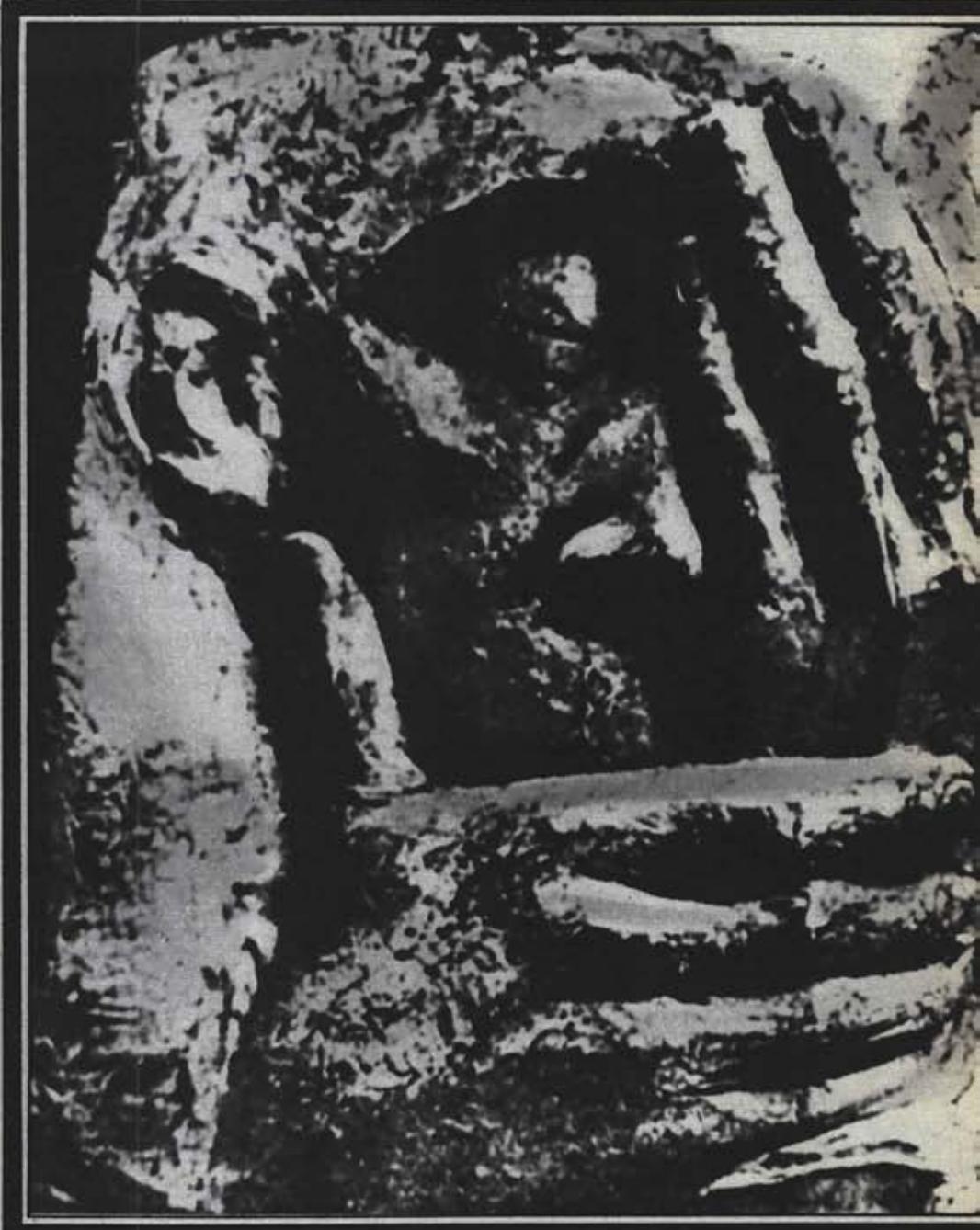
Но вернемся к Гогену. Уезжая из Европы, он расставался не только с устоявшимся там бытом, но и с характерной для того времени живописью. Во второй половине XIX века там царило академическое направление — художники писали внешне эффектные, но холодные картины, напоминающие парадные, отретушированные фотографии. Против этого уже изжившего себя художественного стиля восстали живописцы, называемые импрессионистами. Молодые художники — Манэ, Моне, Дега, Ренуар, Писарро, Сислей — стремились отразить в своих полотнах непосредственность свежего, мгновенного впечатления. Работая на открытом воздухе, они старались передать красочное богатство жизни, нежность утренних туманов и блеск солнечных лучей в листве; они показали красоту света и теней — свет у них превращался в цвет, тени — в мерцание воздуха. Вслед за ними пришла еще одна творческая группа (постимпрессионистов, то есть «после импрессионистов»), в которую входили Сезанн, Ван Гог, Сера, Тулуз-Лотрек, другие живописцы, стремившиеся поднять искусство до уровня науки. Надо научиться думать, утверждали они, и, познав законы природы, раскрыть внутреннюю сущность изображаемых предметов и явлений.

К числу постимпрессионистов принадлежал и Гоген. Его биографию можно назвать героической: все в ней было подчинено одному — живописи. Обеспеченный и благополучный банковский деятель, которого коллеги считали финансовым гением, он бросил жену, детей, привычный образ жизни, имущество, жил в пустой, неотапливаемой комна-

тушке, добывал на хлеб расклейкой афиш — и писал, писал, писал. Придя в искусство самоучкой, он отдал ему всю жизнь. Был живописцем, рисовальщиком, скульптором, резчиком по дереву — в Океании создал множество скульптур в народном маорийском стиле; был гравером, критиком, писателем — его «Ноя Ноа» до сих пор остается одной из интереснейших книг-поэм о Таити. Занимаясь каким-либо видом искусства, Гоген никогда не полагался на интуицию, но изучал его всесторонне, включая технологию. Так, расписывая керамику, освоил ее обработку, рецепты изготовления, своеобразие народных керамических изделий разных стран; особенно привлекла его керамика Японии — Гоген посвятил ей поэтический очерк.

Его скандала, пожирала работа. Люди, отдающие искусству лишь свободные часы и получающие радость от этого, не представляют, каким тяжелым бременем ложится оно на человека, одержимого творчеством. Напомню слова Золя: «Утром, едва я вскакиваю с постели, работа схватывает меня, пригвождает меня к столу, не дает мне глотнуть свежего воздуха, она преследует меня за завтраком... ложится рядом со мной на подушку, она так безжалостна, что не могу расстаться с начатым произведением, которое зреет во мне, даже когда я сплю. Я больше не живу вне работы... я заперся от мира и выбросил ключ в окно».

Такие люди не могут быть всегда ровными, мягкими, обходительными. Думаю, что именно поэтому вам, дорогая Н. Любогощанская, кажется неприятным нравственный облик Гогена. Постоянную занятость делом вы принимаете за равнодушные к другим людям, увлеченность — за самовлюбленность, нервность — за резкость, грубость. Гоген не был ни безнравственным, ни бессердечным. Среди слов, сказанных в «его пользу», свидетельство человека чистейшей и честнейшей души — Ван Гога: «Встречаясь с ним, нельзя не думать об известной моральной ответственности». А сколько добра сделал Гоген туземцам Полинезии, вступаясь за

них перед чиновниками, вмешиваясь в процесс судопроизводства, несмотря на то, что это вмешательство было чревато для него немалыми личными неприятностями. Когда он скончался, туземцы окружили его дом с плачем: «Гоген умер, мы пропали!»

Опыт Гогена еще раз подтверждает, как важны для художника принципиальность и новизна творческого поиска, непредвзятость взгляда на окружающее. Ему удалось создать свой стиль, бывший, по его признанию, «скорее результатом размышлений, чем усвоенного ремесла». Он беспощадно изгонял из картин всякую красавицу, малейшую позу, даже намек на нее. Предельно упрощал каждую форму, отбрасывая все второстепенное, стремился к предельному лаконизму. «Если хочешь изобразить яблоко, — говорил он, — сделай круг». Писал звонко, красочно, декоративно, не боясь неожиданных сопоставлений локальных насыщенных тонов, заставлял звучать цвет в полную силу. «Каким вы видите дерево?.. Оно зеленое? Так берите же зеленый, самый красивый зеленый из вашей палитры; а эта тень скорее синяя? Так не бойтесь написать ее такой синей, как только можно...» И это были не только советы, но и исповедание веры. В цвет он вкладывал мысль, чувство, всю силу мысли и всю страстность чувства. Рисуя не отдельные ветки, а всю купу дерева в целом, он цветом давал представление о его сочности или увядании, мощи или нежности.

От наблюдения жизни он шел к размышлению о ней — к обобщению видимого, к синтетическому восприятию бытия. Потому его картины, даже такие сюжетные, как «Дух мертвых бодрствует» или «А, ты ревнуеть?», никогда не имеют жанрового характера. В них сложный сплав философии и поэзии, жизненных наблюдений и романтических раздумий о ней. Что это, просто экзотика? Нет, стремление понять внутреннюю сущность людей иного мира — близких к природе, живущих с ней единой жизнью.

Разумеется, язык Гогена, так же как язык многих других художников, не всегда прост и не сразу доступен, но ведь неподготовленный человек не получит наслаждения ни от музыки Шостаковича, ни от прозы Хемингуэя.

Сходные по звучанию глаголы «слышать» и «слушать» различны по значению. Идя по шумной улице, мы слышим тысячи звуков, чаще всего не останавливающих внимания. В концерте слушаем певца или музыканта, следя за движением мелодии, за тонкостью и своеобразием исполнения. То же происходит и в изобразительном искусстве. Способность смотреть еще не означает умения видеть, проникать в суть произведения, улавливать языки, которым оно говорит с нами. Умение видеть дается опытом, требует душевного напряжения, культуры, непрерывного совершенствования вкуса. «Если ты хочешь наслаждаться искусством, то ты должен быть художественно образованным человеком», — утверждал Карл Маркс.

У искусства своя специфика, свои формы познания мира. Существует легенда о том, что один древнегреческий художник так написал кисть винограда, что воробы кидались клевать изображенные им ягоды. Когда эту легенду пересказали Гёте, то он усмехнулся и заметил, что в отношении искусства некоторые люди уподобляются воробьям. Искусство не повторяет фактов бытия, оно осмысливает их и воссоздает в самостоятельных художественных образах и, следовательно, всегда несет в себе известную долю условности.

Условность эта характерна даже для самых реализмических произведений. Вряд ли кто усомнится в реализме Шадра, автора «Булыжника — оружия пролетариата», в реализме Репина. Прочтите же отрывок из рабочих записей Шадра, посвященных знаменитой картине Репина «Иван Грозный и сын его Иван». «Сkeptiki вопят: «Иван Грозный неверен анатомически! Если его выпрямить, то он окажется великаном!» Но попробуйте «анатомически верно» изобразить его. Маленько, тщедушно-

го, отодвинутого на второй план — и деспота нет. Нет Грозного, нет убийства, нет потрясающей картины». Разумеется, условность эта находится в зависимости от метода художника: она возрастает в цветовых обобщениях Гогена, в символической композиции «Герники» Пикассо.

Мы часто говорим об ответственности художника перед зрителем. Но есть и другая сторона медали — ответственность зрителя перед художником, его трудом, его жизнью. «В вопросах культуры торопливость и размашистость вреднее всего», — писал В. И. Ленин. Надо не просто принять или отвергнуть произведение, но оценить его по достоинству. Приобрести нужные для этого знания в нашей стране могут все — у всех есть возможность читать, учиться, посещать народные университеты культуры, музеи. Нужно уметь сопоставлять и сравнивать различные произведения искусства. Надо учиться думать.

Вы, вероятно, ожидали, что я буду отвечать на выше письмо по пунктам (почему у персонажей Гогена некрасивые ноги, почему он написал собаку розовой), и удивлены, а может быть, и недовольны, что я пишу не столько о Гогене, сколько об искусстве вообще — о его сложности, о путях его познания. Но делаю это я вполне умышленно и потому, что хочу вам доброго. Для того, чтобы картины и скульптуры стали вашими друзьями и собеседниками, чтобы постичь их язык, книгу искусства надо листать неспешно, вдумчиво. В однажды ничего не добьешься. Конечно, можно задать вопрос сегодня о Гогене, а завтра об Эль Греко или Ван Дайке, но даже самый подробный ответ о том или ином художнике мало что даст вам. Искусство не лоскунское одеяло, в нем есть свои закономерности и пути развития, свои логика и целостность.

Искусство — это целый мир, огромный и многообразный. И тот, кто хочет чувствовать себя в этом мире свободно и радостно, должен переступить его порог сам.

Конкурс читателей «Смены»

Хоккейная сборная: какой она будет?

В девятнадцатом номере «Смены» за 1977 год было напечатано письмо старшего тренера сборной СССР по хоккею Виктора Васильевича Тихонова и послесловие редакции, где читателям журнала было предложено попытаться предугадать состав команды, которая отправится в Прагу в апреле нынешнего года на чемпионат мира по хоккею.

Редакция получила свыше тысячи четырехсот предложений.

Пожалуй, все «помощники» и «консультанты» руководителей нашей главной хоккейной команды, среди которых неожиданно много женщин, разделяются на две неравные группы. Большая часть любителей хоккея исходит из старого, как мир, тезиса «от добра добра не ищут». Если наша команда выигрывала один чемпионат за другим, если носит она бессменно с 1964 года высший в спорте титул олимпийского чемпиона, то стоит ли обращать внимание на две неудачи на чемпионатах мира в Катовице в 1976 году и в Вене в 1977-м?!

Александр Кочнев из Арзамаса, Горьковской области, Андрей Андрианов из города Балхаша, Казахской ССР, Л. Федорова из Ленинграда, семья Ширинских из Ярославля, Алексей Михайлов из Мурманска, Павел Иванчиков из Москвы, Николай Михайлович Поддубный из города Дружининская, Литовской ССР, Анатолий Казачук из села Томахов, Ровенской области, и свыше восьмисот других любителей хоккея предлагают включить в состав сборной страны только испытанных бойцов. Их сборная сформирована так: вратари Владислав Третьяк и Александр Сидельников, защитники Владимир Лутченко, Сергей Бабинов, Геннадий Цыганков, Вячеслав Фетисов, Валерий Васильев, Александр Гусев, нападающие Борис Михайлов, Владимир Петров, Валерий Харламов, Виктор Шалимов, Владимир Шадрин, Александр Якушев, Сергей Капустин, Виктор Жлуктов, Хельмут Балдерис, Александр Голиков, Александр Мальцев и Александр Волчков.

Некоторые из этой группы болельщиков предлагают заменить одного-двух опытных хоккеистов другими, по-жалуй, тоже достаточно опытными, в частности, Владимиром Викуловым, Василием Первухиным, Вячеславом Анисиным, Александром Билялетдиновым, Борисом Александровым. Если и возможны новички в сборной, полагают эти любители хоккея, то речь идет только о вратаре Сергея Бабарико.

Другая группа «консультантов» предлагает решительное омоложение сборной. Арнис Сандерс из Лиепая, Латвийской ССР, Анатолий Серицкий из Перми, Сергей Угоров из Джезказгана, Казахской ССР, Александр Швачич из Лисичанска, Украинской ССР, Юрий Суховиленко, Олег Шумилов, Николай Бухонин из Челябинска и пятьсот шестьдесят их товарищей по увлечению предлагают включить в сборную не менее четырех-пяти, а то и семи новичков, и в их числе защитников из челябинского «Трактора» Николая Макарова и Сергея Тыжных, Владимира Крикунова и Вячеслава Назарова из рижского «Динамо», Владимира Зубкова и Александра Куликова из московского «Спартака», нападающих Виктора Кутергина из «Автомобилиста», Сергея Макарова из Челябинска, Анатолия Емельяненко из Риги.

Так кто же из любителей хоккея прав? Какой должна быть сборная в апреле—мае 1978 года? Кто из новичков может занять место ветеранов? Или ветераны все-таки по-прежнему сильнейшие? А может быть, нужно найти «золотую середину», оптимальное сочетание опыта ветеранов и задора молодых?

Время еще есть. И у тренеров сборной. И у болельщиков.

Редакция решила продлить конкурс знатоков хоккея. Последний срок отправки писем в «Смену»—20 апреля 1978 года (по почтовому штемплю).

Ждем ваших предложений.

ШАХМАТЬ ШАХМАТЬ ШАХМАТЬ ШАХМАТЬ ШАХМАТЬ ШАХМАТЬ

Василий СМЫСЛОВ,
международный
гроссмейстер,
 экс-чемпион мира.

ских шахматных мастеров, чемпионом общества «Динамо», призером первенства РСФСР, дважды выступал в финалах чемпионата СССР. О классе его игры свидетельствуют победы над П. Кересом и Т. Петросяном, С. Флором и Д. Бронштейном, В. Рагозиным и Г. Левенфишием, И. Бондаревским и Ю. Авербахом, В. Симагиным и А. Толушем, А. Суэтином и Р. Холмовым и другими прославленными шахматистами. Я хотел бы подчеркнуть, что мой друг Виктор Люблинский принадлежит к категории шахматистов-художников, которые понимают древнюю игру прежде всего как искусство. Как понимали ее великие русские шахматисты Алехин и Чигорин.

Почти четыре десятилетия—лишь с перерывом в военные годы, когда он служил флотским старшиной,—В. Люблинский ведет учебно-методическую, педагогическую, судейскую работу в различных шахматных коллективах. 23 мастера, большая группа кандидатов в мастера и первворазрядников получили у него путевку в «серебряные шахматы». Виктор Люблинский—заслуженный тренер РСФСР и арбитр всесоюзной категории. Основная работа не помешала В. Люблинскому уделять много времени пропаганде шахматного творчества в газетах и журналах.

С особенной любовью он реадаптировал шахматные отделы в молодежной печати—в «Пионерской правде», в «Московском комсомольце», на конец в «Смене», которая немало сделала для вовлечения со-

ветской молодежи в орбиту шахматной культуры. Кстати, именно В. Люблинский 18-летним студентом стал одним из первых лауреатов шахматных конкурсов, организованных «Сменой». Вот уже многие годы Виктор Александрович редактирует шахматный отдел в этом журнале с более чем миллионным тиражом. За четверть века редакцией проведены пользующиеся огромной популярностью массовые олимпиады, в которых участвовали сотни тысяч любителей шахмат.

Предлагаем вниманию читателей три запоминающихся фрагмента, характерных для шахматного творчества В. Люблинского, чья манера игры отличается нешаблонной дебютной трактовкой, тонкой стратегией, поисками красивых комбинаций, высокой техникой эндшпилля.

Перед вами любопытный тяжелофигурный миттельштиль, возникший после 36-го хода черных в партии В. Люблинского, которую он играл белыми с С. Флором в XVII чемпионате СССР.

Прорывом в центре белые не только уравнивают шансы, но и создают опасные угрозы, а их гроссмейстер явно недооценил. 37. d4—d5 e6:d5.

Черным необходимо было пойти на вариант с разменом ферзей—37. ...Fc1+ 38. Kpd2 F:d2 39. L:d2 e5! Теперь же они попадают под разгромную атаку.

38. Ld3:d5 Lc8—c7 39. Kpg1—g2 Fc6—a8 40. Fd2—g5! Lb4—c4 41. Ld5—d8+, и черные сдались.

На этой диаграмме изображено ладейное окончание, к которому после 38-го хода черных пришел поединок из того же турнира В. Люблинского (у него были белые фигуры) с П. Кересом. Основным козырем белых здесь является не столько лишняя пешка, сколько позиционный перевес.

39. Ld4—d7! Lc8—c5 40. Ld7:a7 Lc5:b5 41. b2—b4 Lb5—d5 42. Kpf3—e4 Ld5—d8 43. c3—c4 Kpg8—f8 44. La7—b7

Ld8—e8+ 45. Kpe4—d4 Le8—d8+ 46. Kpd4—e4 Ld8—e8+ 47. Kpe4—d4 Le8—d8+ 48. Kpd4—e4! Ld8—e8+ 49. Kpe5—d6 Le8—e4 50. Kpd6—d5 Le4:14 51. Lb7:b6 Lf4:g4.

Гроссмейстеру удалось восстановить материальное равенство, однако проходные пешки его соперника значительно ближе к полям превращения в ферзи.

52. c4—c5! Lg4—g1 53. b4—b5 Lg1—d1+ 54. Kpd5—c6 g6—g5 55. Lb6—a6 Kpf8—e7 56. b5—b6, и черные сложили «оружие».

А здесь вы видите эндшпиль, получившийся после 46-го хода белых в партии чемпионата Москвы 1947 года, которую В. Люблинский играл черными против Д. Бронштейна. У черных не хватает слона, но они смело жертвуют качество, и фигуры гроссмейстера оказываются не в силах задержать грозные проходные пешки партнера.

46. ...La8:a4! 47. b3:a4 b4—b3 48. Cd2—c3 d3—d2, и белые сдались.

НА ДАЛЬНЕЙ СТАНЦИИ СОЙДУ

Слова Михаила ТАНИЧА.
Музыка
Владимира ШАИНСКОГО.

На дальней станции сойду,—
Трава—по пояс!
И хорошо с былым наедине
Бродить в полях,
Ничем, ничем не беспокоясь,
По васильковой,
Синей тишине.

На дальней станции сойду,—
Запахнет медом!
Живой воды попью у журавля!
Тут все—мое,
И мы, и мы отсюда родом—
И васильки,
И я, и тополя.

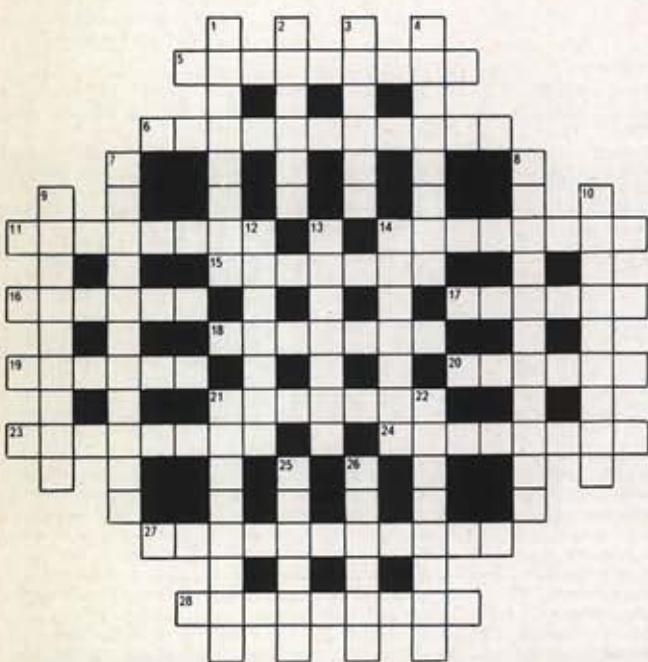
На дальней станции сойду—
Необходимой!
С высокой ветки
В детство загляну.
Ты мне опять позовь,
Позволь, мой край родимый,
Быть посвященным
В эту тишину!

На дальней станции сойду,—
Трава—по пояс!
Зайду в траву,
Как в море босиком!
И без меня обратный
Скорый-скорый поезд
Растает где-то
В шуме городском.

КРОССВОРД

Составила Г. ВАЛЬКЕВИЧ.
Минск

По горизонтали:

5. Птица отряда буревестников. 6. Травянистое водное растение. 11. Специалист, изучающий водные пространства Земли. 14. Прибор для измерения освещенности. 15. Изменение скорости химической реакции. 16. Кустарник семейства жимолостных. 17. Действующее лицо трагедии В. Шекспира «Гамлет». 18. Озеро на Валдайской возвы-
шенности. 19. Приток Миссури. 20. Четверостишие, строфа. 21. Участок земли для застройки, обработки. 23. Южное декоративное вьющееся растение. 24. Негритянская певица, выступавшая в тридцатые годы в СССР. 27. Руководитель первого русского кругосветного плавания. 28. Популярная советская эстрадная певица.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 6

По горизонтали:

6. Диалектология. 9. Барокко. 11. Позитив. 13. Стадион. 15. Стекло. 16. Альбом. 17. Стереотип. 19. Инари. 21. Такси. 22. Антонов. 24. Авиация. 25. Каска. 26. «Слава». 27. Отава. 28. Колба. 30. Полигон. 31. «Аполлон». 33. Остров. 34. Ворон. 35. Аристофан. 36. Липецк. 38. Арахис. 39. Криптон. 42. Россини. 43. Заломов. 44. Тригонометрия.

По вертикали:

1. Шест, древко для знамени, стяга. 2. Рассказ А. П. Чехова. 3. Руководитель эстрадного оркестра, народный артист СССР. 4. Французский духовой инструмент, род волынки. 7. Воплощение в кино литературного произведения. 8. Пояснительное примечание к тексту. 9. Управляемый аэротостат. 10. Популярный советский киноактер. 12. Помещение для экспонирования произведений изобразительного искусства. 13. Писательница, лауреат Ленинской премии. 14. Разновидность гармоники. 21. Мембрана для усиления звука в громкоговорителе. 22. Актриса МХАТа, общественная деятельница. 25. Промысловая морская рыба. 26. Кинофильм на сюжет романа Ю. Бондарева.

1. Кимоно. 2. Флокс. 3. Стенд. 4. Фотон. 5. Лисица. 7. Баккара. 8. «Сильвия». 10. Отрезок. 11. «Полтава». 12. Станиславский. 14. Консерватория. 17. Смородина. 18. Пластилин. 20. Инсаров. 21. Тихонов. 23. Вагон. 24. Акаба. 28. Колибри. 29. Алофеоз. 30. Поленов. 32. Новатор. 37. «Косарь». 38. Аконит. 39. «Книга». 40. Посол. 41. Нарта.

РУБЕЖ ТИМОШЕНКО

Начало на 24-й стр.

НА МАРШЕ.

От резкого торможения нас по инерции бросило вперед. Первым выскочил из БМП Тимошенко, следом за ним из задних дверей — остальные. И вот уже вся рота во главе с Губиным, рассыпавшись цепью по полю, атакует траншеи «южных». И каждый, действуя, казалось бы, самостоятельно, в то же время оставался боевой единицей военного строя. Нам с Черниковым из машины были видны только белые пятна маскалатов и отблески автоматных очередей. Десять шагов — очередь, еще десять шагов — очередь... Все не так просто, как кажется; надо суметь на ходу выбрать позицию для стрельбы, держать дыхание; еще нельзя отставать от танков и нарушать дистанцию между собой и товарищами.

И вот последний рывок цепи, кроткое яростное «ура», яркие вспышки ручных гранат, которые завершают схватку. «Южные» отброшены, первая линия их обороны взята. Черников посыпает машину вперед, к траншеям, где, еще не отдавшись от почти километрового маршброска, стоят его товарищи. И, не теряя ни секунды, полк, теперь уже на БМП, начинает преследование отходящих подразделений «южных».

«Северные» были оставлены в том месте, где поле по обе стороны обступал густой старый лес. Подойдя к узкому проходу, соединяющему одно поле с другим, тяжелые боевые машины, теперь уже лишенные пространства для маневра, вынуждены были снизить скорость. Вот здесь-то «южные» и бросили нам навстречу свой танковый резерв. Десятки танков, внезапно показавшиеся на склоне высоты, преградили путь атакующим подразделениям. Лавина столкнулась с лавиной.

— «Кактус-10», твои цели правее обогревшего дерева!

— Вас понял, — отвечает Тимошенко.

И теперь уже он — Прохорову:

— Орудие к бою, стрельба боевыми. — И добавляет: — Игорь, только спокойно.

— Есть спокойно.

Лязгает затвор орудия, заглатывающего снаряд. Мне снизу видно только подбородок Прохорова, приникшего к видеосмотрителю и бормочущего что-то самому себе.

Вдруг Черников резко берет влево и, пролетев метров десять, с ходу зарывает машину в глубокий сугроб так, что она оказывается в снегу почти по самое основание башни. Всё правильно, здесь, в сугробе, нас почти незаметно. «Хорошо, Саша, — кричит ему Тимошенко, — то, что надо».

нические курсы, где с молодыми изводчиками и механиками-водителями занимались их более опытные товарищи и офицеры. А потом бюро ВЛКСМ роты специально проверяло знания каждого из молодых воинов и давало им свою, комсомольскую аттестацию, не менее строгую, чем аттестация командиров.

Первый снаряд прошел чуть выше цели. Ладно, это пристрелка главное, не паниковать, учиться поправкам при

Через несколько минут мы вновь катимся вперед, туда, где в поле догорают стальные мишени, где сквозь и снова по команде «горюч» отделения спешатся и пойдут в атаку. И я вновь вместе с Черниковым буду смотреть в спину своих ребят, теперь уже зная, что вот это бежит Владимир Тимошенко, у него корпус чуть склонен вперед и правый локоть всегда плотно прижат к телу, чтобы во время стрельбы не дрожала мушка. Справа от него прямойственный, широкий в плечах, смыкая уловистый. Помимо Альбина, он очки ходами брасывает гранаты.

ТОВАРИЩЕСТВО.

Расстояние от нас до первой бронированной цели больше километра. Тут нужна почти филигранная точность наводки. Сейчас уже исход боя зависит только от «башенных», они должны огнем своих орудий остановить танки «южных», личное оружие в таких случаях малоэффективно. Но одно дело тренажер, на котором можно сколько угодно тренировать глазомер и где результаты стрельбы, если ты четко следишь инструкции, почти идеальны. Другое — бой, такой, как этот, с его психологическим накалом, стремительностью, ответственностью.

Военный стаж нашего наводчика-оператора Игоря Прохорова всего два месяца, это не считая учебного подразделения. Мало? Да, немного. Но каждый день все эти два месяца накануне учений он чувствовал неустанный заботу товарищей о его профессиональном росте. И прежде всего командира отделения Тимошенко, который прекрасно знал специальность наводчика, занимался с Игорем сам; под его контролем Прохоров до автоматизма отрабатывал каждую операцию на тренажере. Мало того, за месяц до учений по предложению Тимошенко в роте были созданы тех-

втором выстреле. Но нельзя и тянуть время, бой бронированных машин скротечен, кто кого — решается в течение нескольких минут. Наша БМП содрогается от мощного удара, кажется, что в ушах звенит все железо машины. Второй выстрел точен, снаряд пробивает броню танка, угодив ему под самую башню.

— Молодец, Игорь, еще раз так же! — кричит Тимошенко.

— Есть так же.

Где-то недалеко от нас грохнула наша САУ, потом еще одна, еще. Теперь уже контратака «южных» захлебнется наверняка, удар самоходной артиллерии им не выдержать.

сделает это первым. Справа от Тимошенко широкими, плюшево мягкими шагами пойдет Юрий Рыбаков со своим пулеметом. Он немного странный парень, чересчур обидчивый и порой замкнутый, но прекрасно знает свое дело и стреляет на «отлично» из любого положения.

Они пойдут от рубежа к рубежу вместе, в одном строю.

...После учений в приказе по полку рота Губина была отмечена как одна из лучших, а Тимошенко и его ребятам была объявлена благодарность. За «Березину», за их высокий труд и стойкость, за верность традициям своих отцов, победивших в той войне.

ВЗЛЕТ ЧЕРЕЗ ДВЕ МИНУТЫ

